

ПИСЬМА ОТЦА

из Петрограда

(1912–1915 гг.)

и откровения русского солдата
империалистической войны

(1916–1917 гг.)

Составитель — Т. Н. Лагинменская

К 1400912

Вологда
2008

От автора

Книга посвящается моим сыновьям Олегу и Вадиму, а также внукам Денису и Лёне в память о своих корнях.

Письма империалистической войны

Отцом были написаны с буквой (ять), а поэтому он их переписал в большие «амбарные книги». С этих книг и напечатаны письма, в которых есть отступления отца в скобках от 1977 г., когда ему было 80 лет.

Письма напечатаны в сокращении.

Начало писем сокращено, т.к. они начинаются одними и теми же словами: «Прошу от Господа Бога родительского благословения, которое может существовать по гроб моей жизни»... В начале всех писем отец низко кланяется, как и в конце, всем многочисленным родственникам..., крестному и крестной..., а также девицам и молодцам...

Письма делятся на три периода: из Петербурга, где отец работал портным в год 300-я дома Романовых; из Петергофа, где обучался перед позицией (фронтом); из Австро-Венгрии, где воевал 20 месяцев и 10 дней.

Последние страницы писем взяты из дневника отца, т. к. он кроме писем писал и дневник, который он носил на шнурке и на шее.

Письма все хранила в сундучке старшая сестра Толя, которую братья называли «няней». Начало дневника отца вышло в альманахе «Вологда 3» в 2000 г. Продолжение дневника отца в альманахе «Вологда 5», который не напечатается областью из-за отсутствия средств.

Письма отца с Отечественной войны вышли в июне 2007 г.

Т. Н. Лагинменская

Письма из Петербурга 9/XII-1912 г. — 17/XI-1913 г.

№ 1. Декабря 9 дня 1912 года.

В первых строках моего письма прошу от Господа Бога родительского благословения, которое может существовать по гроб моей жизни. Низко кланяюсь дорогим тете и маме и всем сестрам и братьям и посылаю всем по низкому поклону. Кланяюсь крестному Елеферью Григорьевичу и Софье Алексеевне, дядюшке Николаю Михайловичу и тетушке Александре Андреевне, Александру Ксенофонтовичу и его жене Полиinarie.

Уведомляю вас, что доехал хорошо, Федора Лаверовича нашли скоро. До того места, где я живу, от вокзала будет верст десять. Мы ехали на конках и трамвае, доехали очень скоро. Мне очень нужны летние калоши потому, что в зимних никто не ходит. На улицах нет снега и все кругом камень, ездят на колесах. К Рождеству купите, и перешлите с Н. Дмитриевичем калоши или дозвольте купить мне их здесь. Еще я вам скажу, что получаю покудова 8 рублем в месяц, может быть еще больше даст. Значит, работать можно, дома больше не зарабатываешь.

Напишу о городе Петербурге, почти по всем улицам ездят конки и трамваи. Но кроме этого еще более 16 тысяч номеров извозчиков и в этом я не ошибаюсь.

Работаем в солдатской казарме среди солдат и всегда весело. Тут две казармы и во всех казармах по два батальона.

Купил чайный стакан, купил стружек на 15 коп. и набил постель. Квартира у меня пока на кухне.

Еще прошу я вас, напишите мне о погоде потому, что здесь не очень далеко, а снегу очень мало. На нашей улице нет совсем снегу.

Писать больше нечего. Затем до свидания.

Адрес мой: г. Петербург, Выборгская сторона

Самсоновский проспект, дом 49 кв. 58

Любящий Ваш сын Николай Шалагин

№ 2. 1912 года декабря 16 дня. От папаши.

Милому и дорогому нашему сыну Николаю Григорьевичу от родителей ваших Григория Ксенофонтова и Елены Андреевны низжайшее почтение и с любовью низкий поклон. И посылаем тебе заочное родительское благословение, которое может существовать по гроб вашей жизни. Кланяются братья ваши Василий, Сергей,

Павел, Григорий, сестры ваши Евстолия, Александра, Мария. И затем остаемся живы и здоровы. Еще уведомляю вас, что письмо твое пришло без марки. Погода с сегодняшнего дня стояла градусов на 10 и снегу у нас много. Как вы спрашивали о калошах, она (мать) позволяет купить. В Николин день наши молодцы Иван Григорьевич Сергеев, Александр Николаев, Петр Григорьев, Петр Тимофеев, Александр Иванов ходили в д. Нагорьево и там поскандалили и подрались. И оказалось один убитый, другой еле живой. Убитый из деревни Чашниково — Алексея Анфиногенова Мушникова. Были допросы, наши молодцы четверо сознались кроме Александра Ивановича. Всего молодцов было из 17 деревень.

Тетка Анна Ксенофонтовна очень плохо видит на оба глаза. Если калоши тебе зимой не надо, то перешли их домой. Сын наш милый, живи с Богом и уповай на него, и не ленись на досуге ходить в церковь, не будь, как отец Крестный.

Слушайся Федора Лаверовича. Посылаем нижайшее почтение Господину Федору Лаверовичу и просим Вас будете вместе нас родителей. С сегодняшнего дня запрягал жеребенка, идет очень хорошо, ездил в д. Кудрино. Пришлось за марку заплатить 14 коп., если нет своей марки, то посылай письмо без нее. Еще кланяется отец Крестный Елеферий Григорьевич и Софья Алексеевна. Поздравляем Вас с высокаторжественным праздником Рождеством Христовым. Затем до свидания. Родитель ваш Григорий Ксенофонтов Шалагин.

№ 3. Декабря 26 дня 1912 года. Моё домой.

Здравствуйте, дорогие и многоуважаемые мною родители, здравствуйте, братья и сестры! Поздравляю я Вас с проходящим высокаторжественным праздником Рождеством Христовым и с наступающим Новым Годом, и желаю в радости проводить Рождество Христово, и в радости встретить Новый год. Присылаю я вам, родные и близкие к сердцу тетя и мама, сестрица Евстолия, Шура и Маня также и братьям моим Василию, Сергею, Павлу и Григорию низкий-низкий поклон и желаю быть всем веселым, довольным.

Еще я вам желаю сказать, что я проводил праздник очень скучно, почти все на квартире. В первый день ходил к товарищу в квартиру, который тоже работает вместе, но это тоже не развлечение, а на второй день я сидел в своей квартире, и единственным моим развлечением было, что я написал письмо, но может быть, придется сходить в театр не знаю. А хозяин мой выпьет вина, пива и ляжет спать. Потому что ему больше ничего не трезубется.

Еще я вам уведомляю, что хозяином Федором Лаверовичем я доволен, потому что он покажет и скажет честью, и мне легко и радостно, потому мне, когда работаем, не бывает скучно и я всегда весел. Еще я вам желаю высказать положение моего жития теперешнего. Я живу в квартире не у русских, а не знаю у каких. Живу на длинной улице, по этой улице ездит паровая конка, как все равно и машина, паровик и три вагона, ездит по таким же рельсам. Да улица эта верст так пять, а то и больше. А мастерская будет от квартиры с полверсты. Мастерская наша, где солдаты живут, отдельное помещение, пред стенами учат солдат. А едим на работе солдатскую пищу и солдатский хлеб, иногда приходится, есть с солдатами вместе. Работает нас в мастерской 10 человек. Три больших верстка, 6 казенных ножных машин, 12 тяжелых утюгов. Топится с утра до поздней ночи плита. Работаем мы так. Утром приходим часу в седьмом. Кончаем в 10-11 вечера. Еще мне интересно и желаю я Вам сказать, что здесь снегу нет почти нисколько и в первый день рождества, был дождь. Так прошу я Вас опишите, какая у вас дома была погода в рождество, и как провели праздник. Еще прошу я Вас узнать адрес Александры Дмитриевны и пришлите мне. Еще прошу передайте поклон Крестному и Крестной, дяденькам Кучерову и Шалагину Александру Ксенофоновичу, Кучерову Николаю Михайловичу и Александре Андреевне, и Апполинарье Ивановне. Пуще всего передайте поклон Александру Олову и еще тетеньке Анне Ксенофоновне. Я галоши купил за 2 р. 20 к. Адрес наш: город Петербург, Выборгская сторона, Самсоновский проспект, дом № 49, кв. 58. Передать Николаю Шалагину. Любящий вас сын ваш и брат Николай.

№ 4. Декабря 26 дня 1912 года. Моё домой.

Здравствуйте дорогие и многоуважаемые мною родители. Поздравляю я Вас проходящим высокаторжественным праздником Рождеством Христовым и с наступающим Новым годом. Желаю в радости проводить Рождество Христово и в радости встретить Новый год. Присылаю Вам дорогие и близкие к сердцу тетя и мама, сестрица Евстолия, Шура, Маня, а также и братьям моим Василию, Сергею, Павлу и Григорию низкий поклон и желаю быть всем веселым и довольным. Еще я вам желаю сказать, что я проводил праздник очень скучно, почти все на квартире. В первый день ходил на квартиру к товарищу, который работает вместе со мной. На второй день я сидел в своей квартире и писал письмо, но может быть придется сходить в театр.

А хозяин мой по квартире выпьет вина, пива и ляжет спать потому, что ему больше ничего не требуется.

Еще я вас уведомляю, что я хозяином Федором Лаверовичем доволен потому, что он укажет и скажет все честно, потому мне легко и радостно работать. Мне не бывает скучно и я всегда доволен, весел. Еще я Вам желаю высказать положение моего теперешнего житья. Я живу в квартире не у русских, а не знаю у каких, живу я на улице, по которой ездят паровые конки. Конка все равно как машина — паровик с тремя вагонами ездят по таким же рельсам. Мастерская от квартиры будет с полверсты, при мастерской нашей живут солдаты в отдельном помещении. Перед нашими окнами учат солдат, едим на работе солдатскую пищу и солдатский хлеб. Работает нас 10 человек три больших верстака в разных положениях 12 утюгов, и топятся они с утра до поздней ночи. Работаем мы так: утром приходим часу в 7ом, а кончаем в 10,11. Еще мне интересно вам сказать, что снегу нет почти нисколько, а в первый день Рождества был дождь.

Опишите, какая была у нас погода в Рождество, и как провели праздник. Еще прошу узнать адрес Александры Дмитриевны и перешлите его мне. Прошу передать поклон крестному и крестной, дяденькам Николаю Кучерову и Александру Ксенофонтовичу и тетенькам Александре Андреевне и Аполинарии Ивановне. Пуще всего передайте поклон тетеньке Анне Ксенофонтовне.

Я калоши купил за 2 рубля 20 коп.

Мой адрес г. Петербург Выборгская Сторона, Самсоновский проезд дом 49 кв. 58 Шалагину Н.

Любящий Ваш сын Николай

№ 5. Января 18 дня 1913 года. Моё домой.

Здравствуйте многоуважаемые родители, шлю я вам низкий поклон и всем братьям и сестрам. Я живу, слава Богу, хорошо и спокойно. Прошу я вас пошлите мне ответ на письмо, я отослал калоши и старые камашки.

Многоуважаемый сын ваш Николай Григорьевич Шалагин.

№ 6. 1913 года января 18 дня. От папашки.

Милому нашему сыну Николаю Григорьевичу от папашки. Посылаем по низкому поклону любящие твои родители Григорий Ксено-

фонтович и Елена Андреевна, посылаем заочно родительское благословение, которое может существовать по гроб вашей жизни. Уведомляем вас, что остаемся живы и здоровы. Жеребенка продали за 81 рубль. Марью Архиповну Баражкину отдали в замужество за Владимира Степ. Мохова, а Марью Васильевну Старшинову за Василия Прокопьева Швецова. И потом просим тебя в праздничные дни поспеши сходить в храм Божий и затем помни, что без Бога не до порога. И затем посылаем по низкому поклону Федору Лаверовичу.

Погода стоит сухая градусов 10, 15, ездили в город купили возжи за 2 руб. 75 коп. и узду за 2 руб.

Пировали на свадьбе у Марьи Архиповны, попили винца с хлебом. Еще кланяются братья ваши Василий, Сергей, Павел, Григорий и сестры Евстолия, Александра и Марья.

Возил дрова и заработал 22 руб.

№ 7. 1913 года января 23 дня. От папашки.

Здравствуй любящий наш сын Николай Григорьевич Шалагин. Посылаем тебе по низкому поклону любящие твои родители. И посылаем тебе заочное родительское благословение, которое может существовать по гроб твоей жизни. И еще уведомляем вас, что остаемся живы и здоровы. И еще помни родительское слово, ходи чаще в храм и не забывай Бога, без Бога не до порога.

И еще посылают тебе по низкому поклону родные твои братья и сестры. И еще кланяется отец крестный Елеферий Григорьевич и крестная Софья Алексеевна. Мы все желаем тебе быть здоровому. За жеребенка купили сани и возжи за 32 руб. За швейную машину уплатили 31 руб. Сестрице купили сак за 25 руб.

На рождество у нас погода стояла холодная градусов 10, 15. Николая Дмитриевича мы видели, и он сказал, что вы живете хорошо. Мы тем радуемся.

Опиши нам в письме, что приедешь ли на масленицу. Федору Лаверовичу мы кланяемся.

И затем до свидания. Живи да не тужи. Будет время, приедешь домой, то не забудь, как хотелось тебе в Петербург. В деревне будешь «питеряк».

№ 8. Февраля 7 дня 1913 года. Моё домой.

Здравствуйте дорогие и многоуважаемые мною мои родители, братья и сестры. Посылаю я всем вам с любовью и почтением низ-

кий поклон. Также кланяюсь отцу крестному и крестной, всем дядям и теткам и всем знакомым. Уведомляю вас, что я живу, слава Богу, очень хорошо. По дому не сильно скучаю потому, что если Господ даст здоровье, то приеду и домой.

Уведомляю вас, что жить мне приходится очень скупо потому, что если жить, не скупиться, то здесь пропадешь, да и домой приедешь ни с чем.

Милые родители не сомневайтесь, пожалуйста, обо мне, что я научусь здесь к худому, например, пить водку и курить табак. Я буду ждать с нетерпением вашего письма. Это письмо перешлите с проводником Федором Лаверовичем.

Изобиваюсь я, что вы мне прошлый раз написали очень мало, а узнать мне, что дома делается, то лучше всякого гостинца. Вы в письме не описали, получили или нет зимние калоши, старые камаши и коробку конфет, которые я послал как петербургский гостинец.

Я уже к Петербургу присмотрелся мало-малю, не интересны, уже стали мне конки, трамваи и автомобили, а также и высокие дома. Вам может, покажется интересным, например, что через реку Неву выстроено много мостов, а длиною будут они как от нашего дома и до харчевни. Весь мост чугунный и по нему проведены рельсы, и ходят трамваи.

Еще я вам скажу, что у ближайшей к нам церкви по воскресеньям бывает венчание по тридцать пар в день. Опишите мне подробно, что где около нас нового существует. Дядя приказчик или кто другой? А еще присылаю свои валенки.

Любящий родителей ваш сын, любящий всех братьев и сестер Николай Григорьевич Шалагин и затем до свидания.

№ 9. 1913 года февраля 13 дня. От папашки.

Здравствуй дорогой и многоуважаемый наш сын Николай Григорьевич. Посылаем тебе заочное родительское благословение, которое может существовать по гроб вашей жизни.

Уведомляем вас, что посылки ваши все получены и благодарим за гостинцы. Еще уведомляю тебя, что был в Калестийке у Федора Лаверовича, попил чайку и четыре рюмочки винца выпил. О деньгах он не поминал, так позаботьтесь попросить сами и прислать с Николаем Дмитриевичем (проводником поезда). Деньги очень понадобятся к уплате за землю.

Васютка наш в училище не ходит, но книги не сданы. Погода стоит холодная. Купили сукна четыре аршина с четвертью на 9 руб. 50 коп. Хотелось сшить на масленицу, но портного не находится. У

дяди Николая Кучерова много конопатки приглашает меня работать на пристань. Поздравляем вас с проходящим заговеньем и наступающей масленицей.

Затем до свидания. Остаемся пока живы и здоровы, и тебе желаем того же. Любящие твои родители Григорий Ксенофонтович и Елена Андреевна.

№ 10. 1913 года февраля 25 дня. От папаш.

Здравствуй дорогой наш сын Николай Григорьевич Шалагин. Кланяются вам братья и сестры, остаемся, слава Богу, живы и здоровы. Проводили масленицу благополучно, ездили кататься на санях. Погода стояла очень теплая.

Заботимся мы о вас, что паспорт у тебя на выходе, позаботьтесь переслать с Николаем Дмитриевичем. Мы узнали от Федора Лавровича, что не пожелали домой приехать. Затем живите с Богом. В том воля ваша.

Любящие ваши родители Григорий и Елена, братья и сестры. Затем до свидания.

№ 11. Марта 2 дня 1913 года. Моё домой.

Здравствуйте многоуважаемые мною родители, братья и сестры. Поздравляю вас с великим постом. Уведомляю вас, что живу, слава Богу, хорошо и о доме не сильно скучаю потому, что я очень рад, что сбылись мои желания побывать в Петербурге.

Я прислал вам паспорт переменить на другой, а отсрочки мне не дали потому, что я не совершеннолетний. Прошу я вас похлопотать поскорей и переслать с Федором Лавровичем или заказным письмом.

Еще я вас уведомляю, что мне пришлось увидеть государя с наследником 21 февраля в день празднования 300 летия царствования дома Романовых. Был выезд государя из Зимнего дворца в Казанский собор. Публики собралось очень много, солдат — тоже. На протяжении всего пути было поставлено по 3 ряда солдат по обе стороны, и были ружья наготове, и обнажены шашки. Впереди и позади государя ехали казаки на конях человек 200. У них шашки тоже были обнажены так, что страшно было смотреть. Растянулись казаки на версту.

Вечером была иллюминация, бросали фейерверки и весь город был украшен разными флагами и разноцветными огнями.

Письмо ваше получил, здесь время идет ходче, и я скоро на пасху приеду домой. Еще я вам скажу, что брюки от пары мне совсем

коротки, их совсем носить нельзя, так прошу вас позволить купить мне новые. Я хоть и молодой портной, а в рабочий день мне дадут 1 рубль, но содержание здесь стоит дорого.

Прошу написать адрес Александры Дмитриевны, может, мне пришлось бы сходить к ней. Затем до свидания, ваш сын Николай — деревни Непотягово, Спасской волости, Котельниковского общества, Вологодской губернии и уезда.

№ 12. Марта 5 дня 1913 года. От папашки.

Здравствуй дорогой наш сын Николай Григорьевич. Мы все живы и здоровы, слава Богу. Александра Дмитриевна живет на Большой Московской улице, но тебе придется спросить в адресном столе подробнее о Перовой А.Д.

Брюки, всю тройку можете сшить дома, если приедете на Пасху сюда. У нас сукно есть хорошее.

Поздравляем тебя с постом и с наступающим ангелом. Тетка Анна Ксенофонтовна поправилась и шлет тебе низкий поклон.

Затем до свидания

Родитель ваш Григорий Ксенофонтов Шалагин.

№ 13. Марта 25 дня 1913 года. От папашки.

Дорогие родители я на пасху не приеду, потому что будет работа.

Милые родители, осмелюсь я вас спросить разрешить мне сшить или купить летнее пальто, потому что здесь уже сухо и тепло, а я, может быть, проживу здесь до троицы. Если бы я жил дома, то тоже пришлось бы сшить или купить. Я уехал в ватном пальто, то будет не хорошо, безусловно, если я приеду на пасху в этом пальто. Праздник пасха — большой, к этому празднику на последние гроши стараются одеться в деревнях, а тем более в Петербурге.

Я здесь берегу каждую копейку, потому что нельзя не беречь, прожил я здесь три месяца, а за три месяца мне следует 24 рубля. Из 24 рублей мне нужно купить мыла, носки, расческу, щетку, галоши, марки, а в церковь пойдешь — надо подать и т.д. У меня сейчас осталось 18 рублей, я хотел послать вам рублей 15.

Благодарю вас за то, что вы ждали меня на масленицу домой, но я раздумал ехать, потому что на дорогу надо 6 рублей да 6 рублей прожить, так лучше я здесь оденусь и приеду домой позже. Погода — дождь, а снегу нет вовсе. Напишите, какая у вас погода.

До свидания. Остаюсь, жив и здоров, того и вам всем желаю.

№ 14. Апреля 3 дня 1913 года. От папашки.

Здравствуй, дорогой наш сын Николай Григорьевич, извини нас, что письмо долго не писали, так как очень заняты делом: плотники работают пятый день, подражены за 75 руб. и 50 коп. потом, нужно платить за землю Мошкову рублей 77, за машину нужно платить по 2 рубля в месяц. За машину заплачено 40 рублей, а всего нужно 124 рубля. Так по-нашему согласию не стоит покупать дорогое пальто, так как деньги нам очень дороги. Советуем купить недорогое полупальто.

Кланяются тебе братья и сестры, крестный и крестная, молодцы и девушки.

Затем до свидания. Твой папаша.

№ 15. Апреля 16 дня 1913 года. Письмо родителям.

Христос воскресье. Извините вы меня за долгое молчание, потому что я старался послать денег и ждал Николая Митриевича. Наконец дождался его 16 числа и отослал 15 рублей. Пальто я не купил, а сшил из сукна брюки, они стоят мне 5 рублей.

Праздник я провел хорошо, но лучше бы провел его в деревне: было бы мне, веселей. Домой я собираюсь перед троицей и жду радостного свидания. Опишите, что делается у нас в доме и в деревне, кому продали жеребенка. Как вы провели праздник Воскресенья Христова?

Остаюсь я жив и здоров, того и вам всем желаю. Любящий своих родителей, братьев и сестер. Известный вам Николай Григорьевич Шалагин.

№ 16. Апреля 19 дня 1913 года. От папашки.

Праздник Христова Воскресенья провели благополучно. Плотники поставили дверь и стропила, а крыша не крыта, они ушли на страстной неделе в четверг и по сей час не пришли. 15 апреля уплатили 15 руб. за пенье в Нагорьево. А жеребенка продали в Токарево Ивану Ситенановичу за 81 рубль. Остаюсь любящий твой родитель Григорий Ксенофонов Шалагин.

№ 17. Мая 15 дня 1913 года. От Николая домой.

Любящие мои родители, братья и сестры, ждете ли вы своего брата домой. Вспоминаю я, как мне хотелось в Питер, и господь

привел повидать его, но как скоро идет время, как будто вчера я отправлялся и радовался, что завтра я буду в Петербурге. Но как ни радовался, но когда поехал, то у меня из груди вырвались невольные рыдания. Я постарался удержать их, и после этого мне уже не бывало так тяжело.

Уведомляю вас, что живу, слава Богу, хорошо. В деревне проводить молодые годы нонче очень трудно, что, если иметь и товарищей, то нужно везде идти с ними и делать все, что делают они.

Уведомляю вас, что я, может, приеду на Троицу. Если что нужно домашним шить, то я приеду раньше. Был у нас Дмитрий Лаверович 4 марта, ночевал, сказывал, что видел, как кроют крышу двора дранью. Я очень рад видеть новый двор, а когда приеду домой, то боюсь, что не найду своего дома. Передайте по низкому поклону всем родным и знакомым, всем девицам и молодцам.

Уведомляю вас, что я здесь хоть и не в штатской мастерской, но научусь шить лучше и, дай Бог, если достану мужскую методу, то заделаюсь закройщиком в деревне. Тогда стану шить и строчить, чтоб никому было не перескочить. Только бы здоровье было, а там, что Бог даст. Жду радостного свидания и счастливых минут. Затем до свидания.

Известный вам сын и брат Николай Григорьевич Шалагин.

№ 18. Ноября 17 дня 1913 года. Адрес: станция Сухона, ф-ка Сокол, передать в деревню Анциферку портному Ардадьену Москвину для Николая Шалагина.

Живу в деревне небольшой, домов 17-ть. Сплю я на верстаке, на кв. в этом доме живет еще из Ивановского женщина Козлова А. В. Муж ее работает на ф-ке слесарем. У нас против окна фабрика. Жить мне покуда хорошо и не очень тяжело, но свободного времени нет. Наверное, придется работать в воскресенье. Напишите, за какую цену мне здесь можно оставаться жить. Уведомляю вас, что у меня дело выходит и хозяин мной доволен. А работы много. Я уже сшил, трои брюки.

Мне платят 7 руб. Напишите, что вы согласны на 9 руб. Я покажу письмо хозяину, что мол мне не велено жить менее чем за 9 руб.

Мне дома, я думаю, не бывать раньше рождества. Прошу описать, как ваша жизнь и как здоровье. В баню здесь ходят в фабричную, вход даром, ходи много чаще, но ходить часто некогда. На ф-ке горит электричество, как будто в городе.

Остаюсь, жив и здоров. Того и вам желаю. Прошу обо мне не тужите.

№ 19. Декабря 3 дня 1913 года. От папашки.

В первых строках просим от Господа Бога милому и дорогому сыну доброго здоровья.

Уведомляем тебя, что живем хорошо, слава богу, все благополучно. Кланяются тебе все братья и сестры.

Вы спрашивали о цене. Согласно нашему мнению, надо получать 9 руб. Многоуважаемый наш сын Николай Григорьевич, если хозяин не даст 9 руб., то проживешь только до рождества.

Приезжай домой, если пожелаешь. Предвидится другое место.

Затем до свидания, многоуважаемый наш сын и брат Николай Григорьев Шалагин.

Г. К. Шалагин

№ 20. Декабря 5 дня 1913 г. От друга Серова Александра Петровича.

Здравствуй, дорогой Коля. Собирался все тебе написать, но, как видишь, долго не мог собраться.

Зашел к тебе домой и прочитал твое письмо. Теперь я имею не-большое понятие о твоей жизни в деревне Анциферке.

Суди о моей жизни сам. 12 октября и на каждый праздник ходил в деревню, но время там проходит по изменившемуся расписанию.

Раньше бывало я надоедал вам дневными посещениями, и день проходил не скучно. Теперь же с твоим отъездом у меня этого нет, и день проходится скучать дома, т. к. пойти некуда.

Ладно еще у меня есть «подруга дней моих суровых» — мандалина. Хотя и трудноватого приходится пальцам, все же развлекает немного. Ну, а уже вечером скучать не приходится. Вечером отправляюсь на посиделку, там просиживаю до конца. Шучу с девицами иногда появляется желание спеть что-либо, но, не имея инструмента для аккомпонимента, все желание и проходит. Вот в такие-то моменты наши хористы вспоминают тебя, как недостающего.

Я уверен, что на рождество ты приедешь, и мы увидимся, а пока пиши по адресу: Вологда, Екатерининская ул., дом Ильинских, кв. Зевакина. И затем до свидания, дорогой друг. Пиши, если можешь. Твой А. Серов. (Пишу это 11 дек. 1956 года. 43 года после того, как это письмо писано. Александр Петрович Серов был застрелен гестапо в г. Мариуполе в Отечественную войну).

Письма периода империалистической войны

№ 21. *От 6 сентября 1915 года. От Швецова В. В. из Финляндии.*

№ 22. *От 13 сентября 1915 года. От Швецова В. В.*

№ 23. *От 1 октября 1915 года. От Швецова В. В.*

№ 24. *От 29 января 1916 года. От Васильевой А. Н. из Вологды.*

№ 25. *От 9 февраля 1916 года. От Васильевой А. Н. из Вологды.*

№ 26. *От 15 февраля 1916 года. От Васильевой А. Н. из д. Васнецова.*

№ 27. *От 16 февраля 1916 года. От Мизгиревой Ю. К. из д. Дмитриевской.*

№ 28. *От 12 марта 1916 года. От Капустиной М. Я.*

№ 29. *От 6 марта 1916 года. От Васильевой А. Н.*

№ 30. *От 16 апреля 1916 года. От Васильевой А. Н.*

№ 31. *От 7 мая 1916 года. От Васильевой А. Н.*

№ 32. *От 12 мая 1916 года. От Шалагина Н. Г.*

№ 33. *От 19 мая 1916 года. От Васильевой А. Н.*

№ 34. *От 2 июня 1916 г. Мое сестре Толе.*

Я живу не тужу и вам советую. У нас здесь весело, все знакомые ребята здесь, видаться можем каждый день. Прошу опишите мне

подробно о деревенской жизни. Получение писем с родины здесь единственное удовольствие. Уведомляю тебя, сестра Толя, что ученье мне дается хорошо. Покуда не вижу никакой трудности в службе. Прошу слать ответ немедленного. Лишнего не пишите. Н. Шалагин.

№ 35. От 4 июня 1916 года. Мое домой из части.

Дорогие и любезные родители! В первых строках моего письма спешу уведомить вас, что я по милости Всевышнего жив и здоров, чего и вам желаю. И сообщаю я вам, что службою я доволен и начальство у меня хорошее. Так что, дорогие мои родители, обо мне не печальтесь и не кручиньтесь, а присылайте почаще о себе весточки. Когда я читаю ваши дорогие письма, то мне кажется, что я вижу вас и слышу ваши разговоры. А покамест да пошлет вам Господь Бог наш здравия и благополучия на многие лета. И прошу я вас, опишите мне, дорогие мои, подробно обо всем, как живете да поживаете? И еще прошу я вас, передайте нижайший поклон дорогим братьям и сестрам, а также родным да друзьям-товарищам, затем до свидания. Остаюсь горячо любящий ваш сын. (дозволено цензурой. Дек. 1915 г. Тип «Уникат». П.Т.Г.Р.). посылал я вам до этого письмо, так если вы не описали, то опишите немедленно, мне очень хочется получить письмо и узнать, как вы живы и здоровы. А пока живу хорошо, сыт, одежда домашняя и покуда здоров. Жить здесь весело. Все время шум и что-нибудь интересно. Вечером проверка и все выходим на плац, перед церковью стройными рядами, и впереди играет музыка, поют все, многотысячная толпа, «Отче наш», потом «Спаси Господи» и под музыку «Боже, царя храни». Обучать нас будут дольше, чем раньше наборы.

Адрес мой: действующая армия, 3-й пехотный запасной полк. 2-ая рота. Литер Д., 1 взвод, 4 отделение. Солдату Шалагину.

№ 36. 1916 г., 3 мая. Мое из нового Петергофа.

Здравствуйте, дорогие родители Папаша и Мамаша. Спасибо, мама, что не плакала при моих глазах. Через это я всю дорогу ехал спокойный и не выронил ни одной слезы. Здравствуйте, сестры: Толя, Шура, Маня, братья Вася, Сережа, Панно, Гриня. Желаю вам всем здоровья. Я доехал благополучно, хотя на место прибыл на 3-и сутки ночью. Зашли мы в казарму партией около 150 человек и скоро нас вплотную уложили спать. Утром проснулся, в казарме конечно шум

и гам. Но спалось хорошо. Утром ко мне пришел Санук П. Шонуров Пилатовский и сказал, что все наши здесь, что вологодские прибыли 24.05 и стоят в этих палатках, показав на раскинутые шатры по плацу перед казармами. Одним словом, кто угнан 21-го, все в 5-й роте в 3-м запасном пехотном полку. Затем прошу передать от меня благодаренье старым и малым во всей деревне. Н. Шалагин.

№ 37. От 7 июня 1916 г. Мое письмо домой.

Спешу уведомить вас, что я живу в полном здравии, что и вам желаю от всего сердца. Затем шлю поклон вам, милые родители, и прошу заочно родительского благословения. До этого письма жил все беспокойно, сегодня перешли на третье место и больше, наверно, переходить не придется. Сегодня были в бане, одежду всю дезинфицировали, белье грязное пришлось стирать самому. Но делать нечего. Нужно служить. Когда я уехал из деревни, то мне кажется, что как будто в ней не живут сейчас, как будто все померло. Но в самом деле нет, живут так же, веселятся, как и прежде. Прошу, пожалуйста, опишите, как гуляет молодежь, и главное, что и как происходит в Народном доме. Поздравляю вас с праздником. Кирилловым днем. Напишите, что делаете, каждый отдельно, а я каждый день хожу на занятия, учусь ходить в шаг, бегать, делать обороты направо, налево, кругом и так далее. Скоро будут обучать обращаться с винтовкой, уже показывали как разбирается и как называются части. Скажите Кучерову Коле поклон и велите ему написать письмо. До свидания. Ваш сын, Н. Г. Шалагин

№ 38. От 8 июня 1916 г. Сестры Толи из дому.

Здравствуй наш дорогой сын и брат. Низко кланяются братья и сестры, желаем всякого счастья и благополучия. Уведомляем тебя, Коля, что письмо твое получили 8 июня. Были у нас девицы и молодцы на репетиции. Троицу проводили очень скучно, были на домовничаньи у Кучеровой. В Юрове спектакля не было. В духов день была репетиция. Низко кланяются все вообще молодцы и девушки. Коля, поздравляем с праздником. Когда мы соберемся все вместе, то часто тебя вспоминаем. Просим передать по низкому поклону всем нашим молодцам. С любовью низкий поклон тебе, желают все и я доброго здоровья, счастья, успеха в службе. Живем слава Богу хорошо. Мама ничего, не скучает, живи с Богом и ты, не скучай. Остаемся живы и здоровы. До свидания.

№ 39. От 10 июня 1916 г. Мое родным.

Шлю вам, тятя и мама, и сестры и братья низкий поклон и умственно целую Вас всех без конца. Нам уже третий день как выдали обмундировку: шаровары, гимнастерку и фуражку, также и шинели. Прививали оспу всем. 9 июня водили нас всех в тесовый барак и казали кинематографические картины военные. 10 июня нас фотографировали. 2 роты, партией около 6,5 сотен, а потом снимали по роте. Прошу описать, как проводите праздник и, что такого нового крутом. Я живу здесь покамест хорошо, вечерами здесь происходит пляска, песни. Поем «Выйду я на реченьку», «Ой, по дороге», «Из-за лесу, из-за гор вышла рота-ротушка солдат». И всей ротой поем. В одной комнате нас с лишним 80 человек. Пишите письма. До свидания. Ваш сын, родители, брат — по плоти и крови. Н. Г. Шалагин.

№ 40. От 15 июня 1916 г. Сестры Толи.

Письмо 14 июня получил поздно вечером. Ходила Шурка за водой и принесла два письма. Мы стали читать письмо, прочитали, я пошла к крестной с письмом (к Кучеровой Ал-дре Андр., сестре мамы). Там прочитали. Коля взял адрес (сын тети, двоюродный брат мне и сестре). Коля праздник мы провели очень хорошо. В первый день 9 июня была репетиция. На спектакле публики было не очень много и не мало, только что все барышни, были Говоровские молодцы. Гуляли долго после спектакля, играли все в разные игры. В воскресенье ходили гулять на Бычиху. Затем кланяются все наши молодцы и девицы и девушки. Кланяются тебе тятя и мама, братья и сестры. Погода у нас дождливая. На улице очень грязно, так навоз всеет не возим. Вася и тятя конопатят. В деревне все по старому. Передай поклон нашим молодцам и всем знакомым. До свидания. Живи с Богом, не скучай. Я тебя, дорогой Коля, вспоминаю каждый день и час, все прошлое. Жду счастливой минуты свидания. Сестра Толя.

№ 41. От 16 июня 1916 г. Сестры Толи из дому.

Здравствуй, милый и дорогой нашего сердца сын и брат. Шлем мы все по низкому поклону. В среду мама пришла из города и принесла 2 письма от 4 июня и от 6 июня. Мы живем хорошо, живы и здоровы. Коля, когда мы тебя провожали, мы не плакали, бежали за поездом. Мама вперед, я, потом Аннушка Ивановна Швецова. Мы добежали до переезда (на Пошехонку) и увидели только 3 задние

вагона. Тут нам стало так горько, что невольно вырвалось рыданье. Тятя и мама уехали на лошади и Васюха, а мы с Аннушкой стали разуваться. К нам стали подходить токаревские, нагорьевские, мстишенские (название деревень), собралось много народу. Посмотрели в ту сторону, где скрылся поезд, поплакали и пошли домой. Дорогу прошли скоро (до Непотягова от железной дороги 7 верст). В поле везде цветы цветут. В деревне возят навоз в поле. К нам часто ходит Коля Кучеров, играет на балалайке все песни, напоминает нам тебя. Долго в избе стояла твоя мандалина (она и сейчас у меня как память молодости. Я хотя и не играю десятки лет, но перевожу с собою, прошло с тех пор 60 лет с лишним). До свидания, остаюсь жива и здорова сестра Евстолия.

№ 42. От 18 июня 1916 г. Моей сестре Толе.

Здравствуй, сестра Толя. Письмо твое получил. Оно меня очень обрадовало. Ученья у нас нет второй день по случаю уколов от брюшного тифа. Всем приказали ложиться спать. Я все время шил кое-что. Вечером многие не ходили на ужин и на проверку, чувствуя нездоровье. Потом легли спать. Вдруг подходит ко мне товарищ, толкает в ногу, я поднимаю голову, он подает мне письмо, я взял, сказал ему спасибо. Я очень доволен написанным тобою. Вперед будешь писать, пиши больше из деревенской жизни, из семейной, даже из разговоров с кем-нибудь. Но не оставляй недописанных страниц. Шлю низкий поклон тятю и маме, молодцам и девицам, всем родным и знакомым, остаюсь любящий Ваш Шалагин.

№ 43. От 19 июня 1916 г. Двоюродного брата Кучерова Николая.

Здравствуй дорогой брат Коля. В первых строках моего письма посылаю я тебе свое нижайшее почтение и низкий поклон. Сейчас дома работа: возим навоз, а гам и косить скоро будем. В Кириллов день у нас был спектакль на второй день, т.е. 10 июня. Прошло все честь честью. Публики было много. Только одно плохо — ребят нет. Жду от тебя весточку, надеюсь, что дождусь... за сим до свидания. Остаюсь, жив и здоров, и тебе того желаю.

Н. Н. Кучеров. Адрес пиши так: г. Вологда, Гробовой ряд, торговля Сидорова, д. Коноплева. В д. Непотягово, реалисту Н. Н. К., вот тебе моя рука. До свидания.

№ 44. *От 19 июня 1916 года. Мизгиревой Ю. К.*

№ 45. *От 20 июня 1916 г. Сестры Толи.*

Здравствуй, милый и дорогой наш сын, и брат Коля. Низко кланяются сестры и братья, и желаем наилучшего всякого в мире счастья и благополучия, а самое главное здоровья. По милости божьей мы все живы и здоровы. В Костине испольтину, а у тети Полинарьи кончили в субботу. (Испольтина — это скосить, высушить, убрать половину себе, половину хозяину земли.) Надо бы ехать косить на Курмашево, да дожди, там опять косить из полу в Занинской (поместье мясоторговца Семена Петровича Занина). У тети Александры (это сестра мамы, мать Коли Кучерова) работать некому. В Токарево (пустошь за 7 километров по земельным наделам) покосили очень мало, пожалуй, больше и не придется так, потому что дорога очень плохая. Мы в понедельник ужинали, был у нас Коля Кучеров, посидел и скоро ушел домой, потом когда мы доужинали, он пришел обратно и принес письмо. Сегодня праздник Ильин день. Мама ушла к обедне, я утром встала рано и стала писать письмо. Дела идут управно, сена накосили уже, Гринька и Панко ходят по грибы, начинают ходить уже на горох. До свидания, наш сын и брат Коля, дорогой и незабвенный вовек. Сестра Толя.

№ 46. *От 20 июня 1916 г. Моё домой.* (Подвергнуто цензуре и частично заштриховано.)

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители, тятя и мама, сестры Толя, Шура, Маня, братья Вася, Сережа, Пано и Гриня. Шлю вам всем поклон. Я живу хорошо. Сегодня ходили на занятия, а 3 дня не ходили из-за уколов. Благодарю вас за письма, за посланный гостинец 5 копеек. Буду их, беречь пока будет возможность. Сейчас в сохранности у меня 46 р. 41 коп. и ваш гостинец. Скоро получу месячное жалование 75 медных рублей. Нас сейчас еще никуда не пускают, но через неделю будут отпускать в город. Будем при встрече как солдаты начальникам отдавать честь. Здесь по воскресеньям на плацу бывает много штатской публики. Есть чайная солдатская, есть лавка, продают ситний по 9 копеек фунт. Есть карусель среди плацу. Нас после 4-месячного обучения хотят сводить в город, показать дворцы. Скоро может, будут выбирать в учебную команду. Я буду стремиться попадать. Пишите письма чаще. Я в них нахожу единственное удовольствие. Когда получаю письмо, то сердце на-

полняется радостью. Обязательно кто-нибудь находится, приносит мне письмо и говорит: «Шалагин, тебе письмо». До свидания, милые родители, сестры и братья, счастливо, живите мирно и главное, слушайте родителей. Н. Г. Шалагин

№ 47. От 21 июня 1916 г. От Поли Васильевой.

№ 48. От 23 июня 1916 г. От кумы Швецовой Аполинарьи Александровны.

№ 49. От 24 июня 1916 г. От сестры Толи.

Здравствуй, дорогой и многоуважаемый мною брат Коля. У нас долго были дожди, и дороги очень намочило. Мы навоз долго не возили, но все-таки пришлось возить, и теперь возим 7-й день, да еще на день хватит. У нас тятя пошел косить. Ребята каждый-каждый вечер собираются к нам в конце деревни и играют в городки. Пиши письма чаще. Тебе кланяются все наши молодцы и девицы. Дорогой Коля, мало когда тебя забываю, а когда вздумаю, то невольно подступают слезы, но делать нечего, видно так Богу угодно. Коля, не скучай, только молись Господу Богу и служи с Богом. До свидания, остаюсь жива и здорова. Еще Манька спрашивает: «С пятак-то дошло брате письмо?». Я сказала: «Дошло». Она сказала: «Вот, и, слава Богу». Сестра Толя.

№ 50. От 25 июня 1916 г. Мое девушкам нашей деревни.

Здравствуйте, барышни, девушки, каково поживаете? Что поделяете и что подумываете, каково гуляете? Я Н.Г.Шалагин живу хорошо не по жизни, а по мыслям. И вам желаю быть счастливыми и на деле, и на уме. Человеческая жизнь в счастье и в несчастье. Счастлив и доволен человек, может тогда, когда мужское и женское сердце соединяются воедино, и будут жить одной жизнью. С юных лет, как мужчина, так и женщина ищут этого сердца, но находят редко, это было раньше, а теперь негде искать. Потому, что женское сердце кое-где по деревням, селам, городам, а мужские сердца собраны по тысяче и даже миллиону и им велят забыть все земное. Да, девушки, я думаю, когда вы соберетесь вместе пятеро, часто говорите о мужчинах, а здесь тысячи молодых сердец, уехавших и оставивших все родное и живущих по чужой воле, тоже говорят о женщинах, но на это дается мало времени.

Когда-нибудь кончится война, жизнь потечет по новым руслам, то есть будут жить новой жизнью. Почему бы ни завести мастерские в деревне, обучать дома детей вместо того, чтобы отдавать по городам в мастерские. Когда будет устроено все в деревне, тогда труд крестьянина будет кормить и одевать его самого. Может быть, написанное мною покажется немыслимым, но это должно быть. Когда молодское поколение войдет в полное сознание, что такое жизнь, и встанет на твердые ноги, тогда забудут, как обманывать и для чего красть.

Пройдут года, мы встретимся. Поговорим о том, как жил я в дальней стороне, а вы в краю родном. Быть может жизнь измениться, у многих из Вас. Какими в то время были Вы, я вас не увижу. Война вдруг скоро кончится, приедут молодцы. Из вас, быть может, многие пойдут с ними под венцы. От всей души желал бы я все это поскорей. Пусть всем без исключения жить было б веселей. Обрадовались бы матери, увидев сыновей.

Тем больше еще жены, дождавшись мужей. Девушки бы стали на гуменья ходить. И как бы поскорее милого нажить. А у кого и придет уже знакомый молодец. Стремиться будете скорей с ним ехать под венец. До свидания, девушки, пишите мне ответ. Я буду терпеливо ждать. Н. Г. Шалагин.

№ 51. 25 июня 1916 года. Мое родным.

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители. Шлю вам сыновнее почтение и с любовью низкий поклон. Еще шлю низкий поклон братьям и сестрам. По сие время жив и здоров, того и вам желаю. 24. 06. нам вторично делали уколы, и второй день не занимаемся. Скоро выдадут казенные 2 пары белья, 3 пары портянок, полотенце, 2 носовых платка. У кого есть свое, то выдадут за это деньги. Сегодня катаюсь по нарам, читаю газеты, вздумал писать вам письмо. Опишите, что делаете, с какого дня начинаете сенокосить. Какая погода? Здесь очень сухо. Мне выдали казенные сапоги, домашние все изорвались, и голенища лежат у меня. Я покуда живу очень хорошо, из дома уехал только месяц назад, а кажется несравненно больше. Утешаюсь той минутой, что когда-нибудь приеду домой, только бы здоровье, и почувствую небывалую радость. Я изменюсь, быть может, придется много кое-где побывать, кое-что повидать, а также испытать, а может быть и помереть, не в свое время. Я об этом не думаю, и вы обо мне не тужите, каждый человек должен думать о спасении своей души, а земная жизнь-суета. Здесь вижу широко раскинутую жизнь. Например, здесь каждый

день перевидишь много тысяч людей, многих знаешь, со многими говоришь. Из разговоров видишь и слышишь, что они делали, где жили, и какие убеждения. Получают письма, читают. Вот один необдуманно женился молодым, и теперь осталась жена. Здесь каждый вечер старые солдаты говорят про сплошные сражения, по разным родам войск. Есть герои, имеющие 4 Героические креста. У церкви стоит памятник в память жертв японской войны, эти люди в мирное время пришли из своих деревень от своих родных матерей на службу, писали письма, что живем так-то и так-то. Потом их угнали в японскую войну, и там они пали, как все равно с подсвечника недогоревшие свечи и погасли. Они не могут гореть, эти жертвы должны лежать, покуда не придет вторично спаситель мира и не постановит их жизнь нова. До свидания. Н. Г. Шалагин.

№ 52. От 28.06. 1916 г. Сестры Толи.

Письмо пишу вечером после уборки сена, на среднем окне, в большой половине.

Здравствуй милый и дорогой наш сын и брат. Шлем низкий поклон. У нас теперь вся работа смешалась вместе. Кто еще возит навоз, кто пашет, а кто уже выкосил все поля. У нас еще не допахано, погода у нас не очень хорошая, днем вйдро, а ночью дождь. Мы живем по-старому, все живы и здоровы. В субботу довозили навоз, хотя и не весь, но закончили, осталось еще телеги 4. В воскресенье был праздник в Яскине — Тихвинском, погулять мы не ходили, а были в Народном доме. Там была продажа ситцев, да был выписан вагон муки белой и теперь пришел, так многие ездили за мукой. Теперь муки много, только очень дорога, да и все дорого, мыло и то-50 коп. фунт. У нас в Народном доме делают свою декорацию. В воскресенье мы все девахи ходили смотреть, уже заднюю стенку нарисовали и очень хорошо. Еще кланяются все наши молодцы и девицы. Желаем вам от Господа Бога всякого счастья и благополучия в вашей службе. Живи, Коля, не тужи, надейся на Бога, да он поможет во всем. До свидания. Пора пить чай, да надо идти косить в ночную. Шлет поклон Коля Кучеров, он сейчас у нас. До свидания, милый и дорогой брат Коля. Сестра Толя.

№ 53. 28.06.1916 года. Мое родным.

Здравствуйте многоуважаемые мои родители, шлю вам сыновнее почтение и с любовью низкий поклон. 29-е царский день и, на-

верно не будет ученья. Наверно нас скоро будут подвигать ближе к позиции. На позиции, судя по газетам, дела идут блестяще. 26-го нас водили на стрельбище стрелять боевыми настоящими патронами верст за 5. Дали по 2 патрона, и я обоими попал так, что не надо лучше, но сильно оба раза толкнуло в плечо, так что было больно плечу. Местность здесь лесистая, и все разделено на аллеечки, и проложены шоссейные дороги.

Я живу так: встаю утром, собираюсь на учение, когда на учении, ждешь обеда, чтоб отдохнуть. Потом вечер и время идет быстро. К чему оно спешит, не знаю, к худому или к хорошему. Когда дождусь я той минуты, когда увижу я родных, чтоб мог на них я любоваться, и слышать разговоры их. До свиданьица, родные. Здоров и весел остаюсь я. Ваш сын и брат Н. Г. Шалагин. Солдат молодой, но я такой, какой был. Дополнение к письму.

Терплю я тяжести, лишения. Переношу, как должен я.
Без ропота, без малодушья. Это обязанность моя.
А также каждого солдата. Который взят, был на войну.
Быть верным клятве и присяге. На вольной службе и в бою
Быть храбрым, вольным и веселым. Хотя бы смерть перед глазами.
Стрелять, колоть и бить прикладом. Но не сдаваться в плен врагам
Ты не плачь моя родная. О сыне, взятом на войну.
Такой мой жребий дорогая. Знать был написан на роду.
Твой сын ушел с душою чистой. Из родных краев своих.
Должен вернуться он здоровым. Увидеть всех своих родных.
Живым, цветущим, невредимым. Каким от вас ушел тогда.
Когда служить идти собирался. За Родину — ее любя.
Он испытает очень много. В чужой далекой стороне.
Пройдет солдатское ученье. В боях побудет на войне.
Будет храбро он сражаться. Не будет он жалеть себя.
По примеру наших предков. Как вся история говорит.
Во время тяжких испытаний. Родную Русь беречь велит.
Настанет время, дорогая. Мы покорим совсем врага.
Тогда мы все восторжествуем. Народ, вся русская страна.
Ваш сын Н. Г. Шалагин.

№ 54. 1.07. 1916 года. Мое письмо родителям.

Здравствуйте многоуважаемые мои родители, шлю Вам сыновнее почтение и с любовью низкий поклон. Здравствуйте, сестры и братья. Я покуда жив и здоров, того и вам желаю. Я вчера был на

исповеди, сегодня причастился. Это повод к тому, что скоро наверно поедem «на дачу», то есть на позицию. Телом и душой отдаюсь на произвол судьбы, надеюсь на разум, данный природой и Богом. Время идет и с каждой минутой все ближе к смерти, а мы только и живем для того чтоб до смерти дожить. После занятий вечером меня назначили дневальным. Обязанность дневального: должен стоять около дверей, если идет офицер, то нужно скомандовать: «Встать! Смирно!» — И взять под козырек руку. Потом нужно заставлять уборку делать — уборщиков, чтобы в роте было чисто подметено, обтереть пыль везде, одним словом, привести все в порядок. Ночью следить, чтобы не ходили, не одевшись в уборную, чтобы не лазали по сундучкам, хотя и по своим. Чтоб лампы не коптили. Погода здесь давно сухая, дождей бывает мало, и никогда не бывали грязные ноги. Поеду в Петергоф, то при первой возможности снимусь и пришлю фотографии. До свидания. Целую всех без конца. К. Г. Шалагин.

№ 55. От 2.07. 1916 г. Мое Кучерову Коле Николаеву.

№ 56. От 7.07.1916 года. Мое родителям.

Здравствуйте, дорогие мои родители. Здравствуйте, сестры, братья. Я ваш сын и брат, жив, здоров и весел. Я ходил в кинотеатр, то есть в барак, там был кинематограф, показывали комедии из солдатской жизни. 2,3,4,5.07 все как один день встаешь в 5 часов, ложишься в 11-м часу. Ходишь на занятия с винтовкой, там учишься стрелять из учебных патронов, после — словесность, учишься наводить винтовку в цель, чучело колоть, в цепь рассыпаться, перебегать, переползать. Сегодня учились перелезать через забор, через барьер высотой в 4 вершины. Потом соскочишь вниз, пробежишь окопом, потом вскочишь с разбега на вал, перескочишь ров, бежишь на гору и с горы соскочишь вниз. Сегодня 6 июля нам выдали жалование за 2 месяца июнь и июль, по 75 коп. за месяц и табачные за два месяца 91 коп. Итого 2 р. 41 к. Здесь жизнь очень оживленная, какой я желал. 2 раза я видел, над ними пролетал аэроплан, грохоча своей машиной, видишь каждый день мотоциклеты, велосипеды ездят по плацу по вечерам каждый вечер, видишь многотысячную толпу товарищей — солдат. Каждый вечер играет музыка, и вся толпа поет молитвы «Отче наш» и «Спаси Господи», «Боже царя храни». Затем строем ротой, человек по 300 стройными рядами в один

шаг ходим вперед-назад по площади. В это время мимо пройдут 3 пассажирских поезда. Перед окном казармы ходят стада коров, свиней и гусей, а когда пойдешь на учење, видишь, как люди сенокосят. Мы проходим деревней с песнями, сегодня у нас в роте фельдфебель вызывал портных и переписал фамилии 10 человек. Может, попаду в портные, но велели достать удостоверение из своей деревни, что верно портной. Напишите подписочку, и пускай подпишут и пришлите. Может, я попаду в учебную команду, а куда еще не известно. Молодым солдатам нашей роты другого литеры выдали полное походное снаряжение: палатки, лопатки, котелки сумочки, вещевые мешки... Да! Посмотрел бы теперь на родную семью. Кажется, прошло много больше времени, чем на самом деле. Если бы человек не испытывал горе, то не знал бы и радости. Представьте себе, трудно мне было уезжать из родного дома, когда я смотрел 28 числа на своих братьев, и помню целовал их спящих, но меня тянуло с ними со всеми проститься. В то же время я поторопился уйти из дому и помню, побежал бегом нашим овинником, мне было как-то тошно, точно в дыму, но я крепился. А теперь я буду ждать, когда я опять увижу, и буду целовать своих родных дома после разлуки. Тогда за все горе во время разлуки получу большую радость, при радости могу допустить и слезы. До свидания. Н. Г. Шалагин.

№ 57. От 9.07.1916 г. Мое родным.

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители, сестры и братья. Я всех заочно целую. Живу хорошо, жив и здоров, того и вам желаю. Я сегодня ходил на стрельбище верст за 7 по полям, где посеяна рожь, овес, посажена картошка, где сено косят. Земля здесь песок и камень. Дороги везде шоссейные, а возле дорог растут лишь дубы, тополя. Кустарник здесь не такой, как у нас. Такие деревья, как в Кириках здесь растут повсюду. 11.07 будет нам присяга, и нас назначат в запасный пехотный Ижорский полк, но не известно когда. Не тужите обо мне, если от меня впоследствии не будет известия. Надо с немцами сражаться, ведь я молод и не трус. Буду храбро я сражаться и с Крестом домой вернусь. Всем нашим ребятам из деревни тоже выдали полное снаряжение и верно отправлять будут. Я с ними вижусь часто. Мне бывает нечего делать, то я углубляюсь в думы и дохожу до того, что не стоит жалеть жизни, когда понадобится ее пожертвовать ради хорошей цели. Сейчас истины в жизни нет: жизнь изменчива и обманчива. У каждого человека есть тяготенье, натянутое стремление. Неизвестно, куда и стремится он до

самой смерти. У меня исподовально утверждается мысль в том, что скоро должна закончиться война. Сначала после войны будет трудней жить, у многих не вернутся милые сердцу сыновья и мужья, которых они еще все ожидают. Когда придет другое поколение, то должна жизнь утвердиться. Все будет трудолюбивы, добры, и тогда получают наши предки вознаграждение за всю пролитую кровь. До свидания, тятя, мама, братья, сестры. Шлю по низкому поклону всем знакомым и родным. Н. Г. Шалагин.

№ 58. 9.07.1916 г. Сестры Толи.

Здравствуй, дорогой и многоуважаемый наш сын Коля. Мы братья и сестры шлем низжайшее почтение и с любовью низкий поклон. Письмо твое мы получили. Тятя работает за Нагорьевым, дома уже скосили траву и клевер, все положили в сарай и косим теперь за Нагорьевным. Сообщаю, что у нас Шурка Кучеров (брат Коли) сделался нездоров, его свезли в больницу, там он через сутки умер. Мы в Петров день ходили гулять в Пилатово. Там молодежь гуляет так же, как бывало, гуляли вы. Мы прошли раза 2 по улице. После Петрова дня погода стоит хорошая, дела идут успешно. Я ходила на поденщину к Занину, цена 1р. 25 к., ходили всей деревней косить в заненскую рошу, а теперь отпускаем коров за то, что только подкосили. В Казанскую тятя, мама ходили в гости в Кудрино, а я ходила во Дмитриевское. Сестра Шурка у нас живет опять в Ивановском. Шурка и Сережка сегодня пришли домой, только тебя, Коля, нет. До свидания, мой милый и дорогой брат Коля. Сестра Толя.

№ 59. От 10.07.1916 г. Мое домой.

Здравствуйте. Многоуважаемые мною родители. Шлю вам свое сыновнее почтение и с любовью низкий поклон. Живу хорошо и вам того желаю. Воскресенье, утро, встал, умылся, оделся, попил чаю. По команде в 8-м часу пошли в баню взводом 75 человек. Там моюсь, стираю белье, сколько душе угодно, потом опять свободное время, опять чай. После этого желающие под командой пошли сниматься в Петергоф. Идти версты 2 с лишним. Там нас собралось 60 человек, все переснимались, кому как надо. Потом опустошили булочника и продавца ягод, то есть купили у них все и пошли обратно. Пришли, пообедали, отдохнули, сходили на полевую гимнастику и оттуда пошли в кинематограф смотреть новые картинки. Ходили ужинать, после ужина выходили по своему желанию на гимнасти-

ческие упражнения и развитие мускулов: ходили по лестнице на руках, прыгали через барьер. Каждый вечер ходьба под музыку, ротами. Завтра нам будет присяга, придется клянуться в верности своему Отечеству. Нам выдали полную обмундировку: вещевой мешок, патронташ, патронную сумку, новую гимнастерку и шаровары, в которых я снялся за 4 рубля. 11 июля нас выстроили на плацу в парадной форме, собрали около 20 рот. Выстроили рядами, в середине сделали квадратное пространство и вынесли 4 аналоя. Лютеранам, католикам, протестантам тоже была присяга. Для них пришли служители их веры. Перед присягой священнику произносили клятву — обещание, а затем скромно и тихо без одного звука подходили к алтарю, говорили вслух: «Клянусь». Целовали крест и евангелие, подходили, держа в руках винтовку. Потом под музыку разошлись по ротам. Мне сегодня выдали новые сапоги с парасуновыми голенищами, и я себя чувствую хорошо, здоровье и настроение мое лучше прежнего. Я бы, конечно, с удовольствием посмотрел на своих родных и знакомых, поговорил бы, но не знаю, когда придется. До свидания, тятя, мама, воспитавшие меня. В письмах посылаю свои благодарности. Прошу, передайте поклон всем родным и знакомым. Шалагин.

№ 60. 10.07.1916 г. Москвина Василья Яковлевича.

№ 61. 11.07.1916 г. Васильевой Аполинарии Николаевны.

№ 62. От 14 июля 1916 года. Моей домою.

Сегодня на ученье походили вперед-назад, посидели, полежали и пошли на обед. После обеда пошли стрелять за 3 версты. Дали по 2 патрона, я попал обоими. Многие попали мимо и за это ставили под винтовку. Я уже вам писал, что принял присягу, и теперь считаюсь не молодым, а рядовым солдатом. Прошу, опишите все подробно, как живете, что нового, хотя и по мелочи. Получил ли письмо Коля Кучеров, Вася Иванов, Юля Мизгирева. Прошу передай поклон всем молодцам и девицам. Я, может быть, в воскресенье поеду гулять в Петербург, если дадут отпуск, то дорога готовая. Отпуск дают до 8 часов вечера. Письмо пишу после ученья. Растянулся на нарах, отпер свой дом (драгоценную коробку), достал лист бумаги, чернила и давай строчить. Бумаги здесь покупал 20 листов и 25 конвертов по 1 копейке. До свидания. Ваш сын и брат Н. Г. Шалагин.

Здравствуй дорогой и многоуважаемый наш сын и брат Коля. Мы, родители шлем заочное родительское благословение, которое может существовать по гроб твоей жизни, и низко кланяются братья и сестры и желаем тебе, Коля, наилучшего в мире всякого счастья и благополучия в службе, а самое главное — здоровья. Впервые, спешу уведомить, что письма тобой сланы от 1 и 9 июня, а получили 14 числа. Мы теперь дома. Весь сенокос кончили. Косили на подсеке недолго, накосили воза три, а теперь косим в Костине, у тети Поли исполу всю эту неделю с понедельника. Накосили возов всего 16. Уже 10 возов привезли, половина нам. Дела идут все своим чередом. Сережка живет на старом месте (в кузнице у Н. А. Шамаева). Мама ходила просить отпустить на сенокос, отпустил только на 3 дня с согласия, а без согласия не захотели, так опять и живет-работает. В пятницу мы были в Костине, после обеда приехал брат Васютка и говорит, что пришли от брата два письма. Я была рада, не знала, как дожить до вечера и идти домой. Я пришла домой и прочитала письма, хотя не очень радостные, да на все воля Божья, так, видно, Богу угодно. У нас теперь все уехали на Курмашево (косить на пустошь), а мы не знаем, когда доберемся. Будничное время идет быстро, за работой даже не хватает дня. А праздник прошел очень скучно. В воскресенье мы с Лидой Прокопьевной Швецовой ходили в рощу на подсеку за ягодами, там походили и пошли домой. Нас сторожиха (Народного дома) позвала, говорит: «Зайдите». Мы зашли, посидели, потом пришли еще многие девицы и ребята. А у нас в Заненской работают 4 солдата, они тоже были в Народном доме, кое-что рассказывают про свою местность, они все разных губерний, кое-что спрашивают. Так и прошло воскресенье. Погода у нас хорошая, дождя нет, иногда бывают серые дни (без солнца). Сегодня серый день, так и пишу письмо. Хотела идти в Кудрино, да пришла Шурка Орлова и принесла адрес. Шурка тебе, Коля, низко кланяется. Адрес В. В. Швецова: Действующая Армия, 421-й пехотный Царскосельский полк, 3-я рота, 3-й взвод, В. В. Швецову. Адрес Николай А. Косарева: г. Петроград, запасный батальон, лейб-гвардии Финляндский полк, 4-я рота, 1-й взвод, молодому солдату Н. А. Косареву. В этот момент, когда я писала, к нам пришел Коля Кучеров и принес письмо, присланное ему тобою. Я прочитала, мама поплакала. Гринька подбирает в палисаде куриное перо, как, бывало, и ты подбирал, обрывал пух с них, у мамы целая пуховая

подушка. Писать больше нечего, за сим письмом остаемся все живы и здоровы и тебе того желаем от всего сердца.

До свидания, милый и дорогой брат Коля. Известная тебе сестра Толя.

№ 64. 16.07.1916 г. Мизгиревой Юльи Константиновны.

№ 65. 19.07.1916 г. Моей домой.

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители. Уведомляю вас, что я покуда жив и здоров, того и вам желаю. 19.07 получил две пары казенного белья и две пары портянок, а за полотенце и два носовых платка получил деньгами. 19 у нас был молебен на плацу, молились о даровании победы уже в наступившем 3-м году войны. Кричали «ура» с пожеланием многая лета всем воинам живым. Государю Императору и его семье. И пели вечную память всем воинам, павшим в эту войну. Милые родители, братья и сестры, мне очень часто снится, что я бываю дома, говорю с вами и радуюсь. Бывает, приснится, что я в отпуск приеду и нужно отправляться, бывает очень трогательно, и даже пробуждаюсь. Фотокарточки еще не вышли, но, наверное, скоро получу. Сейчас мы ходим на учение, учимся, как наступать на неприятеля. Рота разделяется на две партии, одна уходит приблизительно версты за две, вторая партия высылает разведчиков, дозоры и находит, бывает в плен берут. Пойдешь, если в разведчики, то ползешь по лугу, по канавам, по траве. по пустой и бывает засеянной чем-нибудь полосе, чтобы ближе подобраться и узнать, как расположен противник. Потом с криком «ура» бросаются в атаку.

До свидания. Шлите письма. Н. Шалагин.

№ 66. 20.07.1916. Кучерова Николая Николаевича.

Здравствуй, любящий брат Коля. Уведомляю тебя в том, что я твое письмо от 13 и 14.07 вчера получил, за которое тебе премного благодарен. Вчера весь день косили. Я пришел домой и спал всю ночь мертвецки. Сегодня в седьмом часу утра приходит ко мне твоя сестра Толя и говорит:

- Коля, не напишешь ли записочку?
- Какую?
- А я вот скажу какую.

Вот это я соскочил с постели, бегом в избу пришел, посмотрел твое письмо и давай писать тебе грамотку, и она дорога на чужой стороне. Твоя сестричка говорит: «У нас мама сейчас пойдет в город, я пишу письмо Коле, дак она его по пути снесет». Живем мы здесь не маемся, а можно сказать, хорошо. Вчера я ходил гулять к вам в конец деревни. Пришел, смотрю, а там ребята балуют — катаником хлещутся. «Полно, — говорю, — дураки, катаники-то рвать. Давайте-ка лучше поиграем в городки». Они, конечно, согласились, да и давай играть. Долго играли. Темная ночь уняла нас и разогнала по домам. В городки-то играет и Петрук Тимофеев, чудака парень да и только. Будешь бить, а он тут тебе и скажет: «Помаленьку, Ванюшка, налевушку окрошишь». Ну как тут не рассмеешься, да и не бросишь мимо. А как бросишь мимо, дак говорит: «Вот это лачисто, это антилотно». Еще уведомляю я тебя, Коля, что у нас помер Сано. Помер в больнице. Болезнь у него была скарлатина. Вообще скарлатина здесь свирепствует. У Кубарихи померла девочка Вера. На всей деревне померло маленьких шестеро, а на Кудрине — дак и десять человек. Мама недавно родила, 17 июля мальчика. Имя дали Павел. Теперь нас опять семья четверо, только четвертый не Сано, а Пано. Я опять скоро уеду в Тотьму (15.08). Из Тотьмы тебе напишу мой адрес и буду с тобой переписываться.

За сим до свиданья, остаюсь жив и здоров и тебе того желаю. Любящий тебя брат Н. Н. Кучеров. С нетерпением жду ответа.

(Коля и Пано сейчас (1977) в Киеве. Оба работают, с семьями. С Колей регулярно переписываюсь и сейчас. Я перед ним в долгу, давно не отвечаю, увлекся концертами и своими дневниками.)

№ 67. 22.07.1916. Моей маме.

Здравствуй, многоуважаемая мною сестра Толя. Посылаю тебе братские почтения и с любовью низкий поклон. Любезная сестричка, уведомляю тебя, что письмо, писанное тобой 15.07, я получил 22.07 во втором часу ночи. 21.07 нас 10 человек молодых и 3 старших ходили на станцию в патрули, караулить, чтобы солдаты не проезжали без отпусков. Дежурили мы до второго часа ночи. Мимо станции проезжает более 70 поездов в сутки, и тут очень весело. Ночью я пришел, письмо прочитал и лег спать, а утром получил письмо от Юльи Константиновны Мизгиревой и в письме 30 копеек денег. Сегодня у нас праздник — царский день. Желающих, а бывает и по неволе, водят в церковь Богу молиться. Сегодня многие уходили в отпуск на день до 8-ми часов, а я катаюсь на нарах и

пишу письмо. Сегодня я получил сахар с фунта. Это порция на 5 дней, так что достаточно хватает. Кланяюсь моим любезным родителям — тятю и маме. Кланяюсь братьям Васе, Сереже, Пану и Грине, Шурке-егозе и Мане-стрекозе. Всем родным и знакомым: Коле Кучерову и Серову, Васютке Иванову и Петру Тимофеевичу. Погулял бы я дома хотя одно воскресеньице, а то, пожалуй, здесь забудешь, что такое слово «гулянка». После 11-ти часов у нас вторую роту литер «А» и «Б» завели в свою столовую, там была устроена из столов сцена, и на этой сцене солдат из нашей роты делал изумительные фокусы, выходил с балалайкой и говорил интересные куплеты. После этого зашел я в казарму и той порой поспал. Потом нас опять всех в кинематограф. Там показывали интересные комедии, и как мина вводится в подводную лодку, и как идет лодка по воде и под водой, и как выпускает мину в действие. Когда шли в казарму, то роте скомандовали: «В роту, ура!» И такая толпа с криком бросилась на порядочное расстояние бегом в казарму. Когда я гляжу на картины, которые показывают, то мыслям моим нет конца, я бы улетел куда-то, осмотрел бы весь мир и то, что в нем делается. Да если кончится война, то культурность быстро разовьется, и жизнь пойдет совсем иначе. Кричат: «Выходи на поверку». Я все положил в коробку, взял ложку, шинель и пошел. Мы еще не ужинали. Скричали на ужин. Потом кто бачок несет, кто хлебает, кто еще пищи не получил. Скричали: «Бросай все, иди на поверку». Начали выбегать с кашей из картофеля на ложке, на ходу хлебая со смехом. Побежали после поверки опять ужинать. Я это пишу уже при огне.

За тем до свиданья. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю Николай Шалагин.

№ 68. 24.07.1916. Мизгиревой Ю. К.

№ 69. 24.07.1916. Сестры Толи.

Письмо мы получили твое писаное 14.07, а получили 23.07 поздно вечером. Тятя пришел из города, мы почти все в один голос «Тятя, есть письмо?» Он говорит: «Есть, да давнишнее». Он принес еще два письма тете Аполинарье, также Полюшке присланное тобой, а Коля Кучеров уже получил давно. У нас эту все неделю как есть шел почти непрерывно дождь, работа совсем встала, делать нечего. В Заненской роще много подкошено, а огребать нельзя. Тятя

с Васей работали на отрядной от Кучерова у Енисейского общества. Конопатили за шесть рублей с ладу. Ерши и пакля готовые. Стоят на квартире в Хорхорине, у старой хозяйки. Хозяйка Елизавета Михайловна тебе низко кланяется и желает всего лучшего в мире. Еще низко кланяются твои братья и сестры, хотя Шура сегодня и не пришла. Письмо пишу утром. Мама ушла к обедне, а я обряжаюсь и в свободное время пишу письмо. У нас некоторые еще спят, некоторые ушли за грибами.

За тем до свидания, дорогой и многоуважаемый наш сын и брат Коля. Известная тебе сестра Толя.

№ 70. 24.07.1916. Сестры Толи.

Пишу письмо в воскресенье вечером. Здравствуй, дорогой и многоуважаемый мною брат Коля. Шлю я тебе низкий поклон и желаю доброго здоровья, и всякого счастья и благополучия, и скорого успеха в вашей службе. Во-первых, спешу уведомить, что пишу сегодня письмо второе. В деревне нам сказали, что пришел Санук Иванов Куликов. Нам сначала было невероятно, но мы увидели, что некоторые уже идут обратно. Мы быстро туда побежали, там уже было много народу, было полно в избе и на дворе, старые и малые. Его отпустили до 14.08. Мы все были девахи вместе. Вспомнили тот прощальный вечер, когда мы с ним прощались, а теперь пришлось увидеться. Все были рады, а мать Лампия была в восторге. Мы там побыли, но все-таки нас беспокоил Народный дом. Маня Александровна пришла за мной, и мы пошли в Народный дом. Там уже Дмитрий Николаевич читал пьесу: «В чужом пиру похмелье». Действующих лиц 10 — 5 мужчин и 5 женщин. Комедия в двух действиях. Дмитрий Николаевич читал и рассказывал, кому как себя держать. Когда прочитал всю пьесу, подал нам книгу и стал собираться ехать домой, а мы все пошли в деревню, дошли до депо и остановились. У нас была книга, и в ней было много пьес разных. Мы открыли книгу и увидели знакомые пьесы «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется» и вспомнили тебя, твои слова: «Дарья, не вводи в грех», «Ты, тетка, ты меня не трожь» и все разные шутки, кто что вздумал. Было дело к вечеру, все стали расходиться. Я пошла к Мане, и мы решили писать письмо.

За тем кланяются все наши девушки и желают всего лучшего в мире, а самое главное здоровья и скорого успеха в вашей службе. За тем до свиданья, дорогой брат Коленька. Известная сестра Толя.

№ 71. 24.07.1916. Кумы Поли.

№ 72. Июль 1916 г. Мизгиревой Юльи Константиновны.

№ 73. 24.07.1916. Мое двоюродному брату по матерям Кучерову Николаю Николаевичу.

Здравствуй, двоюродный брат Коля. Шлю тебе братский привет и низко кланяюсь тебе и твоим родителям, и новорожденному твоему брату Пану. А помершему твоему и моему брату Шуре желаю царствия небесного, как говорится. Уведомляю вас, что письмо твое, писанное 20.07 сего года, я получил 24.07, за которое сердечно благодарю. Я получил около 12-ти часов дня два письма, а второе из дому и с удостоверением, что я действительно портной. Может быть, оно мне пригодится. Я, не медля ни минуты, стал читать, прочитавши, моментально стал писать ответ. Но времени мало, скоро надо идти на ученье. До обеда я ходил в церковь и пел на клиросе. Погода здесь, Коля, сухая. Я начистил сапожки ваксой, но их чистить недолго, потому что голенища парусные, но они в сухую погоду удобны: нежарко и мягко. Коля, вы играете в городки, а мы играем следующим образом. Выйдет рота на ученье. Нас приблизительно человек триста. Разделят нас на две партии. Тут же офицеры есть и обучающие. Одна партия уйдет версты за две куда-нибудь в лес, там спрячется и вышлет охрану разведчиков. Другая партия тоже пойдет разведывать, где расположился неприятель, а главные силы остаются на месте. Я бывал в дозорах. Пойдешь, конечно, не один, а человек 10 или 20 от 150 человек и идешь, приблизительно знаешь, в которой стороне неприятель. Ползешь по канавам на четвереньках, а по траве так, как червяк, и стараешься как бы ближе подойти и быть незамеченным, донести своим начальникам через связных, что противник расположился тут-то, а если попадет дозор из неприятельской партии то стараешься сообщить товарищам и забрать их в плен. Разузнавши все это, партии сближаются, но стараются тоже сначала незаметно подойти и переходят человека по четыре ближе и ближе. Потом, когда сойдутся шагов на пятьдесят, бросаются в атаку с криком «ура» и пробегают мимо друг возле друга, потом стреляют, как будто по отступающему противнику. После этого все вместе курят и спорят, чья забрала. Потом с песнями идем в казарму. Там со своими товарищами пойдем обедать той же партией. Обед и вообще кормят хорошо сравнительно с крестьянским бытом. По воскресным дням варят ри-

совую кашу и каждый день дают по пайку ситного. После обеда я пописбл немного, скричали: «Одевайся на занятие». Сейчас надо по-солдатски одеваться и быстро, как пуля, выходить строиться стройным рядом. А одеваться не только что пальто и фуражка, а на ремень надо надеть патронную сумку и сумку с лопаткой, потом запоясаться и у гимнастерки расправить складки назад, надеть патронташ, баклажку (это круподонная бутылка, она искусственно оплетена соломой, чтобы не билась, и положена в сумочку, которая надевается через плечо). Потом надевается скатка (это шинель, скатанная вроде хомута), тут еще привязана палатка (около сажени квадрату парусиновая материя). И с этим со всем ходишь весь день, мокнешь насквозь, хоть выжимай обе рубашки: тельную и гимнастерку. Сейчас учат полегче. Коля, когда я пришел вечером с ученья, то скоро получил фотокарточки, которые заказал две недели тому назад, ходивши сниматься. Сегодня тоже ходили сниматься, но другой взвод, и принесли по пути. Коля, мы с занятия приходим полседьмого и до проверки свободны: поужинаешь, чаю попьешь, когда письмо пишешь или же выйдешь по своей охоте на гимнастику. Перед казармой наделаны лестницы, шесты, барьеры, турники и «кобыла». Я на гимнастику очень легок. Потом мы много раз ходили стрелять, и я очень мало пуль пустил мимо — все в цель. На словесности тоже память есть. Здесь нас часто водят в кинематограф, кажут картины из военной жизни и о том, как изготавливаются мины и как они действуют на подводных лодках. Вообще здесь у меня жизнь идет оживленным образом, а дальше, может быть, придется встретиться с большими переменами в жизни. Сегодня здесь, а завтра там. Сегодня живешь так, всего довольно, а завтра, может, смерть. Но, что будет, проживем-увидим. Пока остаюсь жив и здоров, того и вам желаю.

За тем до свиданья. Известный вам Николай Григорьевич Шалагин. Буду ждать ответа.

№ 74. 25.07.1916. Мое домой.

Здравствуйте, дорогое для сердца моего семейство. Уведомляю вас, что я живу покуда хорошо. 24.07 я получил два письма: от вас с удостоверением и от Коли Кучерова. Я вчера написал Коле, а вам пишу сегодня 25.07 в обед. Здесь сейчас нашла туча и идет дождь, а до этого было сухо. Я вчера получил фотокарточки, но переслать не знаю как, потому что конверты все малы, но постараюсь послать. Нам обещают делать уколы против холеры. Вчера, в воскресенье, до обеда не было у нас ученья, и я ходил к обедне, а после обеда

ходили на занятие. У моего товарища из Вологды приехал отец, и будут жить дня три, но на вольной квартире. Передайте поклон всем родным и знакомым. Я остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. Жду радостного свиданья, но ждать еще остается, наверно, долго.

За тем до свиданья. Ваш сын и брат солдат Николай Григорьевич Шалагин.

№ 75. 28.07.1916. Моей маме.

Уведомляю вас, что я жив и здоров, того же и вам желаю от всего искреннего сердца. Милая сестрица, я письма, писанные тобою 24-го числа, получил 28.07, за которые много благодарен. Уведомляю вас, что послал фото с себя 27.07. Если получите, то отпишите немедленно. Я вам пошлю пять штук, вы одну отдайте в Дмитревское тете Марье и дяде Косте. Потом там как хотите, но одну я пока оставляю при себе. У меня с собой еще и та, что один снимался в Назарове. Я, смотря на эту карточку, мысленно переживаю все прожитое, в чем нахожу удовольствие. 26.07 нам делали уколы от холеры, и нам даны три дня отдыха. Хотя мы кое-что делаем, но на волю на занятия не ходим. Нам в воскресенье обещали сделать шикарный вечер, на что ассигновано из ротной суммы 10 рублей, и был добровольный сбор у нижних чинов. Нас в роте 600 человек, если положили каждый 5 копеек, то сумма составляет 30 рублей. Прошу, передайте поклон от меня Сануку Иванову. Желаю ему всего хорошего, веселей погулять дома. Может, и я дождусь того, что приеду на побывку. Я помню хорошо Санука рекрутство, и у него уже на службе вышел год, а я еще служу два месяца, но, пожалуй, и домой похачивается, да нет, говорят, погости еще. Здесь есть такие «супчики», что пытаются бежать, но скоро их возвращают с позором обратно. Я это собственнo опровергаю. Я буду служить верой и правдой и буду ждать, когда сама судьба повернет мою жизнь. Прошу, опишите, у кого у нас в деревне померли дети. Мне хочется знать. Вообще вы мне пишите все подробности, потому что, я хотя от вас за 600 верст, но дух мой витает там, где я рос, в особенности в ночное время снятся мне милые лица, и я очарован. Но когда я пробуждаюсь, то разочарование мое переходит в жалкое положение. Хочешь не хочешь, а надо вставать, а немного погодя идти на занятия. Сейчас лето, тепло, природа как будто ласкает тебя. Но когда настанут ненастные осенние дни и застанут меня вдали от родного селения, то на сердце невольно повеет тоской и печалью. Но станем до смерти жить и ни о чем не тужить. Смерть все покроет. Мне очень скучно сейчас без чтения. У меня не

потухает, но разгорается ярче желание знаний, и сейчас я много вижу и слышу, и прохожу жизненной практикой.

Прощайте родные, прощайте друзья, прощай дорогая деревня моя. Остаюсь жив и здоров. Ваш сын и брат Николай Григорьевич Шалагин.

№ 76. 02.08.1916. Мизгиревой Юльи Константиновны.

№ 77. 02.08.1916. Моего старшего после меня брата Шалагина Василия Григорьевича первое его письмо.

Здравствуй дорогой и любимый мною, братя Коля. Шлю тебе братское почтение и с любовью низкий поклон. Пишу письмо после Спасова дня. Дома невесело. Мама ходит в избе (только что пришли со жнитва) и спрашивает, чего я пишу, а няня (так звали все младшие сестру Толю, с ними она и я водились) жнет. И Сережка, и Панко, а Манька у тетки Александры водится с Панком, а тятя пашет. Погода хорошая здесь. До праздника больше недели работали с тятей (конопатели). Пришел праздник, тятя сходил к обедне, тут уже пришел дядя Александр Орлов с сыном Ванюшкой. Потом батюшка (священник) отслужил молебен (у нас в дому). Тут стали пить чай. Я попил чаю и пошел гулять. Сперва был на гавдарее амбара Кучерова Н.М. Потом играли в городки, потом пошел в За-ненскую, погулял я немного и ушел домой, и спал долго. Потом встал и ушел жать. Пришел со жнитва и пишу братке родненькому письмо и слышу: играют в гармонию братаны Ивановы (Васютка и Митюшка). Я сижу у среднего окна в большой половине и все слышу. И вижу — идёт Ванюха Григорьев Куликов и говорят кое-что праздничное. В это время коровы пришли, мама коров доила, а тятя из поля ехал (с пашни), и потом пили чай, а завтра пойду работать и письмо принесу тебе. Тятя часто вспоминает о тебе. Даже придет письмо от тебя, братка, возьмет читать, да и заплачет.

Писал письмо дед 70-ти лет, месяц и число снегом занесло. Здравствуй, братка да и прощай, мой любимый брат Николай, а я твой любимый брат Василий.

№ 78. 03.08.1916. Сестры Толи.

Здравствуй, многоуважаемый наш сын. Мы, родители, посылаем заочное благословение, на веки не рушимое. Здравствуй, доро-

гой наш брат. Мы шлем заочный привет и с любовью низкий поклон и желаем всего лучшего на свете: счастья и благополучия, и скорого успеха в вашей службе, и главное — здоровья. Во-первых, спешу уведомить, что мы твое письмо одно в пятницу 29-го, а писано было 22.07, получили, а сегодня мы получили еще письмо рано утром. Уведомляю, Коля, что сенокос еще не кончили, но косить бросили, подспела другая работа, начали жать и пахать, а сенокосили много, овсы у нас хорошие, а рожь нынче очень низкая, но все-таки колосом хорошая, у нас прошлую неделю всю был дождь, но с 01.08 очень хорошая погода. Праздник проводили очень хорошо, были в гостях Орловы дядя Александр, тетя Анна и Шурка, их дочь. Я, Коля, праздник проводила не очень весело, но без особенных причин, ходила к обедне, потом все время из дома в дом носила иконы, потом носила в церковь очень поздно. Когда снесли, мы с Лидой пошли в училище за книжкой с пьесами, но учителя не оказалось дома, так сходили пусто. Когда я пришла домой, у нас пили чай, пришла к нам Юлья Константиновна и Поля. Посидели, поговорили и пошли гулять. На улице было много публики: нагорьевские, жилинские и все ближайшие, девиц было очень много, но ребят мало, все молодежь, гуляли очень долго, до свету. Под утро собрались все в кучку наши девахи, среди нас один Шурка Иванов Куликов. Сидели долго, припоминали прошлое, как дамовничали у Ольги Петровны Шамаевой, и что было при отъезде в армию Куликова. Потом он рассказывал, где был, что делал, что видел. На улице пели песни, было солдат человек 10. Мы посидели и пошли по деревне, спели две песни и пошли домой.

До свидания, дорогой брат Коля. Известная сестра Толя.

№ 79 03.08.1916. *Моей маме.*

Здравствуйте, многоуважаемые родители. Шлю вам сыновнее почтение и с любовью низкий поклон. Уведомляю вас, что я живу хорошо, все по-старому. Получил жалованье в наш праздник Спасов день уже за третий месяц по 75 копеек, табачные два раза 91 и 93 копейки, за носку своих сапог получил 1 рубль 80 копеек, за пару портянок, два носовых платка и за полотенце получил 1 рубль 11 копеек. И получил, между прочим, четыре раза укол в левую грудь: два раза была прививка противотифозная и два укола — прививка противохолерная. Последний укол получил вчера, 02.08, после которого дано освобождение. Сейчас мы вся рота сидим в казарме, и кто что делает: кто уставчики читает, кто письма пишет, кто спит, кто

ушивает разорванные места на брюках или гимнастерке, кто пьет чай. В прошлую субботу у нас занятия не было, а был устроен в столовой спектакль, было весело. В воскресенье не занимались до обеда, потом ушли в ближайший лесок, находящийся около версты от казармы, шли полем, где стоят суслоны, нагребены копны сена и растет овес очень высокий и частый. В лесу мы позанимались и в седьмом часу с песнями пошли в казарму. Там поужинали, после ужина — свободен, можешь почитать или выйти на плац перед казармой. В воскресенье бывает много посторонней публики. Я и все знакомые собираемся вместе, сядем на канаву, сидим разговариваем, кому что пишут из дома. Поговорим и насчет службы, но унынья ни в чьем голосе не слышать. Конечно, иной помянет дом родной, вздохнет и опять весел. У нас литер «В», уже как будто скоро на позицию, но все веселые, и даже многие просятся, которых не отпускают. Шлю поклон моим милым сестрам и братьям, также родным и знакомым. Прошу пишите письма чаще. Мне очень скучно, когда нет долго письма. Прошу вас, берегите мои письма до моего возвращения. Мне часто снится, сто я приезжаю на побывку домой и испытываю радость, вижу ваши милые лица, которые остаются и при пробуждении в моем воображении. Опишите, какая погода стояла в Спасов день и после, а здесь сухо. Затем прощайте, все родные. Я, обожающий вас друг. Дай Бог увидиться нам снова, все видеть милое вокруг. За тем до свидания. Ваш сын, родители, Н. Г. Шалагин. К этому письму я прилагаю три листочка со стишком собственного сочинения своего. По получении опишите впечатление:

Я помню, прощался с родными,
Последнее время в семье.
Я помню, меня окружили
Свои и знакомые мне.
Было нас пятеро братьев,
Я старшим из них состоял.
Гри были сестры. Одна меня старше.
Я с ними прощался, обняв, целовал.
Родители, тятя, как звал его я,
С мамой, взяв вместе икону.
Пред ним на колени склоняюсь я.
В глазах не могу сдержать слезы.
С рыданьем они благословили меня.
Прощаясь с сыном своим,
На службу его отправляют его.
Не знают, вернется ль он к ним.

Но время настало уж ехать.
Стоящий в близи городок.
Из дома в слезах выхожу я,
С собою несу сундучок.
А братья меня провожают,
Печально глядят на меня,
Счастливо служить мне желают.
От дома поехал уж я.
Я еду шоссейной дорогой.
Деревня стоит в стороне.
Прощаюсь с народным я домом,
Который еще виден мне.
Вот к городу мы подъезжаем.
С толпой захожу я во двор,
Где воинский должен начальник
Всей партии сделать разбор.
Мы очень тут долго стояли,
А солнце несносно палит.
Родные стоят за забором
И носят фруктовки нам пить.
Разбили нас всех по командам
И всех увели на вокзал.
Там тоже пришлось дожидаться,
Но старший свободу нам дал.
По городу нас распустили.
Во время велели придти.
Нас в поезд потом посадили,
Сейчас уж готовы везти.
С родными пошло распрощанье,
Но я распрощался без слез,
Окрепло во мне настроенье.
Вот тихо нас поезд повез.
Платками тут все замахали.
Шла с поездом рядом толпа.
На милых родных мы смотрели.
Не знали, вернемся ль домой.
А поезд пыхтит и везет нас.
Толпа уж отстала вдали.
Мы с песнями едем в вагонах,
И поезд несется в пыли.
Из глаз уж совсем исчезает

Вологда — наш городок,
А поезд вперед все несется,
Вагон за вагоном везет.
Впереди нас вагоны с товаром.
Мы тоже в товарных сидим.
Нас восемь вагонов набито.
Мы едем и песни кричим.
Доехав до станции, вышли.
Мы долго стояли на ней
И все кипяточку набрали.
Чай пили, поехав к другой.
Украсили поезд березками:
Мы ехали в троицын день.
Доход приносили торговкам мы,
Торгующим квасом и всем:
Печеньем, колбаской и ситным.
Огромный был спрос папирос.
А поезд нас всех в Ленинград
На третьи сутки привез.
Привез на товарную станцию.
Возил нас назад и вперед,
Но кончилось наше катанье,
Петроградом нас старший ведет.
Он ведет нас, как стадо баранов,
Не бывавших в чужой стороне.
Петроградцы с высоких балконов
Смотрят, шутят, но скучно лишь мне.
Я помню — три года откинуть,
Шел мне шестнадцатый год —
В Петрограде я жил и не думал,
Что такое время придет,
Девятнадцати лет и на службу
Петроградом меня поведут.
И по улицам тем, где ходил я,
На Балтийский вокзал приведут,
Поместят в вагон третьего класса,
Привезут меня в Петергоф,
И в казарме близ станции этой
Служить будет Шалагин.
Привезли нас к казарме средь ночи.
Крапал дождичек с хмурых небес.

Мы на улице долго стояли.
А потом и в казарму я влез.
Тут разделись, легли спать на нары.
Утром встали, попили чайку,
А потом на плацу у казармы
Нас назначили в роту в полку.
Мне сказали, что рота вторая,
Записали нас в списочек всех,
А потом повели на ученье.
Посадили в кружок до обеда,
На обед повели нас рядами,
Заставляли нас в ногу идти.
На обед привели, накормили.
Ели хлеб, ели кашу и щи.
Через несколько дней обучали
В строю в ногу повзводно ходить
И потом повороты учили.
И с начальством нам как говорить.
Так и шли за неделям недели.
Нам присягу пора принимать.
Но в прожитые дни и недели
Я любил домой письма писать.
Письмецо как получишь из дому,
Точно вместе побудеешь с родным.
Все узнаешь, как живы-здоровы.
Про себя все опишешь и им.
Что, покуда живу, хорошо мне.
Много здесь знакомых ребят.
Я живу, не скучаю о доме.
А, что будет потом, зачем знать.
А ученье пока это нужно,
Хоть давалось сперва тяжело.
Я служил молодым третий месяц.
Стал теперь рядовой солдат.
Скоро всех нас к отправке наметят.
И на фронт будут нас отправлять.
Я о том не тоскую нисколько,
Что придется в бою помереть.
Но проклятых врагов всенародных
Поскорее бы нам одолеть,
Чтоб затихла кровавая бойня,

Чтоб настал на земле общий мир,
Чтоб исчезли орудия смерти.
И никто бы их вновь не водил.
Эх ты «кайзер» — кровавый убийца!
Сколько пролил ты крови людской.
И все это тебе отомстится.
Ты отплатишь своей головой.
Что ты сделал! Что думал в то время,
Обрекая на смерть жен, детей?
И разжег ты всемирное пламя.
Не обдумал ты роли своей.
Ты хотел завладеть земным шаром,
Называл себя богом земным,
Но жестоко ты, кайзер, ошибся,
Ты заплатишь все боком своим.
Околеешь позорною смертью.
Всеми будешь потом нелюбим.
Тебе памятник будет проклятья.
Кровь погибших — позором твоим.

№ 80. 06.08.1916. Сестры Толи.

Здравствуй, дорогой мой брат Коля. Я, сестра, шлю тебе свой привет и с любовью низкий поклон. Еще кланяются тятя и мама, братья и сестры. Уведомляю, что мы все живы и здоровы и тебе того желаем, счастья и благополучия, а главное — здоровья. Жив, здоров да сыт — вот и слава богу. А это главное в жизни. Во-первых, спешу уведомить, что мы письмо твое, писанное тобою 28.07, получили 05.08, в пятницу. Мама ездила в город и привезла много писем.

За тем до свидания. Надо попить чаю да сходить на улицу, напомнить, что сегодня праздник.

№ 81. От 6 августа 1916 года. От папашки.

Милому и дорогому моему сыну Николаю Григорьевичу от родителей твоих. Посылаю заочное родительское благословение, которое может существовать по гроб твоей жизни. Еще кланяются братья и сестры. Уведомляю тебя, что ржи обещаю, суслонов 100 бу-
дет. 60 нажато. Озимое все посеял на 6 августа. В Курмашево не
косил, должно быть останется не кошенное. Живем хорошо, обещаю лучше. На судьбу свою не жалуйся, Коля, потому что судьба

наша неисповедима. Я прожил 47 лет, немного пришлось порадоваться в своей жизни, но теперь уже и смерть не страшна. Коля, все-таки не забывай Господа Бога, помни заповеди его: «Не так живи, как хочется, но как Бог велит». Если Бог велит, увидимся, если не увидимся, так богу угодно. Погода с 1 августа стоит благоприятная. Дети умерли в скарлатине: у Николая Четверикова — паренек Вася, у Марии Ивановны Шалагиной — Верунька, у Александры Николаевны Куликовой (Кубертихи) — Алешка. В деревне все по-старому, огороды не городятся, хлеб скотине травится, порядок не соблюдается. Затем до свидания, Коля Г. Шалагин.

№ 82. 06.08.1916. Моей маме.

Здравствуйте, родители, братья сестры. Шлю вам свой искренний привет и низкий поклон. Уведомляю, что я по сие время живу по-старому, жив и здоров. 04.08 мы ходили в баню в Петергоф. Шли городом по Мариинской улице и Александровскому шоссе. Потом Дворцовой улицей мимо дворца и со стороны видели Финский залив. Против дворца очень хорошо место и к тому же еще раздельно. Дворец стоит на горе, просто на ровном месте высоко, а перед дворцом вправо крутой склон, и там разделаны дорожки цветами и наставлены статуи. Тут в Финский залив впадает речка, берега которой обложены диким камнем, а в речке стоит статуя Самсона-богатыря, и из-под статуи проведен фонтан, и мы этот фонтан видели в действии. Вода из него поднимается очень высоко. В баню мы ходили на много смен, нас была рота, а баня была из тесу сколоченный барачек. И вода в баню накачивалась тут вроде, как из пруда. Мы в свободное время купали ягоды, булочки, семечки, яблоки и тому подобное. 05.08 мы ходили версты за четыре на местечко, называемое «Боби-гон». Это место каменисто-песчаное, и туда ходят солдаты для практики копать окопы, оно все изрыто, ископано, и мы тоже в свою очередь покопали. посидели там и пошли в казарму с песнями. 06.08 утром встали, не успели попить чаю, и нам приказали выйти на волю, забрать все, что у кого есть, чтоб в казарме сделать уборку. Мы, конечно, как выучные верблюды, пошли из казармы, неся матрац, сундук и амуницию. Выйдя на волю, на вольном воздухе попили чайку, расположившись, как когда-то евреи при переходе из Египта в землю обетованную. Сегодня утром здесь туман, а дождя уже не было давно. Затем опишите при получении письма, что вам поговорил Санук Петров Шонуров. Я его видел после, но поговорить

не пришлось. В общем, это ему не будет иметь никакого значения кроме, конечно, незначительного наказания. Наши ребята пятой роты уже назначены на позицию, и выданы им новые шинели, но отправка еще не известна. Отправлять нас будут всех вообще на северный фронт под командование генерал-лейтенанта Рузского. Я и Антонов еще после них останемся, но, наверно, ненадолго. Я уже вроде как жду, чтоб скорей отправляли, душа моя жаждет видеть новое, и новое это здесь мне уже все надоело. Каждый день хождение вперед, назад, поворачивание направо, налево, кругом. Сейчас бы я покосил травы на родной стороне со знакомыми людьми, но, наверно, уже кончили и сенокос-то, сейчас, наверно, жнуте рожь, судя по прежнему времени.

Письмо пишу я под открытым небом.

Вспоминаю все, что видел в 20 лет.

Что испытал я радости и горе.

И все, что пережил, того уж нет.

Теперь вокруг меня уж жизнь другая.

И думаю теперь уж я не так,

Что думал, дома живши я беспечно.

Во всех мечтаниях тогда я был простак.

Думал я, что жизнь моя свободна.

Но я теперь неволен сам в себе.

Другие люди правят теперь мною.

Но я не покорюсь этой судьбе.

В моем уме иные мысли и желанья.

И весь я становлюсь не тот.

Быть может, это все от расширения знания,

А может быть, большого мозга плод.

№ 83. 07.08.1916. Кумы Швецовой Аполинарьи Александровны.

№ 84. 07.08.1916. Мое брату Васе.

Воскресенье. Только встал, не умывшись. Здравствуй, дорогой брат Вася. Посылаю тебе братское почтение и с любовью низкий поклон. Уведомляю тебя, Вася, что я сегодня утром, только всгавши, вижу, на коробке лежат два письма, которые здесь мне принесут существенное наслаждение. Я взглянул на печать, которое раньше, но оказалось, оба из Вологды от 02.08. Я взял одно, разорвал первое, которое писала сестра Толя, и ее благодарю за письмо. По-

том я сал читать второе. Вижу, письмо, не знакомое по подчерку. Я прочитал из середины несколько слов, потом на подпись в конце. Я узнал, что от тебя, стал читать с конца. Скажу тебе, что написано мне по праву, что я не мог от тебя ожидать, за это я тебе, брат Вася, много благодарен. При чтении твоего письма я не мог сдержаться, чтоб задержать выкатившуюся слезу. Спасов день, который я должен весело и беззаботно проводить на родной стороне, там найти развлечение и отдых.

Здесь в Спасов день я на чужой стороне за 600 вёрст в кирпичной казарме, на воинской службе.

Сейчас мои годы, которые требуют воли и простора, беззаботности, идут под неволей и с большой заботой. Всё потому, что идет солдатское спешное обучение. После этого обучения придется, может, не раз стоять на близком расстоянии от смерти, бороться с нею, чтобы остаться победителем. При чтении твоего письма мне ясно представилась наша праздничная жизнь, та свобода, которой в деревне не умеют пользоваться, но превращают ее в то, что гнусно, то есть почему-то ненавидят друг друга. Да я сейчас не каюсь, что все свое время до службы провел тихо и, можно сказать, не выходя из родительской воли, и чрез это у меня спокойна совесть. Я чувствую себя свободным, например, если бы я или каждый из людей, живши дома, не слушал родителей, оскорблял или обижал братьев, то в разлуке берет жалость и раскаяние, при этом у тебя является желание чем-нибудь искупить это. Уведомляю тебя, Вася, что я живу хорошо, все по-старому. Здесь мы, знакомые, собираемся вместе и говорим про домашнее. Что пишут из дома и как ученье идет? Вася, тех, которые отправлены 21 мая, скоро на позицию. Им уже выдали все, что полагается. Нас — по-за ними. Вчера нас водили в кинематограф, показывали живые картины, а сегодня будет представление в столовой, а с обеда, наверно, будет ученье. Здесь на неделе не однажды пролетают аэропланы. Вася, прошу тебя в свою очередь — пиши мне письма. Шлю поклон милым родителям, сестрам и братьям. Живите мирно в семье: это лучшие блага в жизни, будьте уступчивы друг другу — это ведет к прекращению ссоры, будьте трудолюбивы, не будьте злы и горды. Жизнь меняется, и от нашего милого семейства чрез годы останется одно воспоминание.

До свидания, любезный брат Вася. Н. Г. Ш.

В 1957 году 08.02 я оформлял вторую книгу-дневник. Вася погиб еще осенью 1919 года, поэтому я и подчеркнул тогда эти строчки. А теперь, 06.10.1977 года, от десяти человек родной семьи того времени я да Маня (младшая сестра).

№ 85. 08.08.1916. Сестры Толи.

Здравствуй, дорогой брат Коля. Мы шлём заочное родительское благословение. Мы живем хорошо, все живы и здоровы. Сообщаю, что письмо твое, писанное 03.08, мы получили 07.08 после обеда. Мы все ушли в поле, осталась дома одна мама, и в это время принесли письмо, и мама принесла его в поле. Я бросила серп и побежала ей навстречу. Я прочитала письмо и стала читать стишок и у меня, и у мамы потекли слезы. Погода хорошая, жали до позднего вечера, а на следующий день утром я ушла жать в Заненскую. Погода была весь день хорошая, но под вечер разразилась гроза, освещивало очень часто. Времени было 11 часов, но мы не спали, и я вздумала писать письмо на улице, шел сильный дождь, мама тоже не спала, лежала на диване. Коля, мама на меня часто обижаются, что я ничего от нее не напишу. Сообщаю, что у нас Вася работает теперь поденно за 4 рубля (на конопатке), а Сережка живет теперь дома. Дорогой Коля, много раз благодарю за фотокарточки.

До свиданья. Все живы, здоровы. Живем по-старому. До свиданья, наш сын и брат Коля. Сестра Толя.

№ 86. 09.08/1916. Моей домой.

Кланяюсь всем родным и знакомым. Живу по-старому. От вас, родные, получил письмо 07.08, 08.08. У нас из полка отправили на позицию шесть рот. В пятой роте уехали все мои товарищи, с которыми я «рекрутился» и два с лишним месяца жил на службе. В обед я с ними ходил прощаться, они уже были хорошо одеты и ушли на вокзал нового Петергофа под музыку. 09.08 утром мы ходили на занятия до обеда. Пообедав, снова вышли на занятия, немного позанимались, пошел дождь. Мы ушли в казарму и занимались словесностью. В это время шел дождь, но обедать ходили в барак, и там сквозь крышу текло так, что на каждом месте, где стоишь, попадает капля. У нас в роте сейчас осталась одна литер «А», и нас обещали продержат еще около месяца, пока не сформируют другую роту, и тогда уже — наша очередь ехать на позицию. 09.08 вечером шел дождь после ужина, все были в казарме. Разделись, и давай петь песни, и ~~песенка~~ была в казарме. 10.08 погода была пасмурная, но мы ходили на занятие версты за две. Нам скоро обещали смотр и учили усиленно. В обед я сходил в лавочку, попил чаю, вычистил винтовку и опять — на занятие. До занятия я лег, немного заснул. Потом слышу: меня кричат, я проснулся, свесил голову с нар и смотрю вниз. На

полу стоит Иван Кузнецов из Котельникова, рядом с ним стоит Санин Иванов Куликов бравым молодцом — тот, с которым я уже более года назад прощался. Я быстро соскакиваю с нар, и мы идем во второй взвод. Мы принесли кипятку и, когда все ушли на занятие, попили чаю и кое-что поговорили. Он мне подал посланный вами гостинец, яйца, за которые вас сердечно благодарю. Потом он поминал, что вы, мама, приедете ко мне, но, если вправду надумаете, то приезжайте, не зевайте. Если нет, так увезут нас на войну. Если надумаете, так найти просто: доедешь до нашей станции, и тут до казармы несколько сот сажен. При входе в казарменное расположение вам дадут пропуск-билетик. Сразу спросите вторую роту и вам покажут вход, тут стоит дневальный. Спросишь имя, фамилию, взвод, отделение. Если я буду в казарме, то сразу, точно стрела, буду у вас, как тогда, года три назад, в Петрограде, когда работал портным. По просьбе меня освободят на время, разрешат сходить в чайную и можно будет поговорить, что душе угодно. Вы можете здесь побыть на вольной квартире, сколько вам пожелается. А, если не позволят какие обстоятельства, то напишите, что не приеду, тогда я буду дожидаться того времени, когда сам приеду вас проводить или совсем. Шлю поклон и свое почтение всем без исключения: бедным и богатым, спесивым и тороватым, красивым и уродам.

Николай Григорьевич Шалагин.

№ 87. 11.08.1916. *Моей маме.*

Здравствуй, многоуважаемые мною родители. Посылаю вам сыновнее почтение и с любовью низкий поклон, а также моим братьям и сестрам. Я сегодня дневальный по роте. Днем весь день был на занятии и сейчас сижу у пирамиды, где ставятся винтовки. Делать нечего, все легли спать, лежат, похрапывают, а я сидел-сидел, и стало дрематься, а чтобы разглуздаться, вынул листок бумаги и карандаш из-за пазухи, то есть у меня с левой стороны гимнастерки есть карман, в котором я ношу памятную книжку, а иногда кошелек. Я должен стоять до двенадцати ночи, потом — спать. Помещение нашей роты — большая комната. Посередине этих стен — большие проходы, но в общем четыре комнаты. Вдоль четырех комнат проходит коридор. По правую и левую стороны в каждой комнате — нары, и эти нары двухэтажные и по середине поперек разделяются, то есть лежим на них в два ряда — голова к голове через перегородку на обоих этажах нар. На одних нарах может поместиться 60 человек, таких нар восемь штук, но у нас сейчас свобод-

но, и у каждого матрац. По сторонам на полу стоят железные кровати, на них спят взводные и отделенные командиры. По сторонам прохода стоят по одну сторону баки с кипяченой водой, по другую — деревянные ящички (плевательницы), наполненные песком. В одной комнате на стене висит образ Николая Чудотворца, куда мы каждое утро собираемся на молитву. По правую руку нашей роты — уборная, такая же комната и потом лестница вниз. В казарме получается 3616 человек, а таких казарм много, и в общем в полку бывало человек тысяч до двадцати.

До свидания. Н. Г. Шалагин.

№ 88. 12.08.1916. Брата Васи.

Здравствуй, дорогой и любимый мой братя. Шлю я тебе братское почтение и с любовью низкий поклон. Пишу письмо в страну чужую родному братьке своему. А он за это за письмо опишет сторону свою. После Спасова дня я, братька, работал в городе всю неделю, даже и Преображеньев день — за полтора дня. Пришел домой, пришли ребята к нам: Митюха, Колюха и звали гулять, а няня говорит: «Братя приехал». Я говорю: «Покажи». Поглядел на тебя (на фото) да и стал оболакаваться. Оболокся, поел и опять поглядел на тебя и пошли. Пришли в Бирюлево, там ВасюхаМаков был (Тропинский) и много ребят и девок. Я погулял немного и пошел домой, дома поспал и в понедельник пошел работать (конопатить в город). В четверг пошел домой и зашел к Сидорову Алексею Ивановичу в лавку. Спросил: «Нет ли писем?» Он подал штук 50, гляжу — одно письмо тятю, но больше не нашел. Вышел из лавки и стал читать. Тятя дома стал читать в маленькой половине у крайнего окна, а мама плакала. Тятя почитал, да тоже отстал, мама ему говорит: «Читай», — а он молчит от волнения. Я им прочитал. Няня жала на поденщине в хорчевне, потому что дома все выжали. Утром поехал за Нагорьево, няня — в Заненскую жать. Приехал из-за Нагорьева, пришел домой, мама и говорит: «Тебе письмо пришло от брата», — и подает, а сама ревит. Я обрадовался, что мое письмо получил братька, поел и стал писать письмо братьке на чужую сторону. На улице дождь, у окна рябина, и ветки красные, а Гринька выбежал на улицу и залез на березу. Давно все мы спахали и ~~улицу~~ вычистили. В Кириллов день 09.08 был спектакль, когда меня загромировали и я выходил на улицу, то ребята не могли узнать. Потом начался спектакль, народу было много. Мне было выходить первому. Сажу я на стуле, вдруг третий звонок, занавес заскрипел, я благословил рукой всех и стал читать... Все захохотали... Потом кончился

спектакль. Играли не знаю как. Колюнька Кучеров у нас дома стоял у дверей и играл на балалайке. Иван Григорьевич Куликов купил лошадь и ведет. А няня пришла с поденщины и читает письмо. Мама ходила под Кудрино лен теревить и фотокарточку снесла.

До свидания, любимый брат Николай. Любящий тебя твой брат Шалагин Василий Григорьевич.

№ 89. 13.08.1916.

Отрезной купон на посылку вещей Николая Григорьевича Шалагина, 3-й пехотный запасный полк, 2-я рота, литер «А», 1-й взвод, печати Петергофа (Петрограда).

№ 90. 13.08.1916. *Мое домой.*

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители. Шлю вам сыновское почтение, с любовью низкий поклон. Уведомляю вас, что нам 12.08 был смотр, и очень хорошо сдали. Получили похвалу от всех начальствующих лиц. Смотр окончился часа в два, и мы после ничего не делаем, так же и в субботу был отдых, даже часть солдат отпустили в Петроград на день. Из оставшихся, кто желает, водили Петергоф сдавать посылки. Я также вам послал посылку: синюю пару, пару белья и потом Ванюшки Архипова часы, пояс и еще чего-то в узелочке, не помню. Дойдет, так отпишите. Послал я вам письма обратно и прошу их беречь, пока я буду жив и невредимым вернусь домой, если их получите. Завтра воскресенье, и в понедельник нам ученья не будет, а после понедельника, может, отправят скоро на позицию, хотя я слышал, что в четверг. Письма, пока я буду здесь, буду писать каждый день. Как стронут с места, то, может, писать не придется, а увезут далеко. Письма так часто ходить не будут.

До свидания, милые родители. Может, долго не увидаться, а может, и до... До свиданья, братки и сестрицы. Наверно, вы думаете не то, что я думаю. И вы не можете того думать, потому что своя у вас воля. До свидания, а может и прощай. Н. Г. Шалагин.

Полно, матка, горевать:
Мне солдат не миновать.
Бог поможет, может, мне
Отличиться на войне.

На войну солдат собирался,
С отцом, матерью прощался.

Прощай, родимая семья,
С вами не увижусь, может, я.

Я, молоденький мальчишка,
Во солдатушки иду.
Может быть, сложу головушку
С германцами в бою.

Скоро-скоро уезжаю
Я со немцам воевать.
Отец с матерью горюют:
А может, сына не видать.

Эх! Я поеду, покачу
Нынче с немцам воевать.
Молодому мне мальчишечке
Того не миновать.

Не горюй, отец и мать,
Что нас гонят воевать.
Эх, не всех же на войне
Нас убьют — поверьте мне.

Ах вы, турки, азиаты,
Из-за вас идем в солдаты,
Из-за вас ведь подлецов
Идем от маток от отцов.

Много горя, много слез
Наделал нам немецкий пес.
От отцов, от матерей
Угнали бравых сыновей.

Ты прощай, родима мать.
Иду с германцам воевать.

№ 91. 14.08.1916. *Моей маме.*

Здравствуйте, мои милые родители. Шлю вам сыновнее почтение и с любовью низкий поклон, также братьям и сестрам и всем родным и знакомым. Я пока живу по-старому, но жду скорой перемены: не сегодня так завтра буду отправлен на позицию. Вчера вечером мы ходили в кинематограф, и ученья у нас нет. В воскресенье, сегодня, ходили в город, в баню, версты за четыре в

новых шинелях и фуражках. Большой партией, все друг другу на подбор шли с песнями и весело пели так, что некогда грустным думам в душу вселиться. Все веселые и бодрые и даже просятся на позицию, не желают отстать от товарищей. Я тоже приготовился и внутренне, и наружно. Лишнее все отослал. Вы, наверно, в скором времени получите. Когда получите письмо это, то уже больше не пишите ответ, потому что я буду отправлен, и адрес переменится. Я буду покуда здесь, то буду писать каждый день, что обещаюсь.

Прощайте, родные, прощайте, друзья, прощай, дорогая деревня моя. Николай Григорьевич Шалагин.

№ 92. 15.08.1916. Поли Васильевой.

№ 93. 15.08.1916. Моей маме.

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители. Шлю вам сыновнее почтение и с любовью низкий поклон. Так же низко кланяюсь братьям и сестрам. Уведомляю вас, что я живу по-старому. Сегодня праздник, мы так почти ничего не делаем. Поем песни и, одним словом, кто что делает. Назначают в церковь несколько человек, на работу на кухню. Здесь вчера очень намочило, шел сильный дождь. Мы сейчас ждем приказа: «Одевайся на позицию». И сундучки уже приходится забыть. Носили весь «дом» с собой, а теперь уже весь «дом» и имущество на себе и поэтому, что хорошее лишнее, продают, а что неражее, придется оставить на месте. На позицию едут хладнокровно и уже легче сейчас ехать, чем из дома. Но если такое домашнее провожание, конечно, было бы трудно.

Вдали тебя я обездолен,
Родимый дом, родимый дом.

Далек от вас, мои родные,
Я телом, близок лишь умом.

Мне не забыть вас, дорогие,
Пока во мне живет душа.

Умом я буду с вами, родные,
Покуда не убьют меня.

Расстался с вами я подростком,
Мне шел тогда двадцатый год.

Домой вернусь уже солдатом,
Когда то время подойдет.

Мы покорим врага-германца,
Изменим все в своей стране.

Домой мы будем возвращаться,
К родным, на родину к себе.

Дорогой товарищ мой,
Довольно нам гулять с тобой.

Давай послужим родине,
Отличимся на войне.

Пойдем, товарищ, добровольцем.
Будем родине служить.

Распроклятого австрийца
Будем вместе с тобой бить.

Скоро-скоро нас забреют,
Не отпустят погулять.

Один месяц нас поучат
И отправят воевать.

Вышел Коля из приема,
Сам платочком замахал:

«Прощай, все мои знакомые,
В неволю я попал».

Все хорошие ребяташки
Ушли царю служить.

Только браковка да уроды
Остаются дома жить.

Сдали во солдатушки
Меня не к родной матушке,

Не к родимому отцу,
К офицеру-молодцу.

Неужели мне не тошно
Было из дому уходить?

Тетя, мама, братья плачут,
Меня ладят увозить.

Благослови, родная мать;
Иду с германцем воевать.

Благослови, молись о том,
Чтобы вернулся со крестом.

За тем до свидания, остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. Постараюсь и завтра послать письмо, если буду здесь. Передайте поклон всем родным и знакомым. Остаюсь известный вам Н. Г. Шалагин.

№ 94. 15.08.1916. Сестры Толи.

Здравствуй, дорогой наш сын Коля. Письма твои получили, писанные тобою 03-06.08 и 07.08. Письмо пишу утром. У нас тетя и ребята ушли по грибы. Часто идут дожди, на улице грязно. Мы рожь уже выжали, а овес еще очень зелен, так что делать нечего. Могли бы молотить, но нельзя, потому что все сыро. У нас вчера, то есть в воскресенье, были две помочи. У Василия Алексеевича Мещанского ездили по дрова на Курмашево, у Анны Алексеевны дергали лен. Крестного Елеферья Григорьевича Сергеева нет дома, пиши адрес на крестную. Сегодня тятя ушел в гости в Бурцево, а я не ходила. Утром шила рубашки Коле Кучерову, он отправляется 16.08 в Тотму учиться. Потом пошла гулять к Аннушке Ивановой Швецовой. Вскоре подошла Лида Швецова и еще некоторые девицы. Сначала постояли, потом от нечего делать вздумали играть в карты. Посидели, поиграли, пришли из Заненской солдаты. Они ходят часто, живут уже скоро два месяца. Со всеми в деревне познакомились. У Кучеровой Мани было домовничанье, мы туда собрались все, посидели и вздумали идти за горохом, принесли гороху, поели и разошлись домой. Я пришла домой, попила чаю и пошла по улице по Гриньку и Панка.

До свидания, дорогой брат Коля. Сестра Толя.

№ 95. 16.08.1916. Мое дамой.

Здравствуйте, многоуважаемые родители. Шлю вам почтение и низкий поклон. Низко кланяюсь братьям и сестрам. Уведомляю вас, что я живу хорошо, того и вам желаю. Вчера, 15.08, мы на занятия не ходили. Вечером часов с шести в столовой пятой роты был вечер, и был устроен спектакль, и нас посторонних, конечно, не пустили. Потом я уже попал на последнее действие. Я, смотревши, вспоминал прошлое и предполагал будущее в нашем Непотяговском Народном доме. Кончилось в девять часов вечера, было уже темно, затем прямо

на поверку пошли, с поверки — спать. Ночью в два часа назначили в конвой 80 человек вести арестованных в баню, но меня не назначили. Утром я проспал долго и без чаю ушел на занятие. Мы вышли и ушли на участок № 3 версты за две и там учились составлять палатки: из шести полотнищ — одну. В них лежали. Потом встали, построились во взводную колонну и пошли на окопы, где наделаны проволочные заграждения. После с песнями — на обед. Пообедали порцией мяса, чаю попили, затем винтовки вычистили. Я все так же спокоен и жду, когда отправят на позицию. Меня одолевает не страх, а любопытство. Мне охота скорее туда, где льются потоки крови и гремят непрерывные громы, посмотреть и быть участником тех героев, которые своей молодецкой грудью отталкивают натиск врага. Может, и жизнь придется положить, но я откровенно говорю, что не жалею и не робею, потому что рано или поздно придется умирать, земная жизнь — суета суетствий. Все равно и здесь кипит жизнь, и все мне нравится. Разврат, обман и самолюбие видны во всем.

До свидания. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. Прощайте, родные, Н. Г. Шалагин.

№ 96. 17.08.1916. *Мое брату Васе.*

Здравствуй, любезный братик Вася. Шлю тебе братское почтение и с любовью низкий поклон. Благодарю тебя за письмо, написанное и посланное тобою. Уведомляю тебя, мой братя, что я живу еще по-вчерашнему, все здесь, но, может, не дадут дописать письмо, скажут: «Одевайся на позицию», но, может, и еще поживем, но мы, в общем, ждем с часу на час. Сегодня письмо я твое получил, стал читать: это единственное здесь удовольствие, когда получишь письмо с родины. Да, Вася, вам известно, что Румыния выступила вновь за нас? Это поднимает дух воина, потому что она ждала и следила за ходом войны, и теперь выступила за нас, считая, что выгодней так поступить. Теперь ждут выступления Греции, но и Россия еще небожественна. В ней много еще таких людей, которые могут воевать, и много в ней хлеба и всего, что нужно. Главное теперь будем ждать исхода войны, все-таки не век провозуют.

За тем до свидания. Ваш брат Н. Г. Шалагин.

№ 97. 18.08.1916. *Мое брату Грине.*

Здравствуй, мой младший брат Гриня. Шлю я тебе со службы поклон, также твоим и моим тятэ и маме, сестрицам и братьям. Твой

брата Коля!.. Письмо я твое, Гриня, получил ночью во втором часу. Ночью и прочитал, а на другой день тебе пишу ответ. Спасибо тебе, Гриня, за письмо, а потом, когда будет мама тебя заставлять писать письмо, так ты не плачь, а радуйся, что пишешь письма брате. Когда ты вырастешь большой и пойдешь в солдаты, а я уж дома буду, тогда и я тебе напишу письмо. Гриня, слушайся тятю и маму и братьям вели слушаться родителей и друг друга. Будьте друг другу уступчивы, не ругайтесь и не деритесь друг с другом, чтобы вас любили и хвалили тятя и мама, а будете досаждать им, то дома будет худо жить. а на чужой стороне тяжело. Гриня, учись работать все, что придется. Здесь вот мне приходится делать все: запачкались рубашки, и стирать самому приходится, изорвется — тоже сам ушивай. Ладно, что я умею ушивать, а кто не умеет, самим нужно. Здесь сами ушивают и приказчики, и учителя бывшие, они делают все, что заставят.

До свидания, Гриня, я остаюсь на прежнем месте, а долго ли придется, не знаю. Твой братя Коля. Целую вас всех много раз.

№ 98. 18.08.1916. Орловых из Кудрина.

№ 99. 18.08.1916. Сестры Толи.

Здравствуй, дорогой нашего сердца сын. Здравствуй, дорогой наш брат Коля. Мы все вообще низко кланяемся и желаем доброго здоровья, счастья и благополучия. Во-первых, спешу уведомить, что писанное тобою 09.08 и 11.08 письма получили. Еще получили посылку: синюю пару, пару белья и несколько писем. Уведомляю, что коля Кучеров уехал в Тотьму учиться. Погода у нас не очень теплая. Уже похоже на осень, часто перепадают дожди. Молотить все еще не начинали. Тятя конопатит дома. Сережка около месяца жил дома. Мама вчера свела его в кузницу работать. Я вчера под вечерок ходила по воду на Шограш, видела твою куму Полю.

За тем до свидания, наш сын и брат Коля. Сестра Толя.

№ 100. 19.08.1916. Моей мамой.

Здравствуйте, многоуважаемые мои родители. Шлю вам сыновнее почтение и с любовью низкий поклон. Кланяюсь сестрам Толе, Шуре, Мане, братьям Васе, Сереже, Пану и Грине. Уведомляю вас, что я живу хорошо, того и вам желаю всем. Я все еще в той казарме, в которой и раньше. Вчера мы ушли в поле. Ротный командир нам

показал компас, объяснил, для чего служит. Сегодня утром пошли смотреть, какое поражение может нанести ручная граната. Ушли мы на сполье, где вода и кочки. Там собралась не одна рота. Отошли от места взрыва шагов на 300 и легли на сырой луг, и смотрели, как там рвутся бомбы. Потом ходили на то место, где они рвались, и один показывал бомбу и как она приводится в действие. Затем, когда все это кончилось, пошли к казарме и там еще обучались. К нам в казармы пригнали каких-то молодых ребят и начали обучать их, а нас скоро, наверно, отправят сражаться.

№ 101. 20.08.1916. *Моей маме.*

Была словесность в казарме, потому что плохая погода, и мы сидели по отделениям. Смеялись друг над другом. Отделенный спрашивает, а иной такую «бухтину» скажет, что не хочешь да рассмеешься. Спрашивают: «Кто у нас внешние враги?» Вместо того, чтобы сказать: «Те государства, с которыми мы ведем войну», он говорит: «Студенты!» Я давно уже писал вам, что на позицию скоро. Но идет день за днем, и мы все на месте. Я вам писал, чтобы вы не писали, теперь вам велю писать. Может, еще долго не угонят, а если и угонят, то одно письмо не получу.

До свидания. Сегодня у нас с утра дождик, и стало холодать. Осень осенью, но нам покуда тепло, и все мы сыты. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. Ваш любящий вас сын, ваш брат. Н. Г. Шалагин.

№ 102. 23.08.1916. *Моей маме.*

Здравствуйте, тятя и мама, братья и сестры, шлю вам свой привет и с любовью низкий поклон. Прошу передать поклон крестной Софье Алексеевне и крестному Елеферью Григорьевичу Сергеевым, дяде Николаю и тете Александре Кучеровым и всем родным и знакомым. Я еще на старом месте, жив и здоров. Получил от вас вчера, 22.08, письмо, писанное 18.08, а сегодня получил письмо, писанное 15.08, и в нем написано, что Коля Кучеров готовится уезжать в Тотьму. 20.08, в субботу, мы ходили в кинематограф и смотрели интересные картины. А в воскресенье в столовой, но не в нашей роте, был устроен спектакль очень хороший. Декорация настоящая, я соблазнился и ушел без спросу, но это не имеет значения, потому что это время свободное, но главное — там долго затянулось. Окна были наглухо закрыты, и внутри горел ламповый свет. Народу было много, выйти было невозможно и я опоздал на поверку, ожидая антракта. Пришел — поверка

уже кончилась, и меня за это вне очереди поставили дневалить ночью. Я не обиделся. Сегодня мы ушли далеко от казармы и делали наступление: два взвода на другие два взвода. Лежали в канаве, тут трава не выкошена, и вблизи жала женщина овес. Наши отделения и взводные ходили к ней помогать. Тут растет картофель, и напоминает домашнее обстоятельство, делается желание поделаться крестьянские работы. Тут мы рассыпались в цепь и разговариваем, кто что дома делает. Один говорит: «Я жал люто, нажимал по 12 суслонов» Ему говорят: «Не ври». «Потом я, — говорит, — косил хорошо, никто не мог косить быстрее и лучше меня». Так мы лежали долго, потому, когда показался условный неприятель, то стали следить за ним и с криком «ура» бросились друг на друга в атаку...

За тем до свидания. Пока здесь, но жду отъезда. Прощайте, ваш сын Н. Г. Шалагин.

№ 103. 26.08.1916. Мое домой.

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители. Низко кланяюсь вам, милые мои родители, так же братьям и сестрам. Уведомляю вас, родные, я жив и здоров по-прежнему, такой, каким был при расставании с вами в день отправки из Вологды. Обстоятельства в моей жизни скоро переменятся несколько. Сегодня с обеда нам объявили отpravку на позицию. Может быть, завтра отправят. Сегодня по этому случаю нет и ученья с обеда. Я из дому уехал легко сюда, правда и грустить было не о чем, я все цел. На позицию поеду со спокойным сердцем, там тоже люди, а не звери. Когда придется испытывать страх, тогда, что будет, посмотрю и увижу. Я думаю, что кроме смерти ничего не будет и не может быть. («А что будет, так увижу», — сказал слепой.) Эх! Бывали дни, гуляли мы, теперь гуляйте вы... Как не живем, а умирать придется рано или поздно, и поэтому смерти бояться не стоит. Сейчас вам пишу, что здесь происходит в казарме. В-первых, кто чай пьет по одиночке, кто партией. Тут гармонь играет, как у нас в деревне в Спасов день играли, и плясали, и подпевали. Некоторые на нары лезут, кто с них слезает. Кто спит или ушивает и имущество свое из сундучка перекладывает в вещевой мешок. Один сахар развешивает и раздает по 3 фунта на пять дней. Вокруг казармы и перед казармой учат солдат, которые пригнаны после нас, ходят в ногу, а по другую сторону казармы идет рота с песней. А там со станции пошел, постукивая, поезд к Петербургу. Ежели завтра будет время, то я сообщу вам, что будет, а может, ничего особенного и не будет. Шлю поклон и почтение всем без исключения! Счастливо жить.

я всем желаю, любить друг друга. В бедах, несчастьях помогайте, хотя б и злейшему врагу, потому что люди — братья.

Одна земля нас родила,
А Бог велел нам жить всем в мире,
И жизнь нам краткая дана.
Но в этой жизни мы не в силах
Прожить, чтоб в ней не нагрешить.
Кто сильней, слабень кого давит
И хочет вовсе задушить.
Богатый бедных обирает,
Семь шкур за раз отит содрать.
А бедный жметя и страдает.
И жизни он подчас не рад.
Но скоро правый суд настанет,
Пойдет все добрым чередом.
И все неправедные люди
Сметутся грязным помелом.
Настанет время — зло исчезнет.
Любовь у всех будет в сердцах.
Пойдет и жизнь совсем иная.
Жить будут люди и творить.

№ 104. 27.08.1916.

Встал, умылся, сходил две булочки купил и лежа на боку дописываю вам письмо.

Солнце сияет на небе,
Сердце спокойно мое.
Что будет завтра со мною,
Мне этого знать не дано.
За тем жив, здоров,
Не хожу без сапогов,
Хотя они совсем износились,
А новые дать только посулили.
Н. Г. Шалагин.

№ 105. 27.08.1916. *Мое родным.*

У нас из роты отпустили в отпуск порядочное число людей. Я тоже вчера подавал увольнительную записку, но, как на зло, отказа-

ли, не подписали, а кто едет уже в четвертый раз, но делать нечего. Неправда царствует повсюду. Обещают дать отпуск завтра, но «завтраков»-то я уже не первый раз кушаю, а отпуска все нет и нет. Чувствуешь себя бессильным, слабым и покоряешься судьбе, иногда чувствуешь себя как узник за решеткой: никакой воли. А иногда и ничего. У нас сейчас рекрутство. Раньше, в мирное время, собираясь на службу на три года, рекрутились по месяцу и больше ничего не делали, а только гуляли, а сейчас рекрутимся перед отправкой на позицию, и дано нам день свободы и то не всем. Я еще наладил посылку. Я хочу отослать четыре носовых платка, щетку, две старые рубашки и кальсоны, замок и книжку. Сегодня в роте выстраивали в две шеренги всех для осмотра врача. Пришел врач, спросил: «Все здоровы?» «Так точно», — отвечают. Он увидел тут одного увязанного, спрашивает: «Ты почему увязан?» — «Так, ничего, уши немного болят» Доктор приказал ему выйти, потом посмотрел, Затем я лег, уснул, а около шум и гам; тут кричат, что пулеметчиков из нашей партии откомандировывают в пулеметную и скоро отправка на другое место. В казарме балалайка бренчит, дневальный влез на нары и тащит за ногу спящего в сапогах: «Хочешь спать, так скидывай сапоги». Я лежу на нарах, то пишу что-нибудь или стяну у кого кусок газеты, журнал, песенник, письмовник. Здесь кто что купит, так ходит из рук в руки, покуда не истреплют. Солдатские сказки читаем. Собираемся около них группой и читаем при свете лампы. Читаем и по одиночке. Потом еще песенник был более 70 страниц, и все песни, частушки, копотушки читаем. Из роты многие ушли в церковь, раздается звон колокола. Солнце уже закатилось. Двенадцать человек отправились в пулеметную. Мог бы и я попасть, но не заявлял желания, потому что надо опять учиться и учиться действовать смертоносным орудием — пулеметом. Я желал, чтобы это оружие совсем исчезло в свете, чтобы люди не могли так губить друг друга. В зверей и то не стреляют из орудий, а тут в своего внутриутробного брата нужно стрелять беспощадно. «Все люди — братья», — говорит ученье Христа, но сейчас под неволей учат этих братьев друг друга убивать. Да я жалею бить каждую букашку, а тут меня уже обучили действовать орудием — винтовкой, чтобы истреблять врагов пулей и штыком. Почему они враги? Потому что пренебрегают святыню и не щадят беззащитных людей, и за это они достойны наказания и уничтожения. Мы с ними уже боремся третий год, но в России еще мощи много, и мы по примеру предков выстоим до конца во что бы то ни стало. У нас на одном Путиловском заводе работает 44 000 человек, изготавливают ору-

же для гибели врагов, и много еще людей, которые могут действовать этим орудием и встать в ряды защитников правды, а не зла и насилия.

За тем вам всем кланяюсь, родные, и прошу передать поклон всем знакомым, я остаюсь жив и здоров и прошу вас ответить на это письмо. Н. Г. Шалагин.

№ 106. 28.08.1916. *Мое родным.*

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители, шлю вам свое сыновнее почтение и с любовью низкий поклон. Уведомляю вас, что я живу хорошо и вам того желаю. Сегодня воскресенье. Настроение у всех повышенное. Вчера сказали, что завтра отправка, и утром, чувствуя это, поем песни, которые за душу точно хватают и царапают. Днем даже пьяные были, но мало удалось как-то достать чистого спирта. Весь день нам дана была полная свобода внутри казарменного расположения, но в отпуск сегодня не отпускали, потому что ждут телеграммы каждый день, а может, прождут долго. И сейчас в казарме орут песни, и дана воля, кто во что горазд до проверки. Но, конечно, безобразий нет, а поют, что знают дозволенное. Затем к нам в казарму гонят ротников, и интересно знать, кто у нас в деревне будет взят или нет. Сегодня в столовой был опять спектакль, я кое-как пробрался, и набралось нас, как сельдей в бочку, 800 человек, может, больше. В такой перебранке не обошлось, и слышишь зачастую, как поминают «матушку», как и везде ведется. Даже переткнутся кулаками, но много здесь не дают «распространяться», а кто с кем подерется, то тех заставят целоваться. Погода здесь сухая. Уведомляю вас, что от вас уже давно нет писем, от того письма, что писано вами 18.08. Сегодня в проверку фельдфебель сказал, что, куда ничего не известно, продолжайте гулять. Сейчас у нас уже все легли спать, но я вздумал писать письмо, потому что по вечерам подолгу не могу уснуть и приходится долго перекапываться с боку на бок, и чего-чего не передумаешь от корки до корки. Подумаешь и о том, как живешь сейчас, как бы жить надо. Думаясь до смерти и становится жутко. Смерть!!! Это что-то страшное, загадочное. Что и кто мы? Для чего мы живем? И так со смутным думами засыпаю. Ночью пробудишься и смотришь нет ли письма, если нет, то скучный опять засыпаешь, а есть, так перечитаешь не один раз. Живу только письмами и вам люблю писать. Иногда, может, и не складно напишу, но в том извиняюсь.

До свидания. Н. Г. Шалагин.

№ 107. 28.08.1916. *Мое маме.*

Еще несколько слов пишу тебе, моя дорогая родительница. Я слава Богу живу хорошо. Что ожидает впереди, не знаю. Предполагаю, что скоро пойду на позицию. Любезная моя мамаша, если я теперь и на позицию пойду, то также жить буду, писать письма, только другой адрес будет. Погода сейчас похожа на зиму, холодно, и снег переметает. Сегодня мы на волю не ходили, а сидели в помещении. Ночью я тебя видел во сне, как будто был на побывке, пришел, здоровался и целовался. Еще видел бабушку Любаву, она меня не узнала. Про посылку еще не известно ничего. Она дойдет, но не знаю, успею ли я получить.

За тем до свидания. Любящий тебя сын Н. Г. Шалагин.

(Все письмо написано по-печатному: мама может сама только так читать.)

№ 108. 29.08.1916. *Мое домой.*

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители, шлю вам сыновнее почтение и с любовью низкий поклон. Кланяюсь единокровным моим братьям и сестрам. Уведомляю вас, что я жив и здоров, того и вам желаю. Сегодня утром мы все оделись и пошли в лесок, ружья составили в «козла», а сами позанимались словесностью. Потом пришло время на обед, и мы пошли рядами, а фельдфебель и говорит: «Ну, братцы, запевайте последний, наверно, раз. Сегодня отправят на позицию». Вот пришли мы в роту. Гимнастерки новые, шаровары начали выдавать. Мне были назначены сапоги в обмен. и дали новые кожаные, которые дома не купишь за 25 рублей. Но многие едут в гамашах и в сапогах с парусиновыми голенищами. Отправка, говорят, в шесть часов. Поедем мы долго — дней шесть. может и больше надо ехать.

До свидания, многоуважаемые родители, братья и сестры. Н. Г. Шалагин.

№ 109. 05.09.1916. *Мое родным.*

Приехали в Австро-Венгрию. Здравствуйте, многоуважаемые мною родители. Уведомляю вас, что я по милости Бога покуда жив, здоров, того и вам желаю. Я из казармы выехал 29.08, сегодня 05.09. я еще только сошел с поезда, все ехал в одном вагоне. Сегодня доехали до австрийского города и остановились. С поезда пошли пешком. Шли разрушенным австрийским городом. Когда мы ехали по-

иногда, то видели пленных австрийцев. Я не тоскую и вижу, как я говорил, что все равно везде солнце греет, и здесь такие же облака и все, но речь людей уже трудно понимать. Адрес еще не известен. Нам здесь выдают сахар и хлеб. Солнце светит через тучи. В окна видать развалины города. Сердце стремится вперед, хочется быть одним из защитников, где русские бьются за независимость и стремятся к победе. Хорошо быть победителем в правом деле.

Дружно, ребята, в поход собирайся,
Бери сухари и белые для себя.
Дружно и смело пойдем мы на немцев,
Живот свой положим, помрем мы не зря.
Начальники наши бывали в бою
И нас обучали идти на войну.
Вспомните, братцы, как полк наш сражался
Под городом Нарвой в немецку войну.
Били мы немцев и отняли знамя
На честь и на славу родному полку.
Браво России, браво армии в походе, на войне.
До свидания, ваш сын Н. Г. Шалагин.

№ 110. 10.09.1916 *Открытка моя домой из Залещиков.*

Здравствуйте, многоуважаемые мои родители, братья и сестры. Низко кланяюсь вам и всем знакомым. Уведомляю вас, что я жив и здоров, того и вам желаю. Я теперь от вас далеко — более 2000 верст, и еще, наверно, придется идти. Сейчас уже сутки на месте. Адреса не имею.

За тем всего хорошего, прощайте. Н. Г. Кишелоз (по-австрийски).

№ 111. 12.09.1916. *Моей маме.*

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители. Шлю вам сыновнее почтение и с любовью низкий поклон. Также шлю по низкому поклону всем братьям и сестрам. Я жив и здоров, того и вам желаю. Я ехал на позицию шесть дней на поезде и четыре пешком. На поезде мы ехали по русской земле, и много видел кое-что, а пешком четыре дня шли уже по завоеванной нашими австрийской земле. Ходили по разрушенным городам и по уцелевшим, или в заброшенных домах ночевали. Шли полями, которые все изрыты окопами, и стоит проволочное ограждение. Шло нас 1000 человек, четыре

роты. Дошли мы до городка Залешики, что стоит на реке Днестре, и тут из роты по пять человек выбирали в команду разведчиков, в которую я изъявил желание идти, и уже начинаю обучаться. Рота, в которой я был раньше, ушла на позицию, а я буду учиться на разведчика. Времени пройдет не менее двух месяцев, а то и три. Потом на позицию заслуживать крест Георгия или общий деревянный крест, то и другое можно будет получить скорей, но какое выпадет счастье. Я вам послал две открытки и письмо с дороги, но не знаю, дошло ли нет. Получивши это письмо, пишите по адресу чаще письма. Хочу все знать, как живете вы и все мои и ваши знакомые. Хочу знать, как живет Коля Кучеров. Он мне, наверно, по старому адресу слал письма, но меня уже там не было. Где мой крестный, и как все живы? Прошу передайте поклон всем знакомым. Что слышно про моих товарищей: Костю, Ванюшку, Мишу? Что они пишут с позиции? Они все таки, я думаю, посылали письма. Адрес пока неполный, но пишите: «В действующую армию, 132 пехотный запасной полк, в команду разведчиков, получить Николаю Григорьевичу Шалагину». Затем пишите, что было вообще с 20.08. я от вас не получал никакого известия и точно уже с вами не виделся сто лет. У меня уже часто бывает сомнение, чтоб нам здесь на свете придется встретиться. Нет!!! Не может этого быть, такого счастья. А если судьба улыбнется, и мне, дорогие мои, повидаться с вами придется. При встрече много будет неопишуемого наслаждения и радости, и за все, пережитое мною и вами в разлуке, получим несколько минут свидания счастливого. Если же мне придется поплатиться и пожертвовать свою жизнь, то прошу вас не сокрушаться обо мне. До свидания. Известный вам Н. Г. Шалагин.

№ 112. 14.09.1916. Моей маме.

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители. Шлю вам сыновнее, а братьям и сестрам — братское почтение и с любовью низкий поклон. Прошу у вас родительского благословения. Я уже не однажды вас уведомлял, но еще раз считаю не лишним уведомить, что я остался в команде пеших разведчиков обучаться, не доезжая до позиции более 100 верст, но уже на австрийской бывшей территории. Близких товарищей уже нет ни одного, но есть в Вологодской губернии и то думаю, близкие. Здесь нас формируется новая команда разведчиков для обучения более 250 человек, но сейчас еще только 50 человек, по пять из роты, которые идут на позицию. Я уже третий день обучаюсь здесь, учат гимнастике, но мне гимна-

стика очень дается. Вы бы, мои родные, посмотрели на эти проделки гимнастики, то показалось бы страшно смотреть. Я гимнастику из нашей команды делаю успешно и через это даже фамилию мою знают. Называют гимнастом. Потом меня назначили раздатчиком. Получаешь чай, сахар, хлеб, порции мяса на целый взвод. В общем, милые родители, если не изменится мое физическое здоровье, то я от двух до трех месяцев буду здесь. Погода здесь хорошая. Дождей почти не бывает, но в Днестре воды прибыло. Здесь не прошло недели, я уже два раза был в бане. Сахару выдают 18 золотников, хлеба — три фунта. Обедаем на чистом юго-западном воздухе под каштановыми деревьями и под орешником. Спим в помещении бывшем австрийском. Прошу вас, напишите адрес Коли Кучерова. Передайте поклон крестной и крестному, всем девицам, ребятам, куме Аполинарье. Прошу ее писать по новому адресу письма. Опишите, получили или нет вторую посылку. Здесь у нас сейчас собираются люди из разных губерний, в каждой губернии свое наречие, свои привычки и нравы. Вот заведут разговор, где как живут. Спорят схвалятся. Над рассказами до того досмеешься, что хоть убегай на волю. Вечером хохол, украинский товарищ, тоже рассказывал происшествие своей жизни часа два, и все слушали, не спали. Во-первых, очень ловко и красноречиво рассказывает, во-вторых, так увлечешься, слушаешь, точно все видишь. Он начнет по-хохляцки говорить и показывать в лицах. Шлю вам это письмо, но потом я часто писать не стану, потому что я жить буду однообразно. Будем мы делать походы по австрийским деревням. Будем учиться снимать планы местности, научат нас бегом бегать. Будут исподовольно втягивать: сначала по две минуты, потом по 15 минут без остановки. Сегодня мы отдыхаем по случаю того, что старая команда сдала хорошо экзамен и им дали свободу, а нам, новым, только лишь нести наряды, на кухне работать, дневальным и тому подобное. У меня есть обязанность постоянная — взводный раздатчик, и уже наряды не дают другие. В общем, лучше покуда здесь, чем в Петергофе.

До свидания. Н. Г. Шалагин.

№ 113. 17.09.1916. Моей маме.

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители. Посылаю вам сыновнее почтение и с любовью низкий поклон. Также кланяюсь моим братьям: Васе, Сереже, Пану и Грине — и сестрам: Толе, Шуру, Мане. Маня, не забыла ли брата Колю, как бывало я забывал, когда жил в Калестийке и не помнил, какая же у меня сестренка

Манька, на кого похожа. Но вы меня все помните и вспоминайте, каким я вышел из дома и каким поехал на вокзал и с вокзала, но если бы я сейчас пришел, каким здесь пишу письмо, то вы во мне нашли бы перемену: сижу я в сапогах, в гимнастерке с погонами и в солдатской фуражке, голова гладко острижена и не та, что на маленькой карточке. Уведомляю, что я живу пока хорошо, скоро четыре месяца, как служу, и пока еще много плохого не видел. Когда жил в Калестийке, то больше видел страсти и горя. Тогда я боялся больше пьяного хозяина, чем теперь испугаюсь германского «чемодана». И тогда расстояние шесть верст до дома казалось дальше теперешних 2000 верст. Здесь я много вижу, много слышу и в этом нахожу удовольствие и наслаждение. Но дело в следующем: еще бы дожждаться, когда кончится война, и люди могли бы жить спокойно, а я бы стал ждать конца службы и приехал домой. Прошу шлите письмо и опишите, когда пришла открытка первая и письмо с дороги, а также открытка, где подписана фамилия Кишелаз, или письмо с места, чтобы я знал, сколько дней идет письмо. Здесь к нам приезжал генерал Брусилов. Вчера вечером мы ходили молиться. На плацу построена часовенка, в ней и престол, и иконы, и тому подобное. Здесь бывает в вечернее время слышны раскаты грома. Больше я писать не знаю что, я вам уже мало-малю описал все, что нужно, а зря брехать не стоит. Прошу вас пишите больше писем, как вы живете и все мои знакомые. Затем, если те письма не доходили, то пишу адрес. В действующую армию, 132 пехотный запасной полк, в команду разведчиков, получить Николаю Григорьевичу Шалагину. Прошу, передайте поклон родным и знакомым. Хотя бы от вас получить письмо из записочек, писанных всеми членами семьи. Что-нибудь напиши, мама, тятя, братья и сестры. От брата Василию письма, мне нравились его письма, а от сестры Толи я уже без сомнения могу ожидать в скором времени. Но все еще мне снятся родимые края, и вижу я во сне дорогих для сердца людей, но когда пробуждаюсь, то сразу бывает горько.

До свидания, дорогие родители, братья и сестры, дяди и тети, взрослые и детки, дивчины и хлопцы. Всем вам желаю доброго здоровья и в делах успеха. До свидания, Н. Г. Шалагин.

№ 114. 22.09.1916. Моей маме.

Здравствуйте, многуважаемые мною родители! Я, ваш сын, шлю вам сыновское почтение и с любовью низкий поклон. Также шлю по низкому поклону моим братьям и сестрам. Я жив и здоров!

прежнему. Здесь не вижу той грязной осени, что у нас дома, но и у нас еще не самая осень. Здесь наше здание, в котором я помещаюсь, кругом в каштановых деревьях, с которых сейчас падают пожелтевшие листья и каштаны. Вечером выйдешь на волю и видишь звездное небо и те самые звезды, на которые я любил любоваться, сидя на крыльце в осенние воскресные вечера и играя на мандолине (Эта мандолина и сейчас жива — 12.10.1977.) Теперь уже другое. Далеко от родины сам себе хозяин. Кричат: «Кто желает белье стирать, выходи строиться». Мне нужно постирать, потому что я уже три раза ходил в баню и белье надевал одно и то же. Пошли мы на речку на маленькую, которая скатывается с горы, у ней берега очень высокие, пожалуй, нисколько не ниже нашей Спасской церкви и очень крутые. Эта речка впадает в Днестр с левого берега. Помывши тут белье, развесили и, пока тут копались, высохло оно и мы пошли в казарму. Там немного погодя стали обедать. Погода была благоприятная и мысли веселые, часто на ум попадает песня, и ее затянешь вслух. Иногда вздумает: как-то дома живут, вот уже целый месяц я про родных не знаю, дошли ли и от меня письма, но может, и дошли. Они мне напишут и получу, и будет время, когда домой вернусь, и увидимся после долгой разлуки при встрече. Мы недавно ходили на стрельбу из пулеметов. Я теперь знаю, что такое пулемет, и потом меня научат, как им действовать. Заряжается он лентами патронов, и эти патроны закладываются, как работа в швейную машину, он строчит, пули вылетают, а патроны — гильзы вылетают на другую сторону пустые. Ударник работает, точно иголка в машине. И с каждым ударом происходит выстрел. Правда, если заведешь стрельбу, то от пуль, где они падают, только пыль летит. Для того, чтобы заряженный пулемет пустить в действие, только стоит взяться за ручку и нажать кнопку. Прошу передать поклон родным и знакомым, пишите чаще письма. Пишите больше подробностей обо всем. Малое самое мне будет интересно, что вас не интересует, мне принесет огромное удовольствие. Опишите, кто чем занимается, все ли вполне здоровы. Прошу не скрывать!!!

Н. Г. Шалагин.

№ 115. 26.09.1916. *Мое домой.*

Здравствуйте, многоуважаемые мои родители, шлю вам сыновнее почтение и с любовью низкий поклон. Я пока жив и здоров, того и вам желаю. Я сегодня видел товарища Алексея Николаевича Мочалового. Он, когда ехал с маршевой ротой на позицию, в этом горо-

де остался в учебной команде и жил все время здесь. Потом он, наверно, попадет в команду разведчиков ко мне. Он говорил, что ему уже было письмо из дому. Но поговорить нам пришлось мало, но потом мы повидаемся, когда будет свободное время. Я очень рад, что от меня близко есть знакомый человек. Я попал уже очень далеко, даже не признают моего наречья. Здесь все полтавские, Екатеринославские и говорят по-малороссийски. По-нашему «как», а по-их «як»), и так все слова иначе, но понять исподовольно можно. Начнут между собой рассказывать анекдоты или друг про друга, все до того смешно, что от смеху надсядешься... Як начнут рассказывать, как у них происходят свадьбы... В общем занятие у меня кончается в шесть часов, тут ужин, чай. В девять часов поверка, и потом много свободного времени бывает. Погода здесь все время была теплой и сухой. Вчера был только дождь. Интересно знать, какая погода у нас в Вологодской губернии. Теперь мне уже вся наша губерния кажется какая-то родная. Теперь у меня вся вселенная перед глазами. Я вижу другое государство, тех людей, отличающихся от нас, что мне раньше казалось интересным. И теперь я, бывает, жажду жизни хорошей, хочу наслаждаться, то есть вернуться домой. И жить, пользуясь трудом рук своих, и жить полной мирной жизнью. По мне, жизнь кажется одним мгновением, потому что я живу возле дороги у кладбища, где схоронены австрийцы и поставлены памятники. Бывает, хожу поздним вечером один и никакого страха, потому что здесь кругом кладбища. Рыли у нас яму под уборную и докопались до сгнившего человека. Сложили косточки одна к другой, а потом я не знаю, куда их девали. Но одним словом я не могу описать всех своих мыслей. Но скажу одно, что если я и умру, не увидевши вас, то я исполню свое желание — повидать белый свет. Если приеду домой, то буду жить спокойно, стану лишь читать.

До свидания, родители, живите, но не забывайте, что придется помереть. Живите мирно, братья, — это первое счастье.

№ 116. 01.10.1916. *Моей маме.*

Здравствуй, многоуважаемые родители. Шлю вам сыновнее почтение и с любовью низкий поклон. Также шлю почтение моим милым братьям Васе, Сереже, Пану и Грине, сестрам Толе, Шуре и Мане. Маня, учись скорей писать и читать и шли мне письма. Сообщаю, что я по милости Бога жив и здоров, того и вам желаю от всего искреннего своего сердца. Я нахожусь на старом месте, наверно, находится буду до рождества, может, и дольше. Жизнь по-

куда можно хвалить, потому что сыт и спать тоже досыта дают, занятия только семь часов в сутки. Это все чепуха. Много здесь интересного, но всего я не могу описать. Но скажу то, что здесь очень много зайцев. Сегодня 01.10 — Покров Пресвятой Богородицы. Нас разбудили, конечно, как и всегда, в шесть часов. Мы попили чаю и стали собираться на охоту. Вытесали все по палке, как дети играют в шарик или в городки, тоненькие, но не тяжелее фунта и построились в походную колонну. Представьте себе, нас собралось 300 человек. В общем, если нас в Непотягове, в Мочаловке и Кудрине собрать всех старых и малых, едва ли сберется такое количество людей. Вот мы по четыре человека в ряд двинулись в поход с палочками на плече. Тут старая и новая команда разведчиков. Не знаю, каких в ней губерний только нет. Тут молодые и старые. Посмотришь на это вооруженное войско, только смешно. Отошли от города версты за 2 от шоссе и стали рассыпаться в цепь. Если разойдешься на 2 сажени друг от друга, то захватываешь порядочное пространство около квадратной версты в окружности. Концы людей соединяются в середине поля, лесочка. Заяц увидит издали людей, бежит от них, но опять на людей и в кругу окажется штук 10. Здесь поля все заросли тернием (саблейское выражение), и где был дворец, то тут поселились филины. По полосам везде окопы и провололочные заграждения, в них очень удобно жить мышам и зайцам. Когда цепь сомкнется кольцом, то зайцы начинают бросаться с фронта на фронт. Как к цепи подбежит шагов на 10, то в него со всех сторон палки летят, кто мимо, а кто и попадет. Он косенький побежит от них, но там его опять ожидает то же самое или его забросают совсем или окружают вплотную, что деваться некуда. Хватают его полуживого за задние лапы и добивают. Все-таки люди бросаются то за одним, то за другим и получается разрыв и в эти разрывы из круга выбегают они косые, но, в общем, после каждой такой облавы прибывает 3,4,5 или 6 зайцев. Походили до 10ти часов и прибыли 25 зайцев, 3х куропаток и потом уже пошли домой и зашли по другую сторону дороги. Тут окружили зайцев 6, и попала одна лисица. Она хитрая, ее некоторые заметили, бросали палками, но она от них убежала: кольцо было редкое, и она бежала вокурат туда, где стоял я. Я держал две палки. Как она подбежит близко, в нее полетят палки, и я в свою очередь пустил одну в ход и метко попал, но она от удара перевернулась и опять побежала. Ее окружили маленьким кольцом и посыпались в нее палки со всех сторон. Наконец, после удара ей приступили хвост и били по морде палкой. Потом переступили передние лапы и тут ее привязали на ремень и с

криком ура побежали на дорогу. Пошли в казарму. 30 сентября тоже ходила старая команда и убила 15 зайцев. Завтра в воскресенье тоже, наверное, пойдем. Это вроде игры. Немного подальше здесь есть дикие олени. Еще сообщаю вам, что однажды ходил на вокзал и видел Алешку Николаева Мочаловского. Погода здесь пока теплая, небо постоянно почти чистое и холода еще нет. Придя с охоты, я увидел на столе в коридоре письма. Вхожу в комнату и вижу у одного в руке желтое письмо. Я обрадовался. Если бы мне в одной руке подавали письмо, в другой 1 рубль денег, то я бы взял письмо. Только лишь я прочитал первую страницу, закричали: «Раздатчик иди получать хлеб». Я конечно письмо дочитал за обедом на чердаке, где мы помещаемся. В прошлое воскресенье ходил к обедне, где польская церковь переделана под русскую. Я себя чувствую хорошо, потому, что во мне крепнут силы и смелость, развивается знание, и на все происходящее я начинаю смотреть не одним еле открытым глазом, а обоими, устремленным в настоящее и будущее, и мозги мои быстрее работают. А жду после грозы (войны) хорошей погоды, но гроза очень сильная и идет, и еще продлится долго и сильно. Но все-таки она рано или поздно кончится. Может быть, от этой грозы придется погибнуть, не дождавшись ее конца, а может быть, придется дожить до конца и видеть свет солнца после грозы. Но что будет, то пусть будет. Исчезнет дикое тиранство и цепи с пахаря спадут, а ты, изнеженное барство возьмешься нехотя за труд. Прошу передать крестному для прочтения письмо, но крестного прошу потом возвратить моим родителям и вас, родные мои, прошу письмо беречь до меня или до конца моей жизни. Еще передайте от меня поклон всем девушкам и молодцам. Уже, наверно, некоторые готовятся на службу. Свободное время сейчас употребляю на раздатничество. До свидания. Адрес пишите, как писали на письме 21 сентября 1916 г. Известный ваш сын Н. Г. Шалагин

(Письма перечитал и пережил все вновь 11 февраля 1957 г. через 41 год. Я уже седой дед 60 лет, имею 4 внуков.)

№ 117. *От 5 октября 1916 г. Моей маме.*

Здравствуй, многоуважаемые мною родители. Здравствуй, братья и сестры. Шлю вам свое почтение и с любовью низкий поклон. Я жив и здоров, того и вам желаю. Я от вас получил письмо, которое мне много принесло облегчения, потому что я не получал писем ваших около 3 месяцев. Опишите, какое настроение в народе насчет войны, что слышно из газет. Здесь бывает слышны выстрелы.

тяжелых орудий, но не слышно, что и как идут успехи. Сообщаю, что мы уже 3 раза ходили за зайцами с палками. Один раз набили 25, второй 34 в это воскресенье и во вторник 4 октября. Я сидел и читал книжку. Сегодня ночью шел дождь, и чуть холоденько было, но днем чистое небо и греет солнце. Поверьте, что я скажу. Здесь у реки берега ни менее, как 150 сажен в вышину и прямые как стена. Тут же очень высокий железнодорожный мост, но он попорчен, одним словом, точно сорван гигантской рукой. После ужина до проверки проведение свободного времени. Кто-нибудь рассказывает сказку или похождения из своей жизни. Так идет день за днем, вечер за вечером и вот уже скоро месяц здесь, но, кажется, очень быстро прошел. Так бы прожить всю службу, то можно бы благодарить Бога. Вот уже 5ый месяц пошел, как я с вами расстался. Хотя эта разлука не в первый раз, но все-таки, когда я жил в Петрограде, то я себя чувствовал свободно и знал то, что когда вздумаю, тогда и поеду домой. Теперь этого и думать нельзя. Прошу передайте поклон всем родным и знакомым. Крестному, дядям и тетям, девушкам и деткам. Затем вам пожелаю всего хорошего, а я остаюсь, жив и здоров, того и вам желаю. Я лежу, вспоминаю про волю, про бывлые прошедшие дни. Про родных, про друзей, про гулянья и про смерть, что стоит впереди. Николай Григорьевич Шалагин.

№ 118. *От 11 октября 1916 года. Сергееву Елеферию Григорьевичу.*

№ 119. *От 12 октября 1916 года. Мое домой.*

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители папаша и мамаша. Шлю я вам сыновье почтение и с любовью низкий поклон. Уведомляю Вас, что я по милости Бога жив и здоров, того и вам желаю. Как же шлю низкий поклон моим милым братьям и сестрам. Я уже здесь 2ой месяц (прибыл 10 сентября). Но все еще команда не вся собралась, а только человек 107. Старая команда скоро на позицию пойдет, а нас примутся обучать. Мы четыре дня ходили на работу копать картошку, а по-австрийски — «барабулю». Погода очень плохая пошла, и мы ушли в казарму, но если перестанет дождь, то опять пойдем. Уведомляю Вас, что жить мне покуда хорошо. Вы писали, что у Вас нет сахара, а я сахаром сыт. Уведомляю Вас, что я от Вас получил три письма разом и 3 коп. денег, за что Вас много благодарю и прошу Вас вперед не забывать меня письмами. Прошу

передайте поклон всем родным и знакомым, всем нашим деревенским ребятам и барышням, авось когда-нибудь увидимся. Покуда жив, то не забуду родного дома и своей родины. Хотя бы и здесь могла устроиться жизнь при хороших обстоятельствах, но и то захочется повидаться со своими родными.

Родимый мой братяша Вася! Вы просили военной песни, но я мало знаю, все поют такие, как «бородино» и тому подобные, но все-таки напишу одну:

Дружно, ребята, в поход собирайся!
Бери сухари и белье для себя,
Дружно и смело пойдем за свободу,
И жизнь свою положим за родину не зря.
Начальники наши бывали в бою,
И нас обучали идти на войну
Вспомните, братцы, как полк наш сражался,
Под городом Варшава в немецку войну
Били мы немцев и отняли знамя,
На честь и славу родному полку
Браво России, браво и армии,
Браво в походе, браво на войне.
Рвет и грохочет мортира вдали,
Снаряд оглушительно рвется,
И братья на землю костями легли,
И стон над полями несется.
Чудовища мчатся один за другим,
Людей словно мусор сметает,
Смерть косит и косит людей без числа,
Земля, словно сделалась адом
Небеса, точно в гневе, горят до красна,
И летит снаряд за снарядом,
Настала последняя наша пора,
Сдаваться мы в плен, не желаем,
А враг не жалеет снарядов для нас,
Ружейных пуль он не жалеет,
Вперед же, товарищи, дружно ура!
За родину мы погибаем.
Пусть скажет весь свет,
Что мы честно легли,
За славу и силу
Мы — русской Земли!

Вы опишите что-нибудь про наших деревенских, мне это интересно. Затем до свидания. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. Уважаемый Ваш сын и брат.
Николай Григорьевич Шалагин.

№ 120. От 23 октября 1916 года. Мое брату Васе.

Здравствуй, многоуважаемый мой брат Вася. Шлю тебе братское почтение и с любовью низкий поклон. Также прошу передать низкий поклон моим родным и знакомым. Я жив и здоров, того и вам желаю. Я сегодня только пришел из деревни, 6 дней мы копали картошку в деревне Звинячки. Там мы жили по квартирам у австрийцев. Много интересного происходило, но не могу я тебе описать. Мне жилось там «ничего». Я взводный раздатчик и на работу не ходил. Утром встанешь, попьешь чаю и сидишь в халупе. В ней все время находится молодая барышня австрийка, она хорошо ученая и даже сейчас учится. Она что-нибудь расскажет, я ей песню русскую сплещу, и даже вместе затягиваем. Или же что-нибудь начнешь ей рассказывать, потом попадет слово, которое она не поймет, ей разъясняешь. В первом часу иду к кухне, получу там сахар, хлеб, разложу по десяткам. Потом пообедаем и опять в 3-м часу на квартиру. Старик и старушка давали молока и груш. Картошку мы там выкопали десятин 6 за сахар. В воскресенье тоже работали, но я ходил в церковь. Служба по-нашему, только наречье плохое. Но уже стал понимать. Вам скажу, что уже знаю по-австрийски. Они такие, как и мы, обречены горем. Они уже перетерпели много: 9 месяцев жили под градом пуль и их место много раз переходили из рук в руки. До свидания. Письмо я твое и Шурки получил вчера и в нем 5 коп., оно шло 8 дней, очень скоро. Одно я получил на 21 день.

№ 121. От 23 октября 1916 года. Сестры Шуры.

Здравствуй, брат Коля. Шлю тебе привет и низкий поклон. Желаю Вам быть здоровым, ждем тебя домой. Писать красиво не умею, письмо украсить не могу и на письмо ответ прошу. Извини, что очень плохо написала. До свидания, твоя сестра Шура.

№ 122. От 30 октября 1916 года. Мое домой.

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители, папаша и мамаша. Здравствуйте, милые братья и сестры. Шлю вам нижайшее

почтение и с любовью низкий поклон. Сообщаю, что я жив и здоров и вам того желаю от всего своего сердца. Сегодня воскресенье и мы по обычаю христианскому сходили в церковь, помолились Богу, кто сколько желает. Церковь под открытым небом — часовенка, а народ в центре города, где у австрийцев был раньше фонтан. Вокруг полуразрушенные здания, вблизи базар, где толкуются жители австрийцы, пришедшие из деревень кое-что продать, также и купить. В обед я получил от Вас письмо, которое писано 6 октября 1916 года. Оно шло 24 дня. Вы пишете, сестричка, что это шестое письмо, я шесть и получал. Благодарю вас за письма, хотя они и долго идут, но мне много приносят радости. Когда здесь придет почта, то все, как один, желают получить письмо. А кто получит, тот не скрывает радости. Мое письмо вы получили в Михайлов день, но ответ ко мне придет, судя по этому письму, уже под рождество. Я здесь уже прожил 2 месяца и ничего не видел плохого, и даже вперед не вижу и не слышу, что когда-то будет плохо. На позиции разведчик идет вперед, но по нему из артиллерии не стреляют. Во время боя он не вступает в бой, но уходит на фланги, а когда противник близко, то и разведчик не пойдет, так что и вперед прошу не беспокоиться за меня. Молитесь Господу Богу о своем и моем здоровье. За два месяца могли бы меня, и убить, но я еще проживу здесь два, а может и больше, а там порой кончится война. Затем до свидания. Шалагин.

№ 123. От 31 октября 1916 года. Моей домохозяйке.

Здравствуй, многоуважаемая сестра Толя. Благодарю тебя за твои письма. Шлю тебе и всем моим братьям и сестрам нижайшее почтение и низкий поклон. Низко кланяюсь моим милым родителям и прошу у Вас заочного родительского благословения и заочно всех вас целую. Я жив и здоров. Уведомляю вас, что я вчера 30 и сегодня 31 октября 1916 года получил по письму. Вы меня спрашиваете, не нуждаюсь ли я в чем? За это вас покорнейше благодарю и скажу вам то, что покуда я ни в чем не видел нужды, но деньги хоть у меня есть, но уже поиздержались. Есть 4 рубля. Здесь, если есть деньги, то хорошо. Я привык жить скромно, но если вы пожелаете, то пришлите, сколько вам вздумается, они придут позже, чем через месяц. Как раз уже я буду готовиться на позицию, и тогда мне очень будет в раз. Пошлете и не сомневайтесь, что они пропадут. Только напишите правильно адрес. Из вещей ни в чем не нуждаюсь, здесь все есть, что нужно. Дали теплое белье и портянки. Здесь еще тепло.

мерзнуть и не думает. На занятия ходим в одних гимнастерках. Здесь еще все сеют. В такую погоду бывают слышны хорошо оружейные и пушечные выстрелы, точно отдаленный гром. Вчера было воскресенье, ходили в церковь, потому ученья не было, а под вечер вышли с винтовками и ходили под музыку вперед, назад. Потом прошли городом партией, строем, обращая на себя внимание посторонней публики. Нас было около 1000 человек, шли в ногу по 4 человека в ряд, значит 250 рядов. Здесь тоже греет солнце и еще теплей, но все-таки скажу то, что дома хотя и холодно, но мило. До свидания.

№ 124. От 3 ноября 1916 год. От Поли Васильевой.

№ 125. От 4 ноября 1916 года. Мое родным.

В дни уныния, в часы раздумья своего. В свои дрожащие я руки беру бумагу и перо. Хочу сказать вам на бумаге, как я живу в чужой стране. Когда я сплю, во сне я вижу родимый дом во всей красе. Играю будто я на мандолине, сидя беспечно на крыльце. Во сне живу я прежней жизнью, проснувшись, изменяюсь в лице. Там мандолина, здесь винтовка. Там дом родной и так легко. Здесь служба царская, плутовка, меня загнала далеко. В далекий край в чужое царство, смотреть в глаза своим врагам. Быть каждый час на шаг от смерти и слышать адский шум и гам. Разрыв снарядов, взрыв фугасов, как пулемет косит людей. Потом их в ямы зарывают вдали от родины своей. А дома ждут жена, детишки, вот скоро тятенька наш придет. А он уже в загробной жизни, беспечно, без нужды живет. Его тело черви точат, и весь он превратился в прах. Жена услышит про смерть мужа и скажет горестное: «Ах!». Что случилось? Как жить будем? О, Боже, взмилуйся над ним. Но что же делать, не воротись, судьба такая видно нам... на то мы посланы на землю, чтобы безропотно прожить. Терпеть нужду и угнетенья и тем спасенья заслужить. Но терпенья стало мало, взамен явилось в жизни зло. Теперь сильный давит слабых. Ему жилось бы хорошо. И через это кровь рекою течет уж третий год подряд. И чем все кончится — не знаю. И не могу я вам сказать. Но знаю точно, что будет много людей несчастных и калек. Сирот детей и вдовых женщин, оставшихся рано без мужей. Но будет много и богатых, разбогатевших от войны. Купцов безбожных, идиотов, отнявших хлеб у сироты. Но поделом им всем воздастся, кто что заслужит, то возьмет. Ну, доволь-

но: заболтался, унять то некому меня. Уже четыре часа ночи и спят все около меня. Я извиняюсь перед вами, что может, лишка написал. Писать мне было вольна-воля, и мне никто не подсказал: что это лишнее пустое, а это лучше не пиши. До свидания.

№ 126. 5 ноября 1916 г. Мое родным.

Здравствуйте, милые родители, братья и сестры. Шлю вам по низкому поклону и желаю вам всем всего хорошего. Я сегодня по очереди ночью назначен дневалить, и было очень скучно, и я решил вам написать письмо. Я живу хорошо, нас уже теперь обучают. Набрали полную роту, и еще будут набирать. Нам объясняют взрывчатые вещества, бомбы, гранаты. Ходим на занятия по деревням, делая верст по 20 до обеда. Здесь выпало снега в бродок, но он тает. Прошу передайте поклон крестному, крестной и всем дядям и тетям. До свидания. С проходящим праздником. Пишите про праздник и про все. Н. Г. Шалагин.

№ 127. От 9 ноября 1916 года. Мое домой.

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители, шлю вам сыновье почтение и с любовью низкий поклон. Также шлю поклон моим милым братьям и сестрам и желаю вам всего наилучшего в мире. Я пока жив и здоров, того и вам желаю. Сегодня 2ой день праздника Михайлова дня. Я праздную только лишь думой. Припоминаю, что бывало раньше и предполагаю, что нонче у нас в праздник в деревне. После обеда нас повели в лазарет делать уколы под левую лопатку. На улице здесь грязно, снег, который был, стоял. Я вчера для праздника купил на 20 коп. булок, а больше и купить нечего. Французская булка, которая раньше стоила 3 коп., здесь 20 коп. и я уже забыл, как их покупать, но нам каждый день дают полфунта ситного. Эх, побыл бы я сегодня дома хотя до вечера, часов до 9, то не знаю, чего бы я ни пожалел. Пишите, как ваше здоровье, какая погода и общее течение жизни в деревне Непотягово. Прошу брата Васю писать про гулянья ребят и об их поведении и настроении. Что слышно из газет, здесь газет иметь нет возможности, и, что делается, неизвестно, живешь как отшельник. Хоть здесь народу много, но все так же обречены судьбою, как и я. Делают, что заставят, едят, что поставят. И вот я уже здесь Зий месяц. Но думаю все лучше передовой позиции, хотя бывают, слышны глубокие раскаты военного грома, но не так страшны. Во-вторых, больше станет знаний, а через это не так страшна война.

потому что тебя знакомят со всеми теми чудовищными орудиями убийства и начинаешь смотреть на них как на что-то страшное, но как на дело рук человека. Например, пулемет. В разобранном виде кусочки выточенного железа, и он мне уже кажется не так страшен, а также и все остальное оружие смерти. Важно, в чьих руках, кто и куда их направляет. Прошу передать поклон всем знакомым и родным. До свидания. Н.Г.Шалагин

№ 128. *От 10 ноября 1916 года. От Поли Васильевой.*

№ 129. *От 15 ноября 1916 года. От Поли Васильевой.*

№ 130. *От 16 ноября 1916 года. От меня папаше.*

Здравствуй, многоуважаемый мною родитель. Благодарю Вас за посланное Вами письмо, которое Вы послали 6 ноября, а получил 16 ноября 1916 года. Шлю я вам, милый родитель, сыновье почтение и с любовью низкий поклон. Уведомляю вас в том, что я, по милости Бога, пока жив и здоров. Судьба меня хотя забросила далеко и не в очень хорошее положение, но я не чувствую в своем еще юном сердце ни капли ропота. Чувствую, что я еще могу перенести не это. Когда в сердце мое веселиться божественная мысль, то я доволен, что на долю моей жизни выпала честь страданий. Придется, может быть, раненым быть и на позицию идти, перетерпеть нужду, холод и голод. Придется, может быть, и убитым. Эти слова мне раньше казались страшными, но теперь они мне не страшны, потому что во мне более и более зреет мысль, что жизнь земная «суета суетствий», и тот только человек счастлив, кто доволен своей судьбой. Вот я и хочу быть счастливым, то есть быть довольным, в каком бы я положении не находился. Сейчас бы я при встрече с вами рад броситься к вам в объятия и целовать без конца. Хотя раньше, когда бывало вы что-нибудь скажете, то иной раз мне не нравилось, и я бывало, вам отвечал, но без этого редко кто проживет, потому что каждый человек бывает искушением дьявола и не может терпеть, но ладит на зло уколоть другого. Прошу вас, тятка, не забывать письмами потому, что вы все-таки больше прожили и находитесь у берега житейского моря, хотя не у самого, но много ближе. Я сейчас попал в самую середину и из-за малейшего колебания могу быть поглощен бушующими волнами. Уведомляю вас, сейчас нас усиленно учат, и делаем почти каждый день походы. Вставши утром, попьем чаю, потом винтовку на

плечо и идем верст за 10 в деревню, делаем маневры, наступая 2 взвода на другие 2 взвода, стреляя холостыми патронами, а к обеду обратно. Ходим ночью по компасу со светящимися стрелками и по карте местности ориентируемся. Шлю по низкому поклону дорогой мамаше, моим братьям и сестрам. Желаю всем доброго здоровья и любви друг к другу потому, что Господь велел любить врагов своих, а единоутробных братьев тем более любить нужно. Также, мои братья, прошу вас, чтите отца и мать свою, потому, что они нас воспитывают, заботятся, чтобы вы на помощь себе и на радость росли родителям. Если мы вырастем и будем не на радость, а на большую заботу, то это нехорошо. Сообщаю, что погода здесь теплая, австрийцы еще па-шут. Сейчас временами идет дождь. Вчера мы ходили на лекцию в офицерское собрание. Прошу, передайте поклон моему восприемному отцу поклон Е.Т. Сергееву и скажите, что я от него жду письма. До свидания, родитель. Я остаюсь жив и здоров. Обожающий вас сын Н. Г. Шалагин.

№ 131. *От 20 ноября. Моей сестре Толе.*

Здравствуй, любезная сестра Толя. Шлю вам братское почтение и с любовью низкий поклон. Я жив и здоров, живу по-старому, только давненько от Вас не получал письма и все жду, хотя я в этот промежуток получил от тяти. Погода здесь все теплая и сухая. Сегодня утром чуть подмерзло. Я вчера сходил в баню. Сегодня 20го сходил в церковь и потом ничего не делал. Сегодня мимо нас проехало много кавалеристов, так что не один полк. Австрийки по дороге идут в город. Городок стал оживленней против того, каким был раньше. Дома исподовальню поправляют. В настоящее время я лежу босый на нарах. На улице поют песни, а в комнате происходит разговор про охоту. Мы ходили на занятия верст за 10. Шли, расставили заставы для охранения, а я остался в отдыхающей группе в деревне. Хожу я около халупы, тут идет австрийка и говорит: «Пан, хлеба хочешь?». Я уже привык по-солдатски не стесняться: «Хочу», — говорю. Она меня послала в халупу, там был австриец, ее муж. Он мне отрезал кукурузного хлеба, которого я раньше и пробовать бы не взял, но тут я съел с аппетитом. Еще два огурца дал в прикуску, я от души поблагодарил их за гостеприимство. Они некоторые к нам очень добродушно относятся, потому что наши братья славяне и австрийцы их угнетали. Они рады, что теперь под нашу власть попали и им теперь не хуже будет. Милая сестричка! Моя молодость проходит на чужой сторонуще. часто бывает жаль, что я не дома, потому что я дома жил хорошо и

имел любовь со стороны посторонних людей. Только стал развивать свой молодой ум, тут, как ястреб, на молодого цыпленка напал на меня рекрутский набор, я уже 6 месяцев, как выбыл из родного дома и не вижу все это время тех знакомых и милых лиц. Бывало, уйдет кто в город, тятя или мама или братья, то ждешь, как маленький. Сейчас я не знаю, когда дождусь, чтобы повидаться. От думы я часто вижу вас во сне. Мы ходили ночью на занятие. Как будто наступаем на противника. Разведываем. И вот взвод пошлут вперед, назначат место, и они по карте и по компасу уйдут туда, а остальные тихо подкрадутся туда же. Потом, когда сблизимся вместе, то пускаем ракеты и тут уже воображается бой, война, как на самом деле, стреляем холостыми патронами, потом разбор: кто хитрей, кто смелей. Еще в моем мозгу представляется движение жизни по всей России, каждый день к нам идут письма. Со всех сторон матушки России. Все кому пишут, делятся по-товарищески, а здесь находятся поляки, татары, евреи и еще кое-какие... Все на одних правах. О, Боже, что творится на святой Руси и когда всему этому будет конец, когда мы от этого тяжелого переживания отдохнем? Не знаю, видно тогда отдохнем, когда не вздохнем. Затем остаюсь, жив и здоров и Вам того желаю. Н. Г. Шалагин.

№132. От 22 ноября 1916 года. Брату Васе.

№ 133. От 22 ноября 1916 год. Моей маме.

Здравствуйте, многоуважаемые мои родители. Шлю Вам нижайшее почтение и с любовью низкий поклон. Также кланяюсь и милым моим братьям и сестрам и шлю братское почтение. Уведомляю Вас, что я покуда по милости Бога жив и здоров, того и Вам желаю. Я праздновал до обеда 21 ноября «Въведения во Храм Пресвятой Богородицы», а с обеда уже было занятие. Занимались с винтовками и словесностью. 22 ноября встали, попили чаю и пошли — полурота, 1 и 2ые взводы верст за 6 в деревню. Подошли к деревне, нас разбили на партии, и каждую партию отдельно разослали по окраинам деревни. Каждая партия отдельно называется застава. Каждая застава высылает от себя дозоры для осмотра впередилежащей местности и полевые караулы, дозоры для связи, в одном из дозоров был и я. Вот таким способом охраняются все части на отдыхе от внезапного нападения противника. Затем до свидания. Ваш сын и брат Н. Г. Шалагин

Здравствуй брат, Вася, мой любезный. Шлю тебе и всем моим родным братское и сыновье почтение и с любовью низкий поклон. Мне интересно ваше письмо, в нем я вычитал, как протекает молодая жизнь в деревне сейчас, когда я лишен этой молодости. Может быть, навсегда. Здесь все равно, что молод, что стар, но разница лишь в том, что пожилой оставил дома и жену и детей, и его сердце не может быть спокойно. Молодой то он все-таки чувствует, что одна голова не бедна, а и бедна так одна. Малая Родина мила, и она точно сильный магнит тянет к себе, манит что-то сулит впереди. Там еще осталось кое-что милое для сердца, которое не может заглушить ничто на свете. Вася, я все еще такой почти и ни в чем не переменялся. Только теперь с еле заметным пушком над губами и растет борода, так что надо брить. Если бы я сейчас пришел домой во всем этом, как здесь хожу, то вы бы сказали, что я уже не похож. Я из дома уехал в пиджаке и в синих брюках с длинными волосами, и кепка на голове. Теперь короткие волосы, военная фуражка с козырьком и кокардой на лбу. Может быть, и на лицо изменился, но мне самому не заметно. Сегодня после обеда нас выстроили и повели на занятия. Пошли мы за Днепр версты за три от казармы и с песнями. Шли, шли дорогой, потом нас остановили, повернули направо и скомандовали: «В гору бегом». Горы здесь крутые, нас партия человек в общем 200. Взлезли на гору, отдохнули, потом походили там взвод и вперед и пошли обратно. Дошли до спуска в овраг, а овраг крутой, высокий, вниз скользкий. Мы с верху такой партией кто как... то встанешь на ноги и едешь точно на леднике. Пришли с прогулки, поужинали, что Господь послал, и пошли смотреть спектакль. Представляли маленькую пьеску в одно действие и 4 человека — офицер и денщик. Артистами были наши товарищи. Вышло, можно сказать, хорошо, потом много шуток говорили, тем и кончилось. 28 ноября утром на занятие — бегом, бегом, минут 7 без остановки, но уже в бег втянулся. Потом будем бегать минут по 15 без отдыха, значит около 3-х верст, но на все есть привычка. Пришлите, если можете перчатки, носки, штук 5 иголок, катушку ниток. 1 декабря 1916 года мы ходили на стрельбу. Я из 8 пуль попал 7: 5 в цель и 2 в щит. Из взвода я лучший. Тут же стреляли из пулемета, но без попадания — учились только как действовать, чтоб производить выстрел. Вместе с нами на стрельбище была маршевая рота. В ней много было вологодских и Нижегородского уезда. До свидания. Остаюсь, жив и здоров, того и желаю. Ваш сын и брат Н.Г.Шалаги.

№ 135. *От 25 ноября 1916 года. Мое домой.*

Здравствуйте, уважаемые мною родители. Здравствуйте, братья и сестры. Шлю Вам свое нижайшее почтение и с любовью низкий поклон. Я по сие время жив и здоров, того и вам желаю. Сегодня мы ходили на парад по случаю праздника георгиевских кавалеров, а здесь с крестами очень много. Эти самые кавалеры из всего полка наплели венков из еловых прутьиков, украсили их цветами и бантами с надписями. Все солдаты, нарядившись по-праздничному, с винтовками собрались на площадь, где стоит полковая церковь. Там с венками встали на перед. Тут же были хоругви и большой крест. Все венки тут не поместились, так большую их часть отправили прямо на братское кладбище, а с остальными фотографировали на фотокарточки. Потом заиграл оркестр заунывным, за сердце хватающим тонким звуком так, что по телу невольно проходил озноб. С площади городом вся процессия — колонна пошла на братское кладбище. Там был отслужен молебен. Не однажды вставали на коленки, но я от службы был далеко потому, что очень много было солдат. Там говорили речи, на счет павших солдат-воинов, но ничего было не слышать. Потом неожиданно в стороне бросили бомбу, при взрыве которой многие от испуга присели, и казалось, что вся земля содрогнулась. Потом вторую, третью, но они сами по себе не страшны потому, что они холостые. Украсив венками все кресты на братских могилах, отслужив молебен, пошли опять строем, рядами в казарму. Ваш сын и брат Н. Г. Шалагин

№ 136. *От 29 ноября 1916 года. Мое Орловой Александре Александровне д. Кудрино.*

№ 137. *От 6 декабря 1916 года. Мое домой.*

Здравствуйте многоуважаемые мною родители, братья и сестры. У нас был инспекторский смотр. Приезжал генерал — лейтенант Жданович. На смотре был выстроен весь полк для опросов, жалоб. 8 декабря ходили на занятие в поле снимать местность. Погода морозная, ясная и со стороны Румынского фронта и от Галича слышны были выстрелы пушек. Милые родители, вы мне послали денег 8 р. Прошу вас больше не беспокоиться. Я проживу здесь, может быть и не долго. В январе может, на позицию поеду. Там из «гостей» домой попаду. То есть человек живет на земле точно в гостях, а дом его где-то там, там ...после смерти. Но я еще дождусь,

когда кончится война, я отслужу и приеду домой, прошу ждать. Затем до свидания. Ваш сын Н. Г. Шалагин. Целую вас всех.

№ 138. От 9 декабря 1916 года. Мое сестре Толе.

Здравствуй любезная сестра Толя. Шлю вам братское почтение и с любовью низкий поклон. Сегодня в обед, придя с занятия, я получил 6 писем. Наконец я прочитал все. И вот у меня это все перемешалось: Тотма, Дмитриевское, Вологда, прошедшая зима, Непотягово и еще много кое-чего. Сестра Толя, мне было уже известно, что вы живете в чулочной мастерской, но не знал, как вы себя чувствуете. Сегодня я получил более подробное известие, но прошу вас пишите еще более подробней. Нам уже перед Рождеством сулят экзамен, а там будем ждать требования на позицию, которая мне уже не страшна, хотя бы придется и умереть. Здесь я уже 3 месяца и передо мною во всей красе последствия: кругом, взрытая земля, разрушены здания и слышны почти каждый день раскаты грома боевого. До свидания любезная сестра толя. Брат Н. Г. Шалагин.

№ 139. От 19 декабря 1916 года. Мое родным.

Здравствуйте многоуважаемые мною родители, шлю вам свое сыновье почтение. Еще низко кланяюсь любезным братьям и сестрам. Я ходил шить несколько дней. У нас состоялся экзамен. Сегодня спрашивали словесность, потом ходили на гимнастику, на бег. Экзамены будут еще 2 дня, а потом будет свобода, но можно ждать требования на позицию. Извиняюсь перед Вами, что я долго не писал. Ходил шить, там был целые дни до проверки. 20го вчера с утра пошли на экзамен в поле и были там до обеда, а, пообедав, отделенный попросил перешить шинель. Я ушел по увольнительной записке и пробыл до проверки, до 9 вечера. Скоро Рождество. Помню я маленьким хлопчиком шел в рождественский сочельник из д. Калестийка в новой шубке. После нескольких недель, в которые я между чужих людей переживал детские невзгоды, и, подходя к своей деревне, я чувствовал избыток радостных чувств. А когда взойдешь в родной дом и видишь встречающих радостных своих братьев и маленькую сестренку Маню, которая еще училась ходить, делая первые шаги также и родителей видишь радостными, то в эти минуты забываешь все пережитое. Помню и рождественский сочельник, когда в холодный морозец возвращался с сундучком за плечами из деревни Анциферки от фабрики г. Сокола. Также вспоминаются и те еще беззабот-

ные детские годы, когда было 8-9 лет, и в избе запоешь «Рождество твое Христе Боже наш» и ждешь скорей, чтоб идти славить из дома в дом, потом гостинцы, гулянье.....а теперь?!!! Военная служба в разлуке со всеми родными и милыми, в какой-то завоеванной разрушенной Галиции, где каждый предмет смотрит призраком мертвеца и самой смерти. Здесь приходится встречать этот торжественный праздник. Но, в общем, на все воля Божья, не так живи, как хочется, а как Бог велит. Прошу вас обо мне не тосковать, но терпеливо ждать радостного свидания, какого вы еще не испытывали ни разу. Поздравляю вас с проходящим Рождеством, а так же и с Новым 1917 годом. Желаю вам нового счастья в этом году. Ждите мира — всего мира. До свидания. Н. Г. Шалагин.

№140. От 21 декабря 1916 года. Мое сестре Толе.

Здравствуй любезная сестра Толя. Экзамены сдали и нам командиром полка дано 3 дня свободы. Теперь ничего не делаем, а потом суббота и тут Рождество. Теперь хоть месяц проживем, все равно занятий не будет. Кланяюсь любезной моей мамаше и шлю ей искреннюю благодарность за ее беспокойство. Я уверен, что она пока жива, то не откажет ни в какой моей просьбе. Толя я в сию минуту порывом любви бросился бы к своей родительнице в объятия и с наслаждением бы целовал ее руки в благодарность за материнское ее обхождение и за уважение ко мне. Милая моя мамаша, прошу вас, не тоскуйте обо мне, но молитесь Богу о даровании здоровья и о благополучном моем возвращении. Я без ропота на свою судьбу буду ждать конца своей службы и радостного свидания со всеми моими родными. Затем до свидания. Шалагин.

№ 141. От 21 декабря 1916 года. Мое брату Васе.

Здравствуй браг Вася, шлю тебе братское почтение. Сегодня я ходил шить до обеда. Потом, придя на обед, пообедал, попил чаю. Вдруг кричат: «Сходите все на низ, требует начальник команды». — Все, конечно, сошли с чердака и построились в коридоре. Идет начальник команды. Там кто-то командует: «Смирно, равнение на лево!» — Все, конечно, повернули головы налево. Начальник поздоровался: «Здорово, молодцы разведчики! Благодарю вас за усердное обучение и старание». Покорнейше благодарим Ваше благородие!» — Опять гаркнули, что стекла в рамах задрывали. «Еще благодарит Вас командир полка за ваше усердие, братцы, и дает

вам три дня отдыха». — «Спасибо! Рады стараться ваше Родь!!!». — «Разойдись!». — Вот из стройного ряда, в котором около 200 человек, образовался точно рой пчел. Каждый вдруг что-нибудь заговорил и задвигался, даже заприскакивали на месте. После обеда стали брать увольнительные записки в деревни до утра. И по ходатайству отделенного командира троих ближних, которым 100–120 верст до дома начальник команды отпустил домой до 21 декабря. Вася, поверь, я спокойно иду на все переживания, и терпеливо буду переносить все тяжести и лишения. Может быть, когда-нибудь всему этому будет и конец. Тогда за все переживания получу вознаграждение. Шлю поклон Коле Серову и прошу писать. Хотя меня и угонят, может, но я получу письма через взводного. Вас извещу в этом случае. Вася, передай привет всем на свете и пиши обо всем, что видишь, слышишь и думаешь. До свидания. Жду ответ с нетерпением. Брат Н. Г. Шалагин.

№ 142. От 22 декабря 1916 года. Мое родным.

Здравствуйте, родные и знакомые. Я жив и здоров по-прежнему. Нам дана свобода на 3 дня и я, чтоб избежать скуки, ходил жить по просьбе в вольную халупу. Командой от скуки ходили на охоту под командой подполковника. Убили 2-х диких коз, зайцев штук 15 и лису. Солдатам за труды дали 21 рубль, им досталось по 15 коп. на молодца. Погода — подмерзло, а снегу нет. Благодарю вас, родные, за посылку, посланную вами, хотя я еще не получил. Пишите, как проводите праздники. Поздравляю вас с 1917 годом. Сочельник 24 декабря пришел в казарму, там все прибрано и украшено гирляндами из еловых прутьев. Глядя на это, испытываю радость и скуку. Дело в том, что я уже отвык считать себя вольным человеком, а привык считаться солдатом. Я Рождество встречаю в теплом помещении, во время получаю горячую пищу. Но мои товарищи, вместе призванные, давно уже в окопах и там под завывание пуль и зимнего ветра встречают этот высокаторжественный праздник. Вечером часу в 10-м дошел я брюки отделенному, получив рубль на чай, разделся и лег, положив гимнастерку и шаровары в голову, а шинелью укутался и сладко-сладко заснул. В Рождество встали, вышли на молитву, пропели «Отче наш», «Воскресение Христово», «Тропарь Рождеству», «Спаси Господи» и пошли пить чай. Чай пили с казенным белым хлебом, дали по 2 S фунта. Погода сегодня подходящая, крепко подмерзло и холодно — градусов 10. до свидания любезные родители, братья и сестры. Жду ответа. Н. Г. Шалагин

№ 143. *От 27 декабря 1916 года. Мое брату Васе.*

Здравствуй, любезный мой брат Вася. Шлю вам братское почтение, а также шлю поклон любезным моим родителям, братьям и сестрам. Рождество я проводил все благополучно, но для меня оно не было так торжественно потому, что день Рождества не имел никакой разницы с прошлыми днями. Мы не занимались, потом ходили на елку, и я получил рождественский подарок — конверт и лист бумаги почтовой. Некоторые получили трубку или пачку папирос, коробку спичек, печатку мыла, нож, зажигалку, баночку под табак. Нас 333 человека и все разыгрывали на билетиках, кому что достанется. Ночью в первый день ходили в деревню гулять по увольнительной записке. На второй день ходил вечером смотреть живые картины и спектакль. Вася до свидания, я остаюсь жив и здоров и вам того желаю. Ваш брат Н. Г. Шалагин.

В этом же письме. Здравствуй любезный мой папаша. Человек 30 с нашей команды ушли в село на молотьбу пшеницы, потом человек 20 ушли до 10-ти часов на работу к мосту, который через реку Днепр. Он очень огромный, высокий и взорван. Его должно быть поправляют. Затем до свидания. Нарисовал рисунок моста с берега на берег и 4 опоры по середине. Подписал: мост через р. Днепр.

И дальше сестре Толе. Здравствуй, любезная сестра Толя. Шлю вам братское почтение и с любовью низкий поклон. Мы сейчас на занятия ходим мало, а назначают на работу и некоторые ушли молотить в деревню, другие ушли к мосту. Завтра, наверно, пойдем окопы копать показные. Прошу Сережку написать письмо, как он сумеет, про свое житье, мне хочется знать, как он живет. Я из нескольких слов узнаю много. До свидания. Ваш брат Н. Г. Шалагин.

Здравствуйте любезная мамаша. Шлю вам поклон и желаю вам доброго здоровья и спокойной жизни. Если здорова, то нужно по возможности трудиться, а если будешь слаба, то нужно беречь свое здоровье. Мама остерегайтесь расстройств о чем-либо. Вы братики и сестрички слушайте родителей, не будьте ленивы, а будьте трудолюбивы: от труда рук своих и от размышления ума своего зависят блага земные. Одно не разумно сказанное слово губит много и наоборот разумное — спасает. Желаю всем здоровья и согласия.

№ 144. *От 1 января 1917 года. Сестре Толе и маме.*

Здравствуй, любезная сестра Толя! Шлю вам братское почтение и с любовью низкий поклон. Я пока жив и здоров и все в благопо-

лучии. Вчера 31 декабря 1916г. я назначен был в караул. Караул — это воинская вооруженная команда, поставленная на пост с винтовой или холодным оружием на боку. Мы охраняли арестованных, подсудимых и осужденных. Я стоял на наружном посту здания, в большой бывшей конюшне, в ней в половине помещается 202 арестованных, а в другой помещается наша вторая рота разведчиков. Глядя на луну, я вслух запевал несколько слов: «Луна в небесах золотая», и слова мои замирали в воздухе, а сам углублялся в думу о далеком прошлом, медленно шагая назад и вперед возле каменной стены, чтобы не простудить ноги. Благодарю Господа, что он сподобил меня в благополучии провести 1916 прожитый год, да не отступится и впредь, будет руководить переходами моей суетной жизни и доведет до конца. Не даст погибнуть в волнах этого бушующего житейского моря, а направит на тихое свое пристанище, где найдут приют и покров страждущие и будут накормлены голодные, одеты нагие и найдут приют бесприютные. Н. Г. Шалагин.

Далее пишу письмо четко по печатному, чтобы могла мама сама прочитать. Здравствуй любезная моя родительница, шлю Вам низкий поклон и заочно целую несчетно раз. Благодарю Вас на посланном гостинце 10 коп. Я мамаша живу хорошо. Вчера был на службе, сегодня за то отдохну. Погода опять грязь. Шлю поклон папаше, братьям и сестрам. Живите мирно, трудитесь дружно, тогда в семье не будет нужды. Мама ждите меня, а будет время, я приеду домой или же раненым или дождусь конца войны. До свидания. Сын уважающий Вас Н.Г. Шалагин.

№ 145. От 2 января 1917 года. От Куликова Александра Ивановича сестре Толе.

№ 146. От 6 января 1917 года. Моей маме.

Здравствуйте многуважаемые мною родители, братья и сестры. Сегодня я пришел из деревни с работы, а ушел 2 января. Там нас работало 30 человек, молотили пшеницу молотилкой с конным приводом, которую двигают 6 лошадей. Мы за 3 дня намолотили 53 мешка. Ночевали кто в пустом панском доме, кто ходил в деревню по вольным халупам. У кого гроши, покупали молока 5 литров за 10 копеек. Вот вчера мы с одним товарищем пошли пить молоко, пришли, спросили. Пан-Австрияк, с длинными волосами на голове, с бритыми, поросшим вновь подбородком, обращаясь к

нам сказал: «Прошу, паны, с нами вечерять». Мы долго отговаривались, убеждали его в том, что мы только сейчас накушались, но все это было напрасно. Сели за стол. Этот крещенский сочельник у них зовется «Святый вечерь». Хата, которая была раньше грязна, теперь чисто убрана. По половицам постланы чистые холстины, стол накрыт холстинной салфеткой, а на столе в подсвечнике стояла целая чистая сальная свеча, которую зажгли при нас. Когда мы уже сидели за столом, старуха посвятила хату святой водой, принесенной в кувшине. Потом стали кушать кутью из распаренной пшеницы с сахарным песком. Взяв несколько ложек, это отставили и поставили другое, потом еще и еще. Пирожки, которые здесь называют голубцы и вареники, потом еще в роде нашей губины, но не похожей на нашу. Оттуда мы пошли на квартиру, где уже ночевали не одну ночь. Здесь нам была свобода. Ночевала здесь и молодежь — дивчины 5 человек. Мы пробаловали вечер и ночь хорошо проспали. В Крещение, когда мы шли к Зеленщикам, то на берегу Днепра готовились к богослужению на Иордани. На противоположном берегу стояли 4 разведчика, имея около себя бомбы, чтобы салютовать. Когда мы шли городом, то слышны были 6 громких взрывов, от которых эхо прокатилось далеко по горам. Придя в казарму, мы до вечера отдыхали. Меня артист пригласил в помощь им выступить в роли парикмахера. Я конечно с радостью принял и по получении пьесы со старанием стал разучивать. 7 января утром пошли на занятие, на работу, а артисты остались репетировать. Роль у меня была не очень большая, хотя и не очень простая. Стал исполнять подходяще. Завтра 8 января в воскресенье выступаем на сцене в офицерском собрании в присутствии господ офицеров, а может быть перед солдатами, какой-либо роты или команды. На счет отправки на позицию ничего еще не известно. Разведчик должен ничего не бояться. Под обстрелом неприятельских пуль должен к ним поближе пробираться, чтобы все узнать и разведать, чтоб на них врасплох напасть, их всех убить, перерезать. Должен занять их окопы, гнать их вон из Европы, чтобы их у нас и дух не пах, уносил бы их к себе Аллах. Нам и без них хорошо жилось, а теперь с ними воевать пришлось. Но мы духом не падем, их всех прогоним, перебьем. Дождемся побежденного мира и будем жить по-старому. Не будем мы никого бояться, будем жить, трудиться и наслаждаться. Дома снова работой займемся. Вместо убитых новые люди народиться, в этом в России нечего сомневаться. Я пока жив, здоров и вам того желаю. Ваш сын и брат Н. Г. Шалагин.

№ 147. *От 9 января 1917 года. Поли Васильевой.*

№ 148. *От 18 января 1917 года. Моей маме.*

Здравствуй мой любезный родитель! Шлю Вам сыновье почтение и с любовью низкий поклон. Благодарю Вас за Ваши письма. (У) Ваших писем, когда читаю первый раз, то к глазам подступают слезы, но нет, я их наружу не должен пускать: я мужчина, считаюсь уже взрослый, должен быть мужественным. Мне скоро уже 20 лет, я причисляюсь сейчас к числу развитых людей, храбрых и хитрых. Вчера с нами беседовал священник и начал с таких слов: «Будьте дружны, как голуби, хитры как змий. Так сказал Христос, отпуская своих учеников на проповедь. Так и я, вас отпуская, должен сказать несколько слов и т.д.». Уже приходит время побывать на позиции. Прошу не сокрушаться об этом, я еще жив, здоров, сила во мне только возрастает, и я могу переносить многое, если еще придется. Теперешние наши взводные, отделенные, фельдфебеля когда-то обучались в команде, потом ушли на позицию, там прошли по узким и тернистым путям, многие были ранены, даже убиты. Теперь живые, они в награду за труды и терпение имеют, кто 2, кто 3 Георгиевские креста. Я знаю, как отцовское, так и материнское сердце страдают о сыне, который рожден от совместной крови и плоти их, они должны и не могут забыть, пока не перестанет биться сердце в груди и не застынет кровь в жилах. Так оно и выходит. Я за тысячи верст вижу из одной написанной строки любовь и сожаленье моих родителей, братьев, сестер, родных и даже знакомых. Все пишут с пылом любви, и сам я чувствую сильную любовь ко всему родному. В порывах чувств я мысленно рад бы всех обнять, целовать и даже от радости заплакать. Терпеливо жду конца войны и думаю, что дождусь. Мне крестный написал: «Как клубочку не виться, а кончику быть». Советую в жизни не копить золота, серебра, а учиться труду и мудрости. Это будет лучше, да еще оберегать свое здоровье нужно. Деньги, конечно, нужно иметь, нужно стремиться наживать, но честным трудом и только на пользу себе и другим на помощь. Ваш сын Шалагин.

№ 149. *От 19 января 1917 года. Моей сестре Толе.*

Здравствуй любезная моя сестра Толя. Я от всего сердца рад Вашим успехам, впредь желаю всего наилучшего. Я живу по-прежнему, нового пока ничего нет. Мороз доходит сейчас градусов до 10. Я, щеголяю в фуражке и сапогах, в общем, здесь морозов и не бывает.

как у нас. Посмотрел бы я теперь на нашу семейную и деревенскую жизнь, наверно, многое бы интересовало. Хотел бы я знать про жизнь некоторых лиц, про которых Вы мне не напишете сами. До свидания.

№ 150. От 19 января 1917 года. Брату Васе.

Здравствуй мой любезный брат Вася. Представь себе, уже 8 месяцев, как я попал в струю шумной и бурной жизни. С тех пор, как я расстался с Вами на вокзале. Сам я себя вижу так, как будто льдина в водополицу в нашем Шограше. Попадаю туда, где вода вертится на одном месте. Так и я не знаю, когда выйду из этого водоворота. Вася, советую Вам, берегите свое здоровье, не тратьте зря, лучше тогда будет. Посмотрите и вы белого свету, в нем много интересного. А сейчас живите дома, повинуйтесь родителям. Когда Вы будете отрезаны от родной семьи и не будете любимы заглазно, то очень будет тяжело. И наоборот, находясь хоть в трудном положении, но получишь от родных письмо хорошего содержания, то это все равно, что пища телесная. Но эта пища для души. Затем Вася до свидания. Остаюсь, жив, здоров и Вам того желаю. Кланяюсь родным и знакомым. Твоим товарищам Коле Серову, Васе Ивановичу Шалагину. Письмо Васи Ивановича Шалагина я не получал. Пиши ответ. Н. Шалагин.

№ 151. От 23 января 1917 года. Мое домой.

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители. Шлю Вам свое сыновье почтение. Сегодня с нашей команды 50 человек ушли на работу к мосту, за это обещались платить по 10 р. 20 коп. Сейчас живем мы весело. Мы на второй взвод купили гармонь за 18 р. И сейчас по вечерам пляска, танцы, песни, хоть все на свете забудешь на время. Иногда от этого веселья даже скучно становится, чего-то хочется, но не знаешь чего. В голову лезет все прошлое и представляется будущее.

Пишу вам стишок собственного сочинения:

Пройдут молодые годочки
В далекой чужой стране.
Быть может, совсем не вернусь я
К родимым полям и семье.
Расстался с родною семьею
Совсем еще в юных годах,
Теперь восьмой уже месяц
Я в разных живу городах.

Учусь я военным искусствам,
Готовлюсь идти скоро в бой,
Не знаю, родные, вернусь ли
Живым и здоровым домой
Быть может, с своей головою
Расстанусь я в жарком бою,
И кости свои молодые
Положу в далеком краю.
Пожертвую кровью своею
За землю родную, за Русь.
Я жизни своей не жалею
И смерти бойца не страшусь
Мамаша моя дорогая
Узнает о смерти сына,
И горько она зарыдает,
Лишившись так рано меня.
Но может все стать иначе
Немного лишь ранят меня,
Положат лечить в лазарете,
Поправлюсь потом скоро я.
Потом на побывку отпустят,
Прибуду в родительский дом.
Порадуюсь с Вами я вместе,
Пойдет все своим чередом,
Что пережил я, все забуду,
Привыкну по старому жить.
Возьмусь за труд прерванный смело
И буду спокойно я жить,
А там, может быть, приглянется
Девчонка славна собой,
Она, может быть, согласится
До смерти одной жить семьей
Тогда потечет жизнь спокойно
Без горя, нужды и невзгод.
Эх! Здорово я раз мечтался
Едва ли все это придет.
На службе восьмой только месяц
Еще сколько нужно служить?
Теперь ведь война и через это
Едва ли придется прожить.

Вообще благодарю вас папаша за Ваше письмо, хотя в нем не много написано, но мне мил твой только привет один. Спасибо, что не забываете своего сына. Может быть, еще увидимся. Здесь можно достать газету и даже журнал, но газета — 15 коп., а журнал — 35 коп. Это составляет полумесячное жалование. До свидания, остаюсь жив и здоров и Вам того желаю. Любящий своих родителей ваш сын Н. Г. Шалагин.

№ 152. От 25 января 1917 года. Брату Сереже.

Здравствуй любезный брат Сережа! Шлю тебе братское почтение и свой низкий поклон. Низко кланяюсь братьям, сестрам. Мне дороги ваши письма. Мне хочется знать про всех и не только про братьев, но про всех наших деревенских. Я живу хорошо, только гулять не отпускают, как гуляют наши рекрута, и ходить здесь некуда. Здесь и посиделок нет. Придешь в избу по-нашему, а по-здешнему в халупу, а там, как у нас в подвале, земляной пол. Тут бегают поросята. Где девушки есть, они не похожи на наших. Ходят в холстинных своей работы рубашках, в шубе на плечах. Говорят они «ни что» и «на что», а «шо», «на шо». Вот, брат и нужно жить, да не тужить. У нас есть гармошка и хорошая. Мы по вечерам пляшем, да танцуем, еще песни поем, но не до 3 ч. утра, а до 9 вечера, а потом спать. Сережа до свидания, твой старший брат Н. Г. Шалагин.

№ 153. От 26 января 1917 года. Сестре Толе.

Здравствуй любезная сестра Толя. Живу я пока хорошо, а о будущем отвык уже заботиться. Погода здесь холодноватая и переметает снег. 24 января днем я ходил на работу к мосту, а там весело, а работали по-солдатски — сколько поработается. Время пришло, то пошли в казарму, а там под гармошку пляски, танцы. Вчера и сегодня целый день в казарме сказываем сказки, на работу назначаются другие. Обедать ходим на чердак, там поставлены столы и скамейки, где поместится человек 300 за 1 раз. На обед, пропев молитву, идем вверх по лестнице, точно в торговый день. Желаю Вам всего наилучшего и исполнения всяких Ваших хороших желаний. Я буду терпеливо переносить, что встретиться на моей тесной назначенной для прохождения дороге. Буду идти до конца, если не споткнусь и не упаду во время прохождения по ней. А может быть, все пройдет благополучно, и я вернусь домой. Тогда я буду радоваться

без конца. Полученные письма храню покуда, но придется расстаться, наверно. Кроме писем я еще учился писать по-польски.

№ 154. От 29 января 1917 г. Мое брату Васе.

Здравствуй любезный брат Вася. Вы пишете, что гуляете хорошо, так и гуляйте, но только, Вася, слушайтесь родителей и не увлекайтесь очень гулянками. Остерегайтесь вступать в драку. Это в нашем краю какая-то дикая привычка. Несколько дней почти ничего не делаем, сидим во взводе на словесности, а то сказки рассказываем, а вечерами разбалуемся. Я уже прослужил 8 месяцев, время идет быстро. Вчера партией мы ломали каменную стену в разрушенной халупы. Дали ломы и принялись работать, а австрийцы отвозили. Погода до обеда была холодная, потом от солнца таяло уже немного. Около нас было много девчат-австриек. Они дорогу от снега очищали. После собрались в разрушенной халупе и подобно нашим девицам, начали плясать по-своему. Они были не плохо одеты. Сверху овчинный кожух, как наши мужские поддевки, но накрытые сукном. На ногах сапоги, голенища закрывает из толстой холстины подол рубашки. Вчера на чердаке одной пустой халупы нашел стишки на малороссийском языке и вот от скуки займись чтением. На улице теплая погода и тает снег. До свидания. Ваш брат Н. Г. Шалагин.

№ 155. От 29 января 1917 года. Мое брату Гриня.

Здравствуй, мой милый брат Гриня. На твое маленькое письмо пишу тебе ответ. Спасибо тебе, Гринюша, что не забываешь своего брата. Живу я хорошо, но охота Гриня домой увидеть вас. Гриня, когда я уходил в последний раз из дома, вы спали на дворе на соломе. Я пришел с Вами проститься, хотел разбудить, но пожалел. Подумал, пускай пока возможно, так живут беспечно, по-детски и не знают горя. Подумав о себе, решил, что вот моя беззаботная юность миновала, и я должен куда-то идти в неволю и вот, Гриня, я Вас крепко поцеловал с наполненными от слез глазами, посмотрел еще раз на вас, беззаботно спящих, и быстро ушел из родительского дома. Ушел я неизвестно надолго ли, может быть навсегда. Гриня, живи, учись, слушай тятю и маму. Я любил учиться раньше и теперь. Когда сказали: «Кто желает в разведчики учиться?», — то многие говорят: «Все равно и ученого пуля потом найдет». Мне ученье не казалось страшным, и я остался. Вот уже скоро 5 месяцев живу здесь.

жив и здоров, ни разу еще не сидел голодом, хотя скоро и на позицию пойду, то больше теперь знаю, чем раньше. Ученым между неучеными все равно, что кто имеет глаза между слепыми. И которому из них тут лучше? Так вот, Гриня, учись в школе прилежно, и когда уже кончишь, то не бросай читать и писать, а потом учись и ремеслам, какое тебе понравится. Это все пригодится. Когда получишь мое письмо, то пиши ответ. До свидания, Гриня, целую тебя и всех много раз. Твой брат Коля.

№ 156. От 5 февраля 1917 года. Родителям.

Здравствуйте, многоуважаемые мною родители! Шлю Вам сыновье почтение и с любовью низкий поклон. Я живу хорошо и Вам того желаю. Посылку Вашу я получил 1 февраля 1917 года, за которую сердечно благодарю. Здесь по утрам бывают утренники холодные, а днем от солнца тает снег. Наша команда ходит, когда на занятие, когда на работу. Я ходил работать к мосту 3 дня, и за это выдадут деньги. Вчера получил месячное жалование.

Здравствуй брат Сережа. Любезный мой брат благодарю тебя, что не забываешь меня, я очень рад, когда получу твое письмо или от кого-нибудь. Сережа я уже 9 месяцев, как из дома. Пока жив и здоров. Сегодня воскресенье, до обеда ходили и после обеда, наверно, пойдем из окопов снег выкидывать. Про позицию еще не известно ничего, что будет, то после 20 февраля. Сережа, до свидания. Твой брат Николай Шалагин.

№ 157. От 8 февраля 1917 года. Мое сестре Толя.

Здравствуй любезная сестра Толя. Шлю Вам братское почтение. Я живу по-старому, хорошо, а что ожидает, впереди не знаю. Я привык считать себя солдатом счастливым, а посмотришь с точки вольной молодецкой жизни, то плакать бы пришлось и хвалить погоду. На моем бы месте жить пожилых лет мужичку, который не имеет родной семьи, у которых мать, отец померли, а жены и детей не имеет. Мне через два дня будет 20 годов, я себя чувствую молодым, сильным и мне хочется трудиться и наслаждаться жизнью. До вчерашнего 6 февраля, я сидел в казарме потому, что у меня сапоги чинили. Вчера работал на кухне, а сегодня нас 6 человек ходили копать яму под фугас. Фугас — это подкапывается яма подо что угодно, туда закладывают взрывчатое вещество: порох, перекселин и при помощи капсулы — гремучей ртути взрывается. В яму прово-

дятся провода, и отводятся в укрытое место сажен за 100, а то и дальше. В аппарате надо повернуть ручку и по проводу сию же секунду получится взрыв. Смотреть взрыв построили роту в стороне, фотограф направил аппарат, чтобы снять момент взрыва. Один по-луоборот ручки аппарата достаточно и та ямка (аршина 2 глубины и в аршин ширины), над которой мы старались 6 человек целый уповод, в одно мгновение ока превратилась в огромную кругообразную яму около сажен глубины. Вокруг нее лежали большие глыбы мерзлой земли тяжестью каждая в несколько пудов. Глыбы в несколько фунтов подбросило высоко в воздух, и они точно каменная туча падали вокруг этого места сажен на 100, но дело разведчика куда больше... Раздался взрыв такой, что где порошу засыпали сотни пудов, взорвали целую гору, на которой были окопы австрийцев, и они улетели, то есть австрийцы «прямо на небо». Это все дело рук человека изучившего науку. За Ваши деньги, посланные вами 10 коп., дадут булочку, а если не купить так, пожалуй, и сыт не будешь. До свидания, буду ждать от Вас ответа.

№ 158. От 9 февраля 1917 года. От Поли Васильевой.

№ 159. От 11 февраля. Моего папаша.

Милому и дорогому моему сыну Н. Григорьевичу. Посылаю заочное родительское благословение, которое может существовать по гроб жизни твоей. Заработок сейчас у нас хороший. Васютка заработал сто руб., перевез 5 сажен дров из Костино. Я работал у Н. Кучерова 16 S дней по 4 р. 50 коп. Осталось чистыми рублем 40. содержание дорогое. Мясо 55 коп., ситный 22 коп., табак 1 р. 50 коп. за фунт, за квартиру 1 р. 25 коп. в неделю. На квартире в Хорхорине у Павла Панкратова. От мамки твоей одно проклятие, хотя деньги есть, хлеба хватает до нового. Наша жизнь, как утренняя роса. Я сам зачал жить, явился на свет, не видал своей матери родной и материнской ласки молока ее. Не видал я отродной жизни при мачехах своих. Потом и солдатскую жизнь — дисциплину немножко испытал. Потом я женился на мамке твоей. Характеры разные у нас и тяжело жилось с нею. Жить не хотела в моем доме родном, у отца моего. Захотела обратно домой, к родным своим. Удалось, и я перешел, но как мне было тяжело и тошно мне жить. Не видел я свету отроду, и так я прожил 3 годика, съел я тогда желе за три топора. Потом все-таки пришлось вырваться из этой нево

Николай. 27 июня 1916 г. Город Петергоф.

Австро-Венгрия. 25 июня 1917 г.

Мой дядя Дмитрий Каменский,
стари́нный брат Алексея. 1917 г.

Пленный австриец. 25 апреля 1917 г.

Толя, Василий, Николай. 1913 г.

*Семья Шалагиных. Верхний ряд (справа налево): Василий, Сергей, Павел;
средний ряд: Николай, Евстоля, Елена Андреевна (бабушка), Григорий
Ксенофонтович, Гриша; нижний ряд: Мария, Александра.*

Старший внук Денис, младший — Лёня.

Слева сын Вадим, справа — Олег.

люшки, глянуть на белый свет, отошли (отделились), построили хоро-
шечинку. Стали жить. Мать торговать, а я с лесом ломаться. Мне
ве-ть досталось, спина поскрипела, теперь болит. Теперь есть капи-
та-лец. Мало-мало постройка хорошая. Но ничего не нахожу на све-
те интересного, потому что куда не взглянь везде неправда и обман.
Поэтому не считаю нужным долго жить на свете и вижу, правда
вскоре не явится. Так Коля живи, пока живется. Бог велит, и уви-
димся. А если не увидимся, на то воля Господня. Поздравляю вас
Николай Григорьевич с проходящей масленицей и наступающим
днем Ангела твоего. До свидания милый мой сын Николай Григо-
рьевич. Любящий твой отец Г. Шалагин

№ 160. *От 12 февраля 1917 года. От Кучерова Н. Н. брату Васе.*

Здравствуй Вася! Письмо твое от 6 февраля получил и благода-
рю. Поздравляю с широкой масленицей и с наступающим великим
постом. В пятницу я Вася ходил на вечер в учительскую семина-
рию. Был спектакль, а после были разумные игры, конечно, с ба-
рышнями, но не как у нас в Непотягове: девок много, больше ста.
Разошлись очень поздно, часа в два ночи. Ты, наверно, за кем-ни-
будь бегаешь неужто за Агнюшей или мне приснился сон? Одоб-
ряю, если это правда. А на посиделку то бегаешь? Пиши, как про-
водили масленицу, у кого сегодня сидели вечером? До свидания
остаюсь жив и здоров, того и вам желаю, сказывай привет девам
и ребятам. Твой брат Н. Н. Кучеров.

№ 161. *От 19 февраля 1917 года. Мое родным.*

Здравствуйте любезные мои родители! Шлю Вам свой низкий
поклон. Уведомляю Вас, что я завтра 20 февраля с этого места уез-
жаю, вчера мы исповедовались, сегодня 19 февраля причастились.
Куда еду, Вам известно. Любезная моя мамаша не печалься, получив-
ши это извещение, я любящий тебя сын буду жив. Сейчас я в полном
здравии шлю привет братьям и сестрам. Желаю Вам здоровья и бла-
гополучия. Ждите новый адрес. До свидании Н. Г. Шалагин.

№ 162. *От 20 февраля 1917 года. Мое братьям Сереже и Васе.*

Здравствуйте Мои Любезные братья Вася и Сережа. Шлю Вам
братское почтение и низкий поклон. 17 февраля я узнал, что скоро
отправка на позицию. 18 февраля мы ходили на исповедь, исповедь

была общая, а 19 февраля причащались. Вечером ходили в офицерское собрание, показывали картины (кино). Сегодня мы, Вася, идем на позицию. Одели нас во все почти новое, сапоги дали новые, шапки, гимнастерку, шаровары и потом бушлаты. Пойдем мы, наверно, пешком. Идти придется дней 6. Через 6 дней я должен слышать около себя выстрелы и, может, увижу, как летают пули. Теперь уже полагаюсь на волю Божию. Писать уже нет времени, но если я буду жив, то не замедлю, напишу. Передай, Вася поклон всем нашим деревенским, а девушкам обязательно. До свидания. Ваш брат Н. Г. Шалагин.

№ 163. От 26 февраля 1917 года. Мое родителям.

Здравствуйте уважаемые мною родители. Шлю Вам свое нижайшее почтение и с любовью низкий поклон. Сообщаю, что я жив и здоров, и нахожусь уже на самой позиции в команде разведчиков, ночевал в блиндаже, то есть в землянке. Позиция противника в верстах в 2х. Прошу передайте поклон родным и знакомым. Теперь письма часто писать не придется, стоим в лесу, через 15 дней будем на отдыхе. До свидания. Адрес следующий: Зий Заамурский полк, в пешую команду разведчиков. Получить такому-то. В этом полку М. И. Куликов, а его надеюсь отыскать потом.

№ 164. От 28 февраля 1917 года. От Москвиных Василия Яковлевича и его дочери Шуры.

№ 165. От дяди А. К. Шалагина от 1 марта 1917 года.

Здравствуй многоуважаемый племянник Коля. Я, Коля, пока живу хорошо, а вперед Бог знает, что будет. Теперь стоим в резерве. Мы в масленичное воскресенье были в походе, стояли на позиции с 12 по 28 января 1917 года. Часто я получал письма от Митюшки Яскинского. Их угнали на Румынский фронт. Из дому ничего такого особенного не пишут, только пишут, что все очень дорого. До свидания Коля. Остаюсь, жив и здоров. Дядя А. К. Шалагин.

№ 166. От 3 марта 1917 года. Мое родным.

Здравствуйте Мои любезные родители, папаша и мамаша. Моя жизнь молодая позиционная, ее избегают те люди, которые из-за страха теряют свою совесть и остаются какими-либо путями или

дома, на казенных местах или в тылу каким угодно путями. Здесь жизнь человека подобна жизни цветка при дороге, на которой прохожий или проезжий наступит или наедет без всякого внимания и цветка нет. Я здесь несколько дней, но я уже до тонкости понимаю что такое пробыть на позиции месяц, два. Это большое испытание. 2 февраля легли мы спать, ночью часть товарищей ушли в разведку. Я остался в блиндаже. Часа в 3 ночи сквозь сон слышу непрерывный гром, просыпаюсь, слышу, с той и другой стороны залпами и в одиночку бьет артиллерия, летят через убогое убежище снаряды. Мы встали, оделись, приказаний никакого нет. И для любопытства вышли из блиндажа. Наша артиллерия шлет снаряды друг за другом в сторону противника и от выстрелов по небу переливается свет, а в воздухе непрерывно гудит «гу, гу, гу», а потом слышно «трах, трах». Там, конечно, разрушения и смерть. В стороне, точно ласточка весной щебечет, строчит пулемет «та, та, та, та». В такую минуту, чтобы вы думали? А солдат ничего не думает, у него нет ни страха, ни ужаса. Он смеется, выдумывает разные прибаутки и на время, позабыв про все. Если будет приказание идти в бой, то у него все на себе, все с собой. Он идет все равно, как на зов матери, сестры или жены, зовущих обедать или попавших в беду. Пойдет быстро, решительно, тут каждая минута дорога. Из-за минуты могут пропасть сотни людей. Он бросает все, берет свое оружие, к какому он обучен, и идет в бой с чистою душой, зная, что он совершает священный долг. Идет жертвовать своей жизнью, за своих родных, за свою родину, за Россию. Если он после подвига останется жив, то он награждается здесь, если погибнет, то тоже не останется не награжденным. О нем навечно останется добрая, благородная память потомков. До свидания. Ваш сын и брат Н. Г. Шалагин. Адрес: в действующую армию, 3ий Заомурский полк, пешая команда разведчиков. Получить Н. Г. Шалагину.

№ 167. От 4 марта 1917 года. От меня моим родным.

Здравствуйте мои родители, братья и сестры, все родные и знакомые. Я жив и здоров по-прежнему. Шлю вам свой низкий поклон. Ночью ходим в разведку, но не далеко потому, что есть между фронтом речка, и она разлилась так, что трудно перейти. Придя с разведки, попил чаю и лег спать. Спал часов до 10ти. Когда приехала походная кухня с обедом, то спал, но изредка пробуждался от холода. Наша «хата» следующего устройства: выкопана яма сажень 6 длиной, 3 шириной, глубиною по середине около сажени, по бокам вры-

де нор, а по середине «коридор» помещаются пирамиды с винтовками. В конце стоит печка, на которой кипятим чай. Еще в другом конце вырыты две печки в стене, дров достаточно, рядом лес, как Курмашево. С другого конца вход с навесом. Теперь скажу о том, как я перешел из Залешиков. Переход более 100 верст. 20 февраля мы уже знали, что уходим. Собрались, что не нужное в походе оставили. Нам в офицерском собрании был молебен, потом до моста через реку Днепр нас проводили с оркестром. Я чувствовал себя не то в восторге, не то в печали. Когда перешли мост, то нужно было проститься со взводным, это отец солдатской семьи и хоть верьте, хоть нет, но не стремится так юноша к устам любимой девушки, как я стремился и все остальные, чтобы при прощании поцеловать его в последний миг. Он более близок, как иной отец. Он расставался с нами, был взволнован, и у нас выступили слезы. Почему? Потому что он долгое время был на позиции со своим подразделением. Около него, точно трава под косой падали и умирали его товарищи, и он сам был ранен. За это он имеет 2 Георгиевских креста. Он, расставаясь с нами, хорошо знал, что из нас многим суждено умереть в боях. Вот это и волновало уже испытанное сердцем чувство. Отойдя от местечка, мы медленно, но двигались. К вечеру пришли в такое же местечко, тут поужинали, поспали, пошли дальше. Так мы шли 5 дней, а на шестой нас осталось от команды 14 человек, потому, что мы были распределены на 4 корпуса. Мы 14 человек были назначены в 3ий пехотный полк. При прощании с товарищами тоже волновалось сердце. 25 февраля под вечерок мы пришли в описанный мною блиндаж. Сначала было жутко, а теперь уже привык, точно здесь родился, вырос и иначе быть не должно. Теперь честь или смерть. Да Здравствует Россия!!! Шлю поклон крестному Е. Г. Сергееву. До свидания. Н. Г. Шалагин.

№ 168. От 5 марта 1917 года. Поли Васильевой.

№ 169. От 10 марта 1917 года. Поли Васильевой.

№ 170. От 11 марта 1917 года. Мое домой.

Здравствуйте, любезные родители, братья и сестры. В настоящее время не в далеком тылу нахожусь на отдыхе, в деревне, расположившись всем полком по халупам. Да, сколько впечатлений и переживаний в такое короткое время. Как Вам, так и мне известно, что Россия перерождается, что ни день, то новое и новое. Наступает вре-

мя к лучшей жизни. Хороший дух в войске — предзнаменование к победе. Здесь на фронте все спокойно, но у измучившихся уже солдат этой продолжительной войны, при получении таких известий, сердца наполнилось радостью, и они вновь готовы жертвовать своей жизнью, теперь зная, что Россия воскреснет, не напрасно проливалась братская кровь. Теперь будем надеяться на победу, на славную победу и потом: «Да здравствует обновленная Россия. Свободу народу и равноправие». После 15 дневного отдыха опять на позицию, в день светлого Христова воскресения. Теперь здесь не проходимая грязь, снег весь стаял, и земля оттаяла, и через это боев еще нет. С наступлением того, когда просохнет, должны быть бои.

№ 171. *От 12 марта 1917 года. Мое сестре Толе.*

Здравствуй, любезная сестра Толя. Деревня австрийская расположена в низине около ручья или речки, белые мазонки. В одной из них помещаюсь я в числе 14 человек. Всему полку сегодня приказано построиться на указанном месте для того, чтобы принять присягу новому правительству. На поле построилось 16 рот и разные команды. Пришел оркестр. Священник, учебная команда пошли за полковым знаменем. Под музыку знамя полка поставили посередине поля. За священным произнесли слова клятвы, потом все собственноручно подписались. После поротно прошли церемониальным маршем рядами, в ряду человек по 30 и под музыку, твердо ставя ногу. Погода сильно грязная, снегу уже совсем мало, на деревьях уже распускаются почки. Да, когда подписывались, то я знал, что здесь около меня, в этой массе людей есть знакомый человек, т. е. М. И. Куликов. Потом вижу людей, которых мне хотелось найти. Я быстро подхожу, подаю руку и говорю: «Здравствуйте, Михаил Иванович и Александр Петрович Шануров из Пилатова». Тут мы перекидывались вопросами о главном, сообщили свое место нахождения в настоящее время, пообещались друг друга навести. Теперь солдатское положение должно быть лучше. Начальник солдата не должен называть на «ты», а на «Вы» и это приказ. Солдат не должен называться нижним чином, а, в общем, солдат. Начальников должны называть «Господин» и добавлять чин «полковник», как раньше называли офицеры друг друга. У вас должно быть больше новостей по слухам из газет. Взглянув на мир, видишь, Россия имеет еще много мощи. Более 15 миллионов людей еще молодых и сильных теперь находятся под оружием в борьбе с врагами. Да еще не мобилизованных много, и мы будем надеяться на скорую победу.

Потом эти люди будут трудиться на благо родины, будут работать честно и дружно в любви и согласии. Да здравствует освобожденная, Россия-Русь!!! Ура! Вперед на врага. Скорей к победе славной для Родины своей. Ваш брат Н. Г. Шалагин. Шлю поклон родителям, родным, знакомым. Всем девушкам красоточкам, молодчикам, подросткам. Мишук Иванов почти не изменился, от него пишу поклон его родным. До свидания.

№ 172. От 13 марта 1917 года. М. П. Швецовой.

№ 173. От 13 марта 1917 года. От папашки и крестного Сергея Е. Г.

Милому и дорогому моему сыну Николаю Григорьевичу посылаю заочное родительское благословение. Мы работаем у дяди Н. М. Кучерова. все трое Сережа, Васютка и я. Живем, ночуем у Панкратова Павла Александровича. Уведомляю Вас, начинаем жить по новому строю. Ходили 12 марта в правление. Выбрали в волисполком в правление новых управителей: Н. Г. Сергеева, Михаила Дмитриевича Швецова, Ивана Осиповича Коновалова. В училище был митинг, на котором народу было много. Говорили речи на счет конституции. Портреты были все сняты, как в правлении, так и в школе — училище. С фронта слышим по газетам, что дух войска бодрый. Да здравствует Свобода совести и правды и любви. Милый Коля, дорогой, может быть, и увидимся с тобой. Если нужны деньги, то пиши немедленно, мы можем послать тебе с удовольствием и сколько нужно. Василий Архипович Архипов помер. У нас в Вологде прошло все хорошо — спокойно. Да хранит тебя Господь Бог наш. Работы конопатки много. Работает человек 35, едим мясо. Затем до свидания милый сын. Остаюсь, жив и здоров. Родитель твой Г. Шалагин.

В этом же письме от крестного.

«Да здравствует Свобода Святая!!!» Здравствуй дорогой мой крестник Николай Григорьевич и шлю тебе привет! И поздравляю тебя с новой жизнью и с новым правительством. Открылись ворота лучезарной свободы, которую веками давили темные силы. Больше нет возврата к царизму. Что, Коля, ждали веками, за что жизни клали, за что страдали люди, наконец, дождались этой жизни Благословенной Свободы. Рухнул старый строй нищеты, унижения, тиранства и рабства. Долго в цепях нас держали. Долго нас голодом

морили. Черные дни миновали. Час искупления пробил. 10 марта в Вологде у нас было торжество, по павшим борцам за свободу. Да, я Коля. Слава Богу, дождался того, чего не думал скоро дожидаться. Долго-долго дождался, но теперь, Слава Богу. Прощай Коля! Крестный твой Сергеев Е. Г.

№ 174. От 19 марта 1917 г. Мое крестному Сергееву Елеферию Григорьевичу.

Здравствуй любезный мой крестный Елеферий Григорьевич, шлю Вам искреннее свое почтение и с любовью низкий поклон. Пока я живу хорошо, но что впереди ожидает, не знаю. Моя жизнь с 20 февраля изменилась. 15 дней я прожил в блиндаже на позиции и по ночам ходил в разведку. Немного, но испытывал чувство страха. Во-первых, от того, что можешь ночью столкнуться с разведчиками неприятеля и может произойти схватка, но это не случилось. Слышал как рвутся разрывные пули, задевая за ветки деревьев, и жужжали. Но все прошло благополучно. В настоящее время с 10 марта нахожусь на отдыхе в деревне верст 6 от позиции. Ночью проснешься и слышишь, бьет наша артиллерия, а на улицу выйдешь, то слышны выстрелы винтовок, точно сотни плотников рубят по дереву. Отдых будет продолжаться до 24 марта, а потом или на старую позицию или на другой участок. Погода здесь уже сухая, снег лишь в лесу. Крестный! Настал для народа высокоторжественный праздник — «Свобода для народа». Здесь же праздник пасха, весна, которая радует каждое сердце. Но не хватает только окончания войны, от которой уже не раз сжималось сердце при виде неправильности ее ведения, но воевать было необходимо. Теперь русский народ завоевал свободу, а, завоевав свободу, будем надеяться и на завоевание победы над врагами. Теперь весь русский народ сольется в единое целое, несокрушимое. Солдата теперь не поведут по темному пространству, а ему сначала осветят путь, куда идти и он пойдет уверенно, зная, за что и куда идет. Сообщаю Вам, что в жизни солдата здесь на фронте идет все к лучшему. Солдат себя чувствует свободней, и дозволяется ему больше знать. Из господ офицеров и из солдат выбираются советы для обсуждения разных дел. Солдатам высылают газеты «Солдатское слово» и настаивают, чтоб читали и слышали все. Крестный, я знаю то, что Вы теперь, живя на свободе, читаете газеты и знаете многое, что мне не придется здесь слышать. Я прошу, пожалуйста, опишите мне хотя бы кратко. Я жажду знания, жажду полной народной свободы, за кото-

рую не буду жалеть своей жизни, если она потребуется. Как не жалели наши братья за что были убиты или долгое время томились в тюрьмах. Теперь будем совместно все вести войну до победного конца, после которого наступит золотое время, время любви и согласия. До свидания. Н. Г. Шалагин.

№ 175. Родным от 21 марта. Мое домой.

Здравствуйте, милые мои родители Папаша и Мамаша, братья и сестры. Я жив и здоров и жизнь протекает при хороших обстоятельствах. Погода здесь хорошая на небе ни одной тучи, земля вся просхла. Я пока на отдыхе. Пища хорошая, на команду 102 человека отдельная кухня. Днем от нечего делать хожу чай пить за версту от нас, есть чайная бесплатная. 19 марта под вечер духовой оркестр музыки устроились на бугорок и играли разные вальсы, танцы и ка-маринского. Под игру оркестра человек 6 вместе выходили ловкие плясуны, а потом еще из рот пришли ряженые. Из 2х солдат была изображена лошадь, потом медведь с вожатым и еще кое-что. Они проделывали разные шутки, на что смотрело широкое тесное кольцо людей, солдат и мирных жителей. Здесь хотя и позиция и попадают снаряды, но люди живут, детишек масса, но только нет молодежи. Но за то, сколько здесь русских молодых солдатиков. Деревня здесь сто дворов, а в ней боле 1000 человек, она кишит людьми. Вечером тут и там слышны песни, в которых нет ни горя, ни скуки, но слышна молодецкая удаль, которая не знает преград. Выборные от солдат вырабатывают еще лучшие права, но этими правами придется ли пользоваться и действовать? Бог знает, что случится с нами впереди. 25 марта иду на позицию. Как там придется прожить, не знаю, хотя склоняется к лучшему, но все-таки «играть» не перестают, бросаются снарядами. Сегодня под утро, как начали наши жарить из артиллерии, так все пробудились, думали сейчас разыграется бой, но все притихло, и мы опять все легли спать. Наступает день и опять живешь, слышишь где-то в воздухе, работает мотор аэроплана. Точно чайка чуть заметно движется. Потом слышишь, бьет артиллерия, и в воздухе около аэроплана заметно, как рвутся снаряды, образуются белые дымки и слышны звуки разрывов. Выпустят снарядов 15, аэроплан быстро улетает вдаль, скрывается от глаз в голубом небе. И все это происходит почти ежедневно. Поздравляю Вас всех с высокочто-р-жественным праздником Христова воскресенья и целую заочно с любовью в сердце вас всех, а вслух говорю как будто среди Вас: «Христос Воскресе». До свидания. Н. Г. Шалагин.

№ 176. *От 24 марта 1917 года. Мое папаше.*

Здравствуй мой любезный родитель. Шлю Вам свое сыновье почтение и с любовью низкий поклон. Уведомляю Вас, что я жив и здоров пока. Мне пошел уже 21ый год, как быстро идет время. Я как сейчас вижу себя 7ми лет. На 8ом я пошел учиться, и всю свою жизнь вижу подробно. Она точно лента в киномоторгафе тянется передо мною. Она была сначала так себе, не привлекала внимания к себе публики, а теперь она преобразовалась в драму, и я теперь с напряжением слежу, чем кончится, но не знаю. Уже 10 месяцев в толките, шуме и суматохе. 22 марта было приказано идти всему полку на работу, на позиции рыть блиндажи для себя. Собрались человек 1000. Идешь тихо, а земля дрожит. Пришли в лесок, разобрались, стали рыть ямы. Сколько земли перерыли, сколько лесу срубили. Позиция противника, его передний край версты за S. Место, где противника видно в бинокль, так и отдельных людей видать. Наша батарея через нас бьет. Верстах в 3х загорелась деревня, где противники. Пожар в 4х местах, тушить не кому, а там домов 200-300. Горело до вечера. Над нами летают часто аэропланы. Летят, летят, по ним бьет артиллерия. При разрыве снарядов получается белое облачко, которое долго не рассеивается. Пришли с работы нам дали каски, а шапки сменили на фуражки. 23 марта опять работали, сколько лесу порубили уже дело к концу. Вдруг приходит полковник и начальнику нашему выговор. Говорит: «На видном месте блиндажи вырыли, отставить». Нам все-таки дали готовые, а тут поставили в память два креста. Завтра опять пойдем на позицию в те блиндажи, которые нам дали. В настоящее время в халупе 16 человек, принесем дров, вскипятим чай, а обед из кухни. С позиции слышны выстрелы и свет от ракет. Теперь уже мною жизнь испытана, и я спокойно могу умереть, но хочется посмотреть и пожить новой свободной жизнью. До свидания. Целую Вас и поздравляю с наступающим высокаторжественным праздником Светлого Христова воскресенья. Слева от нас ясно видно снежные вершины Карпатских гор.

№ 177. *От 25 марта. От папаши мне.*

Милому и дорогому нашему сыну Николаю Григорьевичу. От родителя Григория Ксенофонтовича и Елены Андреевны. Желаем быть здоровым. Да хранит тебя Господь Бог Наш. Поздравляем с наступающим праздником Светлого Христова Воскресения. Васютка наш купил гармонь, заплатил 70 рублей. Я хотя не препятствовал, но

считаю это глупостью. Сейчас конопатим баржи, стоим в Хорхон 18 человек. Да здравствует свобода! Дорогой сын наш Коля, у нас в Вологде прошло все спокойно, ходили с красными флагами и пели марсельезу, и я подтягивал. Сегодня будет у нас митинг в Народном доме. На побывку приехали Кум Василий Алексеевич Мещанский. Заработки у нас хорошие 6 рублей поденщина. Подпорки днищ барж с 4 часов до 7 часов — 3 часа за день считается, за день тоже 6 рублей. Мы узнали, что у братьев Сергеевых в гуменнике (под крышей в тайнике) хранились книги два короба пудов 12 (это запрещенная литература). Книги свезены были в город, и было написано в газетах про эту библиотеку. Живем хорошо. Шлю гостинца 25 коп. (деньги были в виде марок — бумажные). В этот раз солдаткам деньги выдавали у нас в Народном доме. Правление теперь у нас (деревне) у тетки Анны Архиповой. Выбраны от комитета Иван Маркович Говоровский и кто-то Харачевский. Назначено было собрание, пришли и все перевернули, сместили старшину и все переделали по новому. У нас в деревне собирали на армию, насобирали ржи пудов 10. До свидания, твой батька Григорий.

№ 178. От 26 марта 1917 года. Моей маме.

Здравствуйте дорожайший мой родитель. Шлю Вам свое нижайшее почтение и низкий поклон. Уведомляю Вас, я вчера получил Ваше письмо писанное 13 марта. Сердечно вас благодарю за то, что не забываете и даже беспокоитесь обо мне. Сейчас привезли обед — гороху, порцию мяса. Мы по-солдатски вокруг ведерка устроились на земле, потому что в блиндаже темно. Вдруг летит аэроплан над самыми нашими головами, и так низко, хоть тикай, а то спустит в суп бомбу и ничего с ним не сделаешь. Из винтовок стреляют, как дождь по крыше, но он напевает себе пропеллером и ухом не ведет. Артиллерии стрелять нельзя, то заметит, где расположена, здесь папаша не до жиру, быть бы живу. Ждем мира, но не можем дожидаться. Да пожил бы теперь дома при всем новом, хотя и здесь теперь хорошо. Домой если приеду, то не крестьянином, а гражданином. Теперь не то, что было, все равны, офицер и солдат. Раньше было: «Ваше благородие», «высокоблагородие», «превосходительство». Теперь «господин полковник», «генерал». Вы слышите, что дух войска бодр. Теперь тем, кто на фронте известно, что на них обратят внимание, свои взоры. Ждут от них победного конца и им в тылу помогают, чем можно. Доставляют на фронт все, что нужно, что необходимо. До свидания. Н. Г. Шалагин.

№ 179. От 30 марта 1917 года. Мне от брата Сергея.

Здравствуй любящий братька Коля. Шлю братский привет. Шлю поклон от папаши и мамы, от братьев Васи, Паши и Гриши, от сестер Толи, Шуры, Мани. Поздравляю с проходящим праздником. Посылаем поклон от Всей деревни. Мы, братька, работали в вербное воскресенье за 12 рублей, а в Воскресение-20 рублей. в день. Работать можно, а так 8 руб. Было в Кредитном собрание и говорили речи, кто чего знает, выступали дядя Елеферий и Николай Григорьевич (Сергеевы). Потом собирали денег на армию, собрали 80 рублей и ржи 50 пудов. Наше кредитное товарищество пропечатали в газете, их хвалят. Еще, братька, теперь реки бегут и шумят. До свидания. Ваш брат Сергей Григорьевич.

Пишет брат Василий. Здравствуй дорогой и любящий мой братя. Шлю тебе братское почтение и с любовью низкий поклон и желаю всего хорошего. Пишу перед пасхой в пятницу. Тятя ушел к обеду, а няня (Евстолия) пойдет в город и письмо отнесет. Живем теперь хорошо. Поздравляю с новым правительством. У нас снегу мало, все был дождь и теперь каждый день. Купил я, братька, гармонию хорошую за 80 рублей. До свидания. Я жив и здоров, этого и тебе желаю. После праздника напишу, хорошо любящий мой брат Кольчик?

№ 180 от 30 марта 1917 года. Поли Васильевой.

№ 181 от 30 марта 1917 года. Кумы Поли Швецовой.

№ 182 от 6 апреля 1917 года. Сестре Толе.

Здравствуй сердечно уважаемая мною сестра толя. Шлю Вам свое искреннейшее братское почтение и с любовью низкий поклон. На севере провел свою юность, там остались добрые родители, которые обо мне заботились, меня лелеяли 19 лет и, наконец, когда я вырос им на утешение в старости, меня от них взяли. Меня от них точно щепку отнесло от морского берега и теперь вольною относит все дальше и дальше... Да!!! Они не могут забыть и не забывают, не отпускают из вида, ждут попутного ветра и надеются, что она, та щепка, будет волною пригнана к берегу. У нас есть в полку лавка и продают по сходным ценам все. В деревне версты за 4 от позиции молоко можно купить и яйца, яйцо — 10, 12, 13 коп. 1 штука. На второй день Пасхи я с позиции ходил в лавочку, она приезжала в

лесок и размещалась в блиндаже для праздника. Я купил короб печенья, мыла и бумаги почтовой 25 листов. Итого на 2 р. Теперь меня 3 р. еще есть и 25 коп. — гостинец тяти. Если жив, буду мая, то опять получка, не хухры-мухры, а 75 коп. за месяц. Изшей ничего не нужно. В случае похода расстаешься и с нужными вещами. Необходима одна пара белья, ложка, кружка, патроны и винтовка. Послужить наверно еще придется. Если бы не война, так я бы служил бы с радостью. И теперь не скучаю, да и скучать нельзя потому что передо мною тянется точно кинематографическая картина, но она живая, одно сменяется другим. Какое впечатление производит драма на смотрящих? Чуткие сердца смотрят на картину плачут. А что скажешь или подумаешь, когда увидишь товарища с оторванной ногой, рукой и, который в бессознании стонет душу раздирающим воплем? Тебе ему некогда помочь и не должен помогать, потому что тебе надо идти вперед под пули, под свист шrapнели и пуль, и под трескотню смертоносного пулемета. Правда не заскучаешь? Все за свободу!!! Да здравствует поколение молодежи! Низкий поклон тятэ, маме, братьям, сестрам, родным и знакомым, Васе Шалагину. До свидания. Ваш брат Н. Г. Шалагин.

№ 183. *От 6 апреля 1917 года. Мое родителям.*

Здравствуйте многоуважаемые мною родители. Шлю Вам свое низкое почтение сыновье и с любовью низкий поклон. Как я провел праздник пасхи. Накануне мы получили кое-что лишнее против обычного. Дома радостно это время, а здесь.... Вводный говорит: «Ребята! Сегодня не разбрасывайтесь, чтоб обстреливать из артиллерии не стали». Ночь прошла благополучно. 2 апреля утром я встал уже позднее других, был чай вскипячен в ведре. Я умылся, оделся в обычную свою одежду, сапоги, гимнастерку и прочее. Похристосовался с товарищами словесно по обычаю. Выпил кружку чаю. Разговелся, съел данные 2 яичка. Вспомнил родную семью, мысленно обратился, представив Вас всех: «Христос воскресь!». На фронте было похоже на праздник ни одного выстрела не из винтовок, не из орудий. Погода хорошая. Я с товарищами пошел на позицию посмотреть. Вышли на горку, откуда хорошо видно. И к моему удивлению увидел, что между позиций сошлись наши и австрийцы. Я туда почти бегом пошел, перешел нашу передовую линию окопов, спустился с горы, прошел зеленеющей долиной и дошел до кустов, которые были по берегу реки Быстрицы. В кустах по берегу реки на нашем берегу были сотни две наших солдат, а на том берегу ав-

Австрийцев было человек 20 сначала. Переговаривались через речку, но еще не смело. Потом договорились до вина, австрийцы принесли бутылку красной водки, но не знали, как переправить, бросить — разобьется. Один разведчик спустился в речку и поплыл. Река очень быстрая и широкая, но он достиг их берега, на котором встретили его австрийские солдаты. Он весь мокрый вышел, поздоровался со всеми. Они ему на бечевке бутылку навесили на шею, и он переплыл обратно. Австрийцам переплавляли съестного, они признаются, что хлеба у них дают мало с фунта на сутки и тот из кукурузы. Мы так сходились 4 дня, много друг другу попередовали, мы узнали их расположение. Многие ходили к ним в окопы и далее в тыл и приходили обратно. Австрийцы много раз фотографировали нас на берегу нашем и на своем (наших вместе с собою). Тут же были офицеры с той и другой стороны. Фото они передовали нашим. Австрийцы передовали родным, живущим в тылу нашей линии, открытки, фото. Они говорят: «Паны, нужно мир», — наши им отвечают про обстановку. В первый день я ходил к товарищам Куликову М. Ш и Шанурову А. П. Они на переднем краю. Там много поговорили, пошутили, вспомнили про прошлое, подумали про будущее, и я ушел от них. Сегодня 5 апреля на 6 ночью объявили, что часа в 3 ночи пойдем в разведку. Это уже не ново. Легли, кто разделись, кто нет. Пол 3го кричат: «Собирайсь!». В блиндаже, освещенном лампочкой, которая состоит из баночки с фитилем, наподобие лампадки, но вечно коптящей. Собрались. На этот зов, собираются точно мертвецы из могил. Так пишут на картинах страшного суда. Поднимаются солдаты из-под солдатских шинелей серых без особого шума, выходят из темных ям, собираются в одну кучу и потом, точно призраки, идут по темно мгле в указанную сторону. Сначала в пол голоса разговаривают, смеются. Потом проходят через свою линию охраны, идут туда, где в ночное время лишь только пули свищут. Своим прикажут не стрелять, но неприятелю не прикажешь. Уйдешь туда, где можешь встретить врага, то разговор сменяется на шепот и то лишь в случае необходимости. Идешь не в рост, полусогнувшись, или ползком. Крадешься словно кошка к воробью. Та цапнет, так и квата. Тут приказывают: «Заставу снять» — тех людей, которые поставлены смотреть не в один, а в оба и не с голыми руками, а с винтовками и бомбами. И они только заметят, то уже свистят пули. Но разведчик точно в землю врос, изподовольно продвигается. Наконец, не проходимое препятствие — ряд возле ряду проволочных заграждений. Их не перескочить, не перейти. Уже светает. Нужно не замеченными вернуться

обратно. Начальник говорит: «Ну, братцы, по одному незаметно домой». Смотришь пуля, другая, третья летит с нашей стороны. Потом одумаются или им скажет не стрелять больше. Вернешься опять туда, где твой временный дом, и все богатство с которым мысленно уходя, прощался. День спишь, гуляешь. Привезут продукты, то бежишь, нет ли письма. Желаю Вам счастья в обновленной жизни, быть может она буде хотя бы немного походить на жизнь. Теперь не должно быть столько нищеты и угнетения, сколько было и не правда, наверно, не будет царствовать. «Исчезнет дикое тиранство, и цепи с пахаря спадут, а все изнеженное братство возьмется нехотя за труд». Желаю всем доброго здоровья, я остаюсь, жив и здоров и вам того желаю. Н. Г. Шалагин.

№ 184. От 7 апреля 1917 года. Сестры Толи.

Здравствуй дорогой брат, Коля. Шлю я тебе свой привет и низкий поклон. Поздравляю с праздником Пасхи Христова Воскресения. Погода у нас теплая, снег стоял, только лишь в оврагах есть. Очень грязно и все перепадают дожди, а по утрам иногда мерзнет. В Пасху ушли в церковь с вечера, собралось нас много, из деревень разных. Была в церкви спевка на крылосе, спевались все, Поповы дочери и некоторые другие девушки. На одном крылосе все. Сначала шло плохо. Потом все-таки подходяще. Народу в церкви было много. Часть была солдат, приехавших на попыбвку. У Спаса говорили приехало человек 18. До свидания Коля. Жду родственного свидания. Сестра Толя

№ 185. От 13 апреля 1917 г. Мое брату Сергею.

Здравствуй любезный брат Сережа! Шлю вам свой братский привет и с сердечною любовью низкий поклон. Я жив и здоров. Сегодня я получил Ваше письмо, за которое Вам Сережа большое спасибо. Оно мне дороже всего на свете при теперешней моей жизни. Придя в ту ямку-блиндаж, в которой мы проводим уже 20 суток, и в том числе «пасху», прочел и услышал разговор моего брата, которого я уже скоро год, как не видел. С которым, я помню, прощался в кузнице, и как я тебя любезно целовал, не смотря на то, что у Вас Сережа в то время было лицо и руки, грязны от сажи.

Сегодня ходили на позицию. Утром австрийцы навешали бумаг, газет. Мы тоже утром сходили, принесли им кучу. Прочли. Они просят мириться, говорят: «Не стоит вам теперь воевать, свободу уже

завоевали и теперь нужно устраивать жизнь».- «Мы тоже не хотим воевать» но я думаю, они теперь подобно волку, (имею в виду немцев). попавшему в овчарню. Им верить не приходится, хотя при виде отдельных лиц, как мы их видели в пасху, их жаль. Они такие же люди, что и мы. Они говорят: «У нас нет хлеба». При том же они наши враги. Они начали войну и желали, чтоб Россию разбить. Они не жалели, когда в Польше благодаря измене нашего старого правительства, забирали города, жгли и грабили селенья, били, тиранили жителей, которые находится и теперь в руках их союзников. Они почувствовали свою слабость. На стороне нас, т.е. России, они видят несокрушимую мощь, они дрожат за свое существование и теперь просят у России мира. Но войну будем вести с их строем до победного конца, и тогда мир будет прочный и вечный. Может еще многим придется помереть. Может моя еще голова останется в жертву за этот прочный мир, но я ее не жалею, знаю, что потомки, братья воздвигнут вечный святой памятник на крови жертв войны, а сестры сплетут славный венок за честь и славу павших. Он будет сиять на всю Россию, на многие столетия (и тысячелетия). Да здравствует Россия!!! Затем шлю привет родителям, братьям и сестрам. Крестному...

№ 186. *От 14 апреля 1917 г. Серова Н. П.*

Здравствуй дорогой товарищ Коля. Записку твою в вашем письме получил, за которую Вас сердечно благодарю. Я сейчас нахожусь в Хорхорине. Вчера в 5 ч. вечера приехала бабушка Русской революции Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская. И мы пошли на митинг с 12-ти часов до 3-х дня. Тут мы увидели и «Бабушку» русской революции. Когда она вышла, ее встретили громким рукоплесканием. С ней собиралось очень много тех, которые должны говорить на собрании. Когда стихли рукоплескания, то «Бабушка» начала говорить. Говорила очень хорошо, сдержанно ясно и отчетливо. Когда бабушка кончила говорить, то выступил какой-то мужичек, два солдата, рабочий из города Буя. Еще говорили многие. Но потом, когда кончился митинг, еще был солдатский митинг. А еще позднее вечером — городской митинг. До свидания товарищ Коля. Николай Серов.

№ 187. *От 15 апреля 1917 г. Брату Васе.*

Здравствуй дорогой брат Вася. Шлю я Вам свое почтение и с любовью низкий поклон. Пишу вам песню, хотя знаю не очень твердо.

Последний нынешний денек. Гуляю с вами я друзья. А запы-рано чуть светочик. Опять в окопы пойду я. В окопах жизнь мне та-уныла. Австрийцев строго наблюдать. Летят гранаты и шрапнел-ли. Уныло нам на них смотреть. А вот летит 6-ти дюймовка. Лишь тоды-ветер шелестит. А как ударит по бойницам. И наблюдатель ввер-летит. Вверху кружат аэропланы. Хотят все бомбы в нас спустить. Вдали трещат там пулеметы. Ружейной пулей бьет, крушит. Това-рищ мой — одной команды, кого из нас с тобой убьет? Меня убьет. в живых не будет. Письмо на родину пошлет. К письму родные со-берутся. Меня не будет между них. Отец и мать меня забудут. Я на войне буду убит. Убит среди полей австрийских. В окопе мелко я зарыт. Сестра моя туда не придет. Мою могилу навестить. Но лишь австрийская граната. Над моей могилой пролетит.

Поется по две строчки на известный мотив. «Слава»

Уведомляю вас Вася, я живу пока хорошо. Вчера с позиций пе-решли, но все-таки здесь почище. Долго ли стоять будем, не могу знать, день 7, наверно простоим, потом опять туда же или на другое место. Все время переживаешь, точно мучительные сновидения. которым нет конца. Но все за свободу России. Нам на фронте через газеты доносится дружный порыв братства, которые стремятся и просят нас вести войну до конца... Да будет так!!! На крови жертв войны и революций расцветут душистые розы! До свидания Ваш брат Н. Г. Шалагин.

№ 188. От 16 апреля 1917 г. Моё родителям.

Здравствуйте многоуважаемые мною родители! Шлю Вам свое нижайшее почтение и с сердечною любовью низкий поклон. Мне хочется поговорить, высказать свою радость и горе, но не кому и я сажусь за письмо. Надеюсь, что и Вам оно послужит на утешение... Находимся в Галиции в верстах в 3-х от позиции. В овраге возле крутой горы стоит разбросанно деревушка, постройка которой со-стоит из беленых хат, крытых соломой. В этой деревушке есть цер-ковь небольшая, в которой служат попеременно то ксенз, то рус-ский священник. Но на службу народ ходит — солдаты в австрийскую, а австрийцы в русскую (больше для интереса). Тут в порядочном доме устроен первый полевой подвижной госпиталь и питательный пункт для проходящих больных. Вам известно, что представляют эти 2 здания. Пройдешь и увидишь на питательном пункте солдата только что раненного, конечно, не тяжело, в руку или что другое. Он может идти, у кого еще кровь не обмыта, пото

му что ему забинтовали, сказали идти до 1-го госпиталя. Около церкви есть много могил с надписью: «Здесь покойся прах воина такой-то роты, полка. Потом губерния, уезд, волость, деревня и фамилия». При похоронах которого не присутствовали ни мать с отцом, ни жена с детьми, которые, может, ждут еще его возвращения, а только его товарищи, которые привыкли прощаться хладнокровно. Вечером, не смотря на все, что происходит кругом (в команде три балалайки и мандолина), собрались в одну хату и конечно сыграли, сплясали без стеснения, кто что знает и может. Когда легли спать на полу и по лавкам, разделись, как дома, то начала бить батарея так, что все задрожало. Но потом все затихло. Днем под вечерок тоже была слышна стрельба из орудий и пулемета. Были слухи, будто партия австрийцев около 100 человек шли добровольно в плен и по ним свои германцы и открыли пулеметную стрельбу, а наши по германцам артиллерией. Их частично побили свои, а часть пришла к нам. 17-го погода была хорошая, и мы ходили на занятие. Посидели, полюбовались природой, на полях и лугах уже густо зеленеющая трава, на которой пасется австрийский скот. Ивовые кусты уже покрылись густым листом. Письмо пишу лежа на лугу. 20-го наверно идем на позицию. Прошу вас не тоскуйте обо мне. Будет время, вернусь, жив и здоров. Прошу передать поклон родным и знакомым. До свидания!!! Николай Шалагин

№ 189. От 16 апреля 1917 г. Брату Васе от Кучерова Николая Николаевича.

№ 190. От 18 апреля 1917 г. От сестры Толи.

Здравствуй дорогой брат Коля! Шлю я тебе свой привет и с любовью низкий поклон. Так же шлют привет Тятя и Мама братья и сестры, и желаем доброго здоровья, счастья и благополучия, а в делах ваших скорого успеха. У нас в Народном доме было собрание всей волости. Обсуждали разные вопросы, был один из города, из коммерческого что ли. Объясняли сколько коров нужно с волости на армию, потом раскладывали по сколько придется с общества. Говорили, как надо помогать солдаткам в полевых работах, нужно жить дружно.

Теперь Васютка ходит в твоих зашитых брюках, и такую же сшили рубаху. Купил он и Коля Серов солдатские фуражки, теперь наш Вася солдат-солдатом, так он сначала и обманывал, думали,

что ты идешь. Васютка очень усердно принимается за свое новое «ремесло». Играет на гармонии. Уже научился, не теряет ни минуты свободной. Только тогда перестает, когда мама начинает серьезно ругаться, чтобы перестал. Так и то иногда выходит на крыльцо и опять свое. Ходят осматривают амбары, старшина Николай Григорьевич Сергеев и несколько других мужиков, выясняют у кого излишек хлеба, у кого не хватает, то дать неимущим. До свидания сестра Толя.

№ 191. *От 19 апреля 1917 г. Мое брату Васе.*

Здравствуй любимый брат Вася. Вчера мы были собраны всем полком. С 4-х полков собрались люди, хотя не все, но партия порядочная. Солдаты с красными флагами, плакатами на которых были различные лозунги, касающиеся войны и солдат: — «Война до победы», «Враг на краю бездны», «Солдаты и офицеры — братья». С каждым полком оркестр духовой музыки, которая гремит. Один полк встречает другой с громкими криками: — «Ура!!!» — Колыханием фуражек и платков. В то же время оркестры играли «Марсельезу» или марш. Солдаты

впереди шли с флагами. На груди у многих красные банты. На винтовках были красные ленточки. Шли по шоссе, подхватив друг друга под руку, в ногу и пели: «Отречемся от старого мира» и т.д. Действительно, хотя не все, но большая часть отрелась. Вместо брани и нахальства слышен скромный братский разговор и уважение друг другу. Как это все приятно видеть! Сердце трепещется от радости, и по телу пробегает мороз. В эту минуту себя считаешь счастливым. Но печально было тогда, когда стояли стройными рядами и, склонив к земле знамена и флаги, под музыку запели: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Сердце тогда волновалось, и пришлось силой воли сдерживать слезы. От туда с музыкой двинулись в деревушку, где была площадь и на ней устроена для ораторов площадка-трибуна. Там опять с криками «Ура!» сдвигались в одну мыслящую массу, которой нет преград. Стали выходить ораторы, говорили громко, ясно и правильно. Говорили не стеснялись, что есть наболевшее при старом правительстве. Уходили с трибуны под крики «Ура» и музыку. За более достойные речи качали, подбрасывая вверх. Многие говорили за необходимость воевать до полной победы и стремление идти вперед рука об руку. Ибо в этом состоит победа. Быть может скоро в бой, но я без сомнения готов помереть за победу, за счастье народа. До свидания. Ваш брат Н. Г. Шалагин.

№ 192. *От 20 апреля 1917 г. От родителя.*

Милому и дорогому моему сыну. Николаю Григорьевичу. Да хранит тебя Господь Бог. Низко кланяюсь и сообщаю, что все живы и здоровы. Пишу письмо в Хорхорине в передней избе. На квартире стоим 17 человек. Кум Василий Мещанский приехал домой. Погода стоит плохая, то снег, то дождь. Работаем все трое. Пахать не начали, хотя снег давно стаял. Живем хорошо. Купил сапоги, заплатил 40 руб, сейчас ношу. Ситный в Вологде-20 коп., плохой. Да милый мой, Коля, пишешь, что тебя отнесло, как щепку от берега и кидает по волнам. Да, жалко, но на все воля Божья станем надеяться на Господа, может быть, и увидимся, не станем отчаиваться. Да здравствует свобода, существует правда и любовь, а если будет правда и любовь, то не будет и воров хулиганов, буржуазии. Я из-за этого страдаю, когда вижу в людях неправду. До свидания Коля, твой папаша Григорий Шалагин.

№ 193. *От 20 апреля 1917 г. От дяди А. К. Шалагина.*

Здравствуй дорогой и многоуважаемый племянник Коля. Я Коля узнал из твоего письма, что ты тоже на позиции находишься, как и я. И у нас теперь участь равная. Ты сам знаешь, какого на позиции. В праздник пасхи мы тоже были на позиции, а сменились на 4-ый день праздника и были в резерве недолго. Теперь опять заступил на позицию. В резерве быть было очень весело. Собиралась часть полковая, были митинги, и была полковая музыка. На счет Коля немчиков то все равно, что у вас, видно из твоего письма. Не знаем, на что и думать тоже сходятся. Что на счет ходьбы, так ходят по верху безо всякой опаски, а дальше что будет не известно. А дома Коля живут хорошо. До свидания. А. К. Шалагин.

№ 194. *От 21 апреля 1917 г. Поли Васильевой.*

№ 195. *От 24 апреля 1917 г. Мое сестре Толе.*

Здравствуй уважаемая моя сестра Толя! Шлю Вам свой братский привет и с братскою любовью низкий поклон. Я жив и здоров. Только лишь жизнь меняется, впечатления меняются, но время идет вперед и вперед. Уже скоро год, как я вышел из под родительского крова. Сколько раз менялась моя жизнь? Два раза я ехал в поезде, в телячьих вагонах тесно набитых народом. Ехал по несколько суток подряд. На стан-

циях видел перед собою все новых и новых людей. Чтоб достать кружку кипятку или воды нужно было потратить много энергии. Куда ехать? Не знал! Первый раз говорили: «На службу в солдаты». Вторым уже солдатом. Куда? На войну ехал. Ехал на эту войну 6 суток, 4-ре дня пешком. Наконец, говорят: «Это земля уже австрийская. Вот эта речка была границей, тут бои были». Это подтверждалось разрушенными зданиями. Вот-вот дойдем до войны, которая представлялась очень страшной. Еще резкая перемена — 5 месяцев около одного места Запорожьи. Опять несколько дней поход занял, что теперь уже до места войны. Теперь два месяца здесь на позиции, переходы с места на место, проходит время — течет мимо. Вам уже известно, что я до 21 апреля был на отдыхе 7 дней, а 23 раз пошел на позицию. Пообедали, собрались и пошли, дорогою несколько раз отдыхали. Придя на позицию выбрали место для блиндажей и принялись копать яму. Работа закипела, многие работали без гимнастеров. Это было в лесу, вроде нашей Бычихи, но деревья не такие. К вечеру почти готовы были наши жилища, а середина — старая яма. В одной из них я спал один ночью вблизи еще таких пять ям. Был слышен гром орудий где-то в стороне так, что дрожала земля. Утром пришли товарищи к своему недостроенному блиндажу, принялись достраивать. На нары наложили прутьев, сена, соломы, которую взяли с крыши пустующих домов из деревень. Вечером уже спали все вместе. Кругом зеленеющий лес. Здесь нет жары, потому что верст за 40 от этого места видны снежные вершины Карпотовских гор, а с них несет холодом. Прошу передать поклон всем родным и знакомым. До свидания. Н. Г. Шалагин.

№ 196. От 24 апреля 1917 г. Фотокарточка пленного.

Память войны и ночного столкновения с разведчиками противника. С пленным-языком в ночь с 24 на 25 апреля 1917 г.

№ 197. От 28 апреля 1917 г. Брата Сергея.

Здравствуй любящий брат Коля! Я пришел сегодня из горда, еще не разболелся, мне подали письмо, стал читать, прочитал письмо от братки, не мог утерпеть и заплакал. Завтра будет 11 месяцев. Хочется вас повидать. Пахать еще у нас не начали, погода еще худая, снег и дождь. У нас Братка приехал крестный мой. Мещанский Василий Алексеевич. Ребят в деревне мало, а девах много. Как кто-нибудь приедет, то все собираются. До свидания, брат. Мы живем хорошо. Сергей Григорьевич Шалагин.

№ 198. *От 24 апреля 1917 г. брата Васи.*

Здравствуй дорогой брат и любимый мною. Шлю тебе братское почтение и с любовью низкий поклон и желаю всего хорошего. Тятя в город ушел (на бойню) пахать не начали. Все домашние тебе кланяются: лошадь-Сивуха, курица черная, корова-Будалиха, да еще у колодца рябина большие поклоны кладет. Няня (Толя) дак сидит у окошка, да чего то шьет. А мама у среднего окна считает. По воскресеньям у дяди Николая Кучерова на гавдарее амбара гуляют одни молодые, как поглядеть так смешно, кто чем занимаются. Сестра Санька пришла с посиделки и говорит: «Тебе Васюха письмо от Мишука И. Куликова». Я поглядел, а от моего Брата. Я прочитал и еще читает няня, мама слушает, я пишу. У нас в Народном доме много раз было собрание, выбирают разных членов. До свидания. Остаюсь жив и здоров того тебе желаю. В. Г. Шалагин.

В этом же письме пишет отец Григорий. Попивши чайку, вздумал написать письмецо Коле сынку. Здравствуй дорогой сыночек, Коля. Да хранит тебя Господь Бог наш. Коля, как жалко тебя, когда вздумаю поплакать, то взгляну на твой портрет, так покатытся слезы градом. Пиши на Спасский Волостной комитет, передать тому то. Комитет у нас в деревне Непотягове у Кумы Агнии Архиповой, я молю Господа Бога, чтобы тебя Господь спас и сохранил и на родину к нам воротил, батько любящий твой Г. Шалагин.

№ 199. *От 29 апреля 1917 г. Мое сестре Толе.*

Здравствуй уважаемая мною сестра Толя! Шлю Вам свое братское почтение и с любовью низкий поклон. Сообщу одно происшествие в окружающей моей жизни, которое я хотел умолчать. В опушившемся полным листом лесу, в блиндаже — начальник команды. Вечером 24 апреля начальник опросил, кто желает идти в разведку. 20 человек моментально нашлось. Чуть стемнело пошли, дошли до речки, через которую перебрались на противоположный берег. Это уже между позиций. Отойдя за речку, эти 20 человек разделились на две группы, одна пошла чуть вправо и вперед, вторая осталась на месте. Недалеко была железная дорога, на ней железнодорожная будка, но поезда тут уже не ходили. В будке находилось много австрийков с пулеметом. Австрияки заметили двоих наших из первой партии и стали стараться захватить их в плен. Они считали, что наших не более 5 человек, потому что перепра-

вы через речку нет, а в лодке более 5 человек не переедет. Вот ~~они~~ ^{они} близко они, но нужно бы еще ближе подпустить, но которые ~~ро-~~ ^{ро-}ские из наших, не вытерпели и выстрелили. Австрияки попадали, побежали, поползли. Их начальник кричит: «Хальт (стой)». Когда они побежали, наши за ними, да еще «Ура!» закричали. Забрали одного пленного, легко раненного, пошли обратно к речке, дошли, где лодку охранял один. Во-первых, переправили раненого пленного и наших 3 человек. На лодке переправились и остальные. Пленного перевязали и на носилках принесли в блиндаж начальника. Пленный оказался немец. Утром его направили на повозке в околоток и штаб, а мы, попив чаю, уже светло легли спать. Так идут мои золотые денечки. Моя утеха в чтении и писании писем. У меня исписана половина той черной тетради. Вижу с ребятами: М. И. Куликовым, А. П. Шонуровым. Читаю газеты, журналы. До свидания. Ваш брат Н. Г. Шалагин. Побывки до осени быть не может, а там будь что будет.

№ 200. *От 29 апреля 1917 г. Мое родителям.*

Здравствуйте мой любезный родитель и родительница, моя дорогая мамаша! Шлю Вам свое нижайшее почтение и с любовью низкий поклон. Меня хранит Господь за Ваши молитвы. Через далекое пространство протягиваю Вам свою руку и преклоняю голову, прошу Вашего родительского благословения. Живу пока хорошо, радуюсь за переворот жизни. Ожидая, что все это должно привести к хорошему. Гордость, зло, зависть, ненависть, коварство еще сидит почти в каждом человеке, но в некоторых сердцах уже светиться любовь, правда и сознание. Стремитесь к этому, ибо в этом счастье и учение Христа. По-моему мнению пока настанет это, много еще прольется крови и льется она большой рекой. Не будет время, настанет мир на всей земле. Что говорит откровение Иона Богослова? Пока настанет мир еще вступят в войну все народы остальные, еще не воюющие державы. Я высказываю свое мнение, на что дана свобода, и прошу от вас согласия или противоречия, прошу не стесняться ответить. Благодарю Вас папаша, мамаша, Пано, Гриня, Маня за посланный вами гостинец. Теперь сижу, пишу в лесу под деревом. Кругом комары и мошки, а временами и бом... Но делать нечего. Бренчит балалайка, под которую и танцы проходят, но горемычные, как при отправке новобранцы, запевают песни, заглушающие скуку. До свидания. Любящий Вас Ваш сын Н. Г. Шалагин.

№ 201. *От 3 мая 1917 г. Сергеева Е. Г.*

Христос Воскрес и Народ Воскрес! Да здравствует свобода лучезарная! Здравствуй дорогой крестник Коля! Шлю я тебе милой мой привет, крестный твой Елеферий. Прочитал содержание твоего письма и заплакал, потому что, милый, я все ведь испытал... хотя бы ты мне и не писал. Я все видел и наблюдал, каковы были твои взгляды и идеалы и стремления. У нас в Непотягове не было таких людей. Я твоему тятке говаривал и при тебе. Он еще при мне говорил: «Видишь, какой кислый растет?». А я ему на ответ: «Нет, неправда кум Григорий, вот подожди, тогда после и увидишь и меня помянешь». Моя, Коля, все правда. Теперь и твой Тятя согласен со мной, что я правду говорил. Из молодых никого не было таких, как ты, не с кем тебе было обмениваться мыслями. Помнишь прошлой год в Шуйском, что говорил ты, наверно, не забыл? Коля у нас в Вологде было торжество 1-го мая по новому стилю. Много было людей я не могу тебе и высказать... Более 100 знамен красных, Родные надписи: «Да здравствует всемирный праздник труда 1-го мая». Против городской думы был митинг, с балкона говорили ораторы. Прощай, Коля. Крестный Елеферий. (Копия этого письма переписана мною и послана его сыну Майору в отставке в Кировоград 7 августа 1968 г.)

№ 202. *От 6 мая 1917 г. Сестры Толи.*

Здравствуй дорогой брат, Коля! Шлю я тебе свой привет и с горячей любовью низкий поклон, желаю быть здоровым. Теперь письма приносят к нам в деревню только 2 раза в неделю (в понедельник и пятницу). Я писала, у нас нет никого на побывке, а теперь опять многие пришли. Сегодня в д. Яскино побывка, ребята все собрались к нам и пошли с гормонией. Теперь у нас пашут. Погода, хотя не очень теплая, на улице подсыхает. Сегодня и вчера валил снег, но сразу растаял. У нас в деревню дана казенная лошадь, так на ней и пашут, у кого нет лошадей. Тяти дома нет, они за д. Авдотьиным рубят дрова, у дяди Николая. До свидания брат, Коля. Сестра Толя. Посылаю 20 коп.

№ 203. *От 7 мая 1917 г. Кучерова Н. Н.*

Здравствуй, Коля! Как живешь? Вставши сегодня по обыкновению в 7ч., я загорел желанием поговорить с тобой, с тем который

близок моему сердцу, друг моего детства и отрочества и в настоящее время защищающий свободную нашу Матушку Русь, столь дорогую для нас русских людей родину. Думаю эта грамота с течением времени дойдет к тебе туда, где огнем все дышит, где река льются кровью, где жертвами кровавыми чуть держится земля, где развевается свободное красное знамя, где раздается грохот адских орудий, убийственный треск пулеметов и непрерывная ружейная стрельба. Я даже не могу и представить той адской суматохи, тяжелых переживаний, чувств, лишений, дум, которыми Вы подвергаетесь в настоящее время, которыми занято все наше русское, а может быть и всемирное войско. Да, грустно, заранее грустно! Что будет с Вами, что ждет Вас? Рука дрожит, душа рвется на простор в туманную безоблачную даль. В доме тесно, душно, жарко. Чутким сердцам нельзя отнестись ко всему мировому делу равнодушно: невольно оно начинает биться, рваться, тосковать. Те военные песни, составленные по поводу нынешней войны, знакомят нас, некоторым образом с жизнью солдата на позиции, с той лежкой в окопах, какой до войны занимались только медведи. Да, что? Житье медведя лучше житья солдата, борца, героя, аскета своего дела. Медведь не солдат, не круглый год лежит в своей берлоге (окопе), а только зимой. Чуть весна и конечно прошла зима, прошла и медвежья лежка, он теперь лежит, он свободен, любит и наслаждается своей, богом данной медвежьей жизнью. Но он ведь не человек, он скот, он находится в полном распоряжении человека, как более разумного животного существа, стоящего в умственном развитии далеко от медведя. Медведь живет лучше человека, не всего человечества, а некоторой группы, а именно солдата. Да! Вот как живет солдат, вот как защищается нашу родину. Этот образ жизни, эта защита родного отечества не может быть названа иначе как героизмом, а те серые люди, проводящие весь год в землянках и находящиеся каждую минуту в опасности умереть от прилетевшего германского чехомодана, героями. Честь и слава серым героям. Да хранит вас Бог! Затем до свидания. Жду с нетерпением ответа. Живу теперь в д. Непотягове. Нас распустили на лето 22 апреля, каникулы будут до 16 августа. От души желаю всего хорошего. Пиши! Твой брат Николай Кучеров. 1917 г. 7 мая воскресенье.

№ 204. *От 9 мая 1917 г. От Василия Ивановича Шалагина.*

Адрес В. И. Шалагина Действ. Арм. 2-ой Кранштадский крепостной пехотный полк. 8-ая рота.

№ 205. *От 9 мая 1917 г. Родителям.*

Христос воскрес! Мой родитель и любимейшая мать. Вы не будьте так унылы, верьте в Божью благодать. Уж давно, как Вам известно, здесь в окопах мы сидим. И на фронте повсеместно вражью хитрость сторожим. Надоело нам зимою без движения лежать. Сердце просится на волю супостата расчесать. Вы читали, чай, в газетах, просит мира супостат. Но другое на примете держит русский наш солдат. Он, горя одним стремленьем, разгромить в конец врага. ждет с надеждой и терпеньем, чтобы стаяли снега. Живу я по сие время хорошо. мы стоим на позиции в лесу, лес состоит из липы, вяза и других деревьев. Лес уже оделся полным листом, только в нем нет пенья и щебетания птичьего, потому что их всех перебили, а остальные не желают жить. Есть только лесные голуби, да еще по ночам кричит сова. Жить пока хорошо, хотя через голову летают снаряды, но это еще не для меня. По дням мы песни поем разные под балалайку, кто хочет тот пляшет. Здесь люди самые здоровые, самые веселые, через которых вся жизнь поддерживается, здесь проходят цветущие могучие годы от 20 до 40 лет. Им поручена тяжелая задача, которую они выполняют с самоотверженностью, не жалея своей жизни, сознавая, что в каждом отдельном лице заключена судьба России. Да, папаша предо мною теперь ясней и ясней предстает, что такое мир и жизнь человека, над чем я размышляю в свободные часы. Весь мир, вся вселенная, подобна морю, а люди все живущее, подобны воде, как море не может успокоиться навсегда, так и люди всей вселенной не могут не волноваться. До свидания! Сын Н. Г. Шалагин.

№ 206. *От 10 мая 1917 г. Марии Прокопьевне Швецово и другим девушкам.*

Коллективное от 3-х солдат с позиции. Адрес наш 3-ий Заамурский пехотный полк, 5-ая рота, 3-ий взвод: Михаил Иванович Куликов, Николай Григорьевич Шалагин, Александр Петрович Шонуров.

№ 207. *От 13 мая 1917 г. Александра Ксенофонтовича Шалагина.*

Здравствуй многоуважаемый племянник, Коля! Шлю свой искренний привет и желаю тебе от глубины души, Коля, всякого благополучия в делах ваших. Было время получал часто письма от

Митюшки, он был на румынском фронте и заболел, приехал в Россию, а теперь где находится неизвестно. Я, Коля, пока живу хорошо. опять были на позиции, стояли 8 дней, отстояли благополучно. а теперь стоим в резерве, но только в дивизионном, а скоро пойдем в корпусной резерв в г. Двинск. Теперь, Коля, житье хорошее, а мнение у солдат двойное, тот говорит-то, другой-другое, а в результате, что получается, не знаю. Я получил письмо от Николая Григорьевича Сергеева он мне пишет, что в деревне дела идут по-хорошему. Хлеб у богачей в волости весь конфисковали на «обсеменение» бедным и солдаткам. Недоразумений никаких нет. До свидания, Коля. Жду ответа А.К.Ш.

№ 208. *От 13 мая 1917 г. Родителям.*

Здравствуйте мои милые родители, шлю Вам свое сыновье почтение. Я по милости Божьей и за Ваши молитвы по сие время жив и здоров. Да признаюсь перед Вами, что 10 и 11 мая ночью пришлось смотреть смерти в глаза, но она, наверно, еще не нашла нужным умертвить. 10 мая пред потемками мы всех командой пошли на разведку, осталось несколько человек, чтоб согреть чай. Идти нужно за речку, через которую нет мостов. Она, хотя в настоящее время не глубокая, но широкая и быстрая. Идти нужно в брод по пояс, но все согласились, собрались и пошли. Мне отделенный велел вернуться по случаю того, что в одной гимнастерке, а прочие в ватных бушлатах. Я, подумав, решил идти, во что бы то не стало, от товарищей не отставать, которые, может, идут на смерть, и я с ними: все за одного, один за всех. Дошли мы до речки, нужно почти по пояс брести, а нас 60 человек, в том числе 2 офицера. Перешли мы на левый берег уже между передовых линий окоп и заграждений. Оделись и друг по за другу, возле, кустов, по кустам, по оврагам все вперед. Зашли мы уже достаточно далеко, чтобы впросак не попасть. Выбрали мы место вроде высокой межи и лежим. Посматриваем по сторонам, подобно кошке, подстерегающей какую-нибудь птицу. Лежали, потом заметили нашего злейшего врага, германца из стальной дивизии. Мы лежим тихо смотрим лишь через травинки, им нас не заметно, а у нас полная тишина в цепи. Против меня и моих боевых товарищей идет дозор 8 человек, т. е. люди, высланные от всей группы вперед. Шаг за шагом идут ближе и ближе, вот еще несколько шагов, и они лицом к лицу с теми, кого готовы убить. Может кто скажет, зачем вы идете вперед сами, чтобы вас убивали? Так, если мы не будем ходить в разведку, то они без опаски ночью

пойдут, побьют людей в секрете, все разузнают. Это недопустимо пока война, нужно воевать. Сердце мое не тронулось, в голове мысли мои неслись вереницей. Прощай мною уважаемые родители и мои любимые мною и любящие меня братья и сестры, может быть штык или пуля пронзит мою неокрепшую грудь... Но, прочь эти мысли, не время вам меня беспокоить. Много мыслей пронеслось, прошло несколько секунд. Враг перед нами остановился, почуяв пред собою что-то неладное. В тот же момент один из наших на правом фланге, где немцев цепь была на порядочном расстоянии, приподнялся и кричал: «Кто идет? Стой!!! Ни с места». В этот момент наша цепь из 60 с лишним человек... Продолжение в Васюткином письме. До свидания Н. Г. Шалагин.

№ 209. *От 13 мая 1917 г. Брату Васе.*

Здравствуй брат, Вася! Шлю низкий поклон пишу продолжение. Делают залп, второй, третий, несколько оглушительных звуков винтовочных выстрелов, притом еще бросили несколько бутылочных бомб. Начала бить наша артиллерия (по договоренности при уходе) по их передней линии, а их по нашей. Затрещали пулеметы и все через нас, мы оказались под огненным покрывалом. Немцы, конечно, от неожиданности растерялись им уже было не до стрельбы по нам. Мы должны были возвращаться к себе обратно. Германцы были перед нами на таком расстоянии, что штык был уже наднесен над моей головой, но до выкрика я себя не выдал. В немцев стреляли в каждого и они все 8 были убиты. Недалеко за немцами была цепь не меньше нашей, но сходить друг с другом в задачу не входило. Осветительные ракеты нам помогали ориентироваться собраться и отходить. Нам цветные ракеты «давали» приказ стрелять по окопам первой линии немцев. Когда мы дошли до речки, то оказалось, что один легко ранен. Каждый товарищ товарища знали и держались своих, как стоим в строю. Раненый был легко в ногу, значит для нас обошлось благополучно. В брод по пояс перешли, уже не раздеваясь, друг за другом. Пришли мы в блиндаж, где себя чувствовали в наслаждении и покое. Тут был готов чай и каша, переодели белье, попили, покушали, легли спать. 11 мая недалеко от нас упал снаряд большой в расположении блиндажей 1-ой роты. В блиндаже одного ранило в грудь, а второго в спину смертельными ранами, один жил 10 минут, 2-ой 5 часа, оба скончались, а на воле, 1 ранило в руку, перервало жилы. До свидания, Вася. Передай поклон знакомым, брат Коля. Продолжение в Сережкином письме.

№ 210. *От мая 1917 г. брату Сергею. Продолжение к письму.*

Сегодня идем на отдых. Встали, попили чаю и наблюдали за план немецкий, и один наш. В 10-м часу мы оставили свои жилища и пошли. Отошли версты 4 в тыл. Там уже поля зазеленели. Мировых жителей много, но почти только женщины и старики, детей Придя, мы разместились и пошли к протекающей речке, подобно нашему Шограшу. Ночь переспали. Долго ли простоем тут не знаю. Сегодня мы ходили на похороны тех двоих убитых. Это еще первые 2 убитые в полку нашем за время свободной России. Их похоронили с почестями, положенными в войске. Гроба несли на руках в церковь, была служба, но гробы были закрыты. Солдаты собрались со всего полка и был оркестр духовой музыки. На могиле пели певчие очень трогательно: «Вы жертвою в борьбе роковой» и потом: «Спите, орлы боевые». После обеда я получил Ваши письма и под вечер написал ответ. Прошу, пожалуйста, хранить письма или для меня, или на память Вам. Н. Г. Шалагин.

№ 211. *От 14 мая 1917 г. От папашки.*

2 часа утра. Милому и дорогому моему сыну Николаю Григорьевичу от Папашки и Мамаши. Низкий поклон посылаем и заочное родительское благословение. Вставши утром, я стал писать письмо тебе, потому что тревожит что-то меня. Получили 2 письма от тебя. Да, Коля Вы пишете в письмеце: «Дай тятя ответ на мое мнение». Мое сходится с твоим. Я думаю и вижу, что в людях нет любви и правды, как к Господу Богу так и к ближним. Мы увидели свободу, но не умеем пользоваться ей. Почему? Потому что нет сознания, то трудно выбраться на свободу. Дай Бог, чтоб выбраться. В народе сознание такое, как у Вас в армии так и у нас в матушке России. Идут на побывку есть «Супчики» и несут багажу домой пуда 4-ре кое-чего. Много таких есть, это не есть товарищи, а это хулиганы и не воины. Сами сыты, одеты, а товарищи голодные, раздетые. У нас каждый жалуется, что живется худо, того сего не хватает, но всего пока вдоволь. Потому и не хватает, что нет любви, согласия. Мне пришлось читать на святую пасху-«Деяние апостолов» про христиан и увидел, как жили они хорошо, не было между ними нуждающихся никого, делились между собою, кто что имел. У нас наоборот, друг у друга стараются украсть, вырвать последний кусок изо рта. Да, Коля хочется мне пожить, как следует, но не придется. А такая жизнь не мила. При такой жизни и смерть не

страшна. Мнение у нас одно. Ты живешь у смерти в руках, и я тоже не далеко. На все воля всевышнего товарища. Хочется увидеть тебя, может быть, и увидимся. Ото всех поклон и затем до свидания дорогой и любимый сын Коля. Твой родитель Г. Шалагин.

№ 212. *От 16 мая 1917 г. Поли Васильевой.*

№ 213. *От 2 мая 1917 г. Мое маме.*

Здравствуй любимая мамаша, шлю Вам сыновье почтение и с любовью низкий поклон. Мама, письмо Ваше получил за которое Вас благодарю. Еще больше благодарю за посланный Ваш гостинец. Я слава Богу живу хорошо. милая моя мамаша, Вы не тоскуйте обо мне. Если бы Вы могли читать, то знали бы мой каждый шаг, я бы писал Вам письма каждый день. Вот уже 7 месяцев, а точно вчера, я вижу тот день, когда я прощался с тобою и всеми моими родными. Я видел в последние минуты тебя, моя родительница; и сестру свою веселыми на вид. Этот веселый взор последний Ваш и вижу перед собою все время. Благодарю Вас за исполнение моего желания, при прощании не плакать. Это Ваше исполнение влияет на мое настроение. А когда прощался со мною тятя, я заметил его волнение и самому мне сделалось грустно, из самой глубины груди моей рвалась горесть, которую я заглушил, не выпустив на волю. Я его проводил частыми взглядами до места, где стояла лошадь. Я уже не раз получал в письмах то, что при чтении писем плачет. Из этого я вижу что при разлуке любовь разгорается. Я скучаю, но тешу себя надеждой на ту великую радость, которую ожидаю получить тогда, когда увижу все то, что мило для сердца. Затем родная до свидания. Любящий тебя, твой незабвенный сын. Н. Г. Шалагин.

№ 214. *От 17 мая 1917 г. Мое родным.*

Здравствуйте мои дорогие родители! Шлю Вам свое нижайшее почтение и с любовью низкий свой поклон. Я редкую ночь во сне не вижу себя и пробудившись вижу себя опять в этой постылой обстановке: австрийцы, их взгляд, физиономии, обычаи, разговор, одежда, их белые мазаные халупы, к которым нельзя прислониться ни внутри, ни с наружи, то все белило останется на гимнастерке. В субботу они опять подбеливают. Мне это все уже надоело. 9 месяцев я здесь хожу с места на другое место, не зная, когда я увижу

опять милых родителей. Я пока на отдыхе, простои́м суток 7. ~~Вот~~ ^{Вот} мая уже в 4-ый раз иду на позицию, что там не будет, на все ~~воля~~ ^{воля} Божья. Если вам придется услышать, что сын ваш любимый ~~убит~~ ^{убит} на разведке, то я вам советую не принимать это горе, а ~~принять~~ ^{принять} за радость, потому, что вами воспитанный сын умер спасая своей кровью родину. Дело его не помрет во веки, когда кончится война, таких сынов России и будут помнить потомки, воспевать в своих песнях. Я теперь нахожусь в команде, которая своей храброй работой прославилась очень широко. Вчера приехал командир корпуса и эту горсточку людей, т.е. нашу команду благодарил. Начальнику команды приказал за малый подвиг представлять к георгиевскому кресту и георгиевским медалям. Вы пишете, что 28 апреля еще несет снег, дождь, пахать не начинали. Здесь я вчера прошел по полю, рожь в 5 четвертей вышины и колос уже есть, яблони давно уже процвели. К нам прибыл армейский депутат, выборный от армейского комитета. Он был в Петрограде, беседовал с министрами и он много нам рассказал. Он уже был депутатом на фронтовом съезде в чине подполковника, фамилия его Глебов. Речи его были все одобрены, при окончании его качали с криком: «Ура!». Сейчас предо мною раскрыт весь белый свет. Теперь я уже перестаю себя считать маленьким и смотрю на жизнь полными глазами. Я много вижу, много слышу, много думаю, ум мой развивается. Считаю правильной: «Больше слушай, меньше болтай». Сегодня годовщина моего призыва, я смотрю на свой дневник, который я еще не бросил писать. До свидания. Ваш сын и брат Коля.

№ 215. *От 19 мая 1917 г. Кучерова Н. Н.*

Здравствуй брат Коля! Ты просишь описать про настоящую жизнь деревни. У нас никаких насилий нет и не происходит. Барскую землю, например, у нас силой не запахивают. Пашню яровую сейчас кончили. Пашут под семя и готовятся садить картошку. Погода стоит теперь теплая, только что начинают распускаться на деревьях листочки. Вот скоро и троица, скоро год твоей солдатской службы. В деревне теперь очень-очень скучно, ни души. Ребят никого нет. Гулять ходить и подумать некуда. Сходишь к Вам и только. Жизнь деревенская идет своим чередом, как и раньше. Только все вздоржало. Муку белую даже у нас выдают по карточкам по 4 фунта в месяц на человека. Чай скоро, наверно тоже будут выдавать по карточкам. Скоро Троицин день. Мы настраиваемся с Вашим Васюком и Колюком Петровым идти к Троице гулять во Дмитреев-

скос Дивнево, Пилатово. Сам ты знаешь, в каких деревнях Трои-
цин день. В Николин день, например, в Нагорьеве и других дерев-
нях какие были запасы раньше муки-то белой!!! Тогда в праздник
и пирожки были белые. Сейчас напекли каких-то яшных мушников
да с тем и праздник провели. Да, прошло то золотое времечко, сла-
ва богу хоть переводится дворянское времечко. До свидания. Жду
ответа. Пиши. Твой двоюродный брат Николай Кучеров.

№ 216. *От родителей и сестры Толи.*

Милому и дорогому нашему сыну. Шлем родительское заочное благословение. Живем пока хорошо. Сережка конопатит, Васютка пашет, Толя шьет, чулки вяжет. В троицу Митюшку Егорова Нагорьевского избили и изрезали, должно быть не оживет. В народе сознание плохое нет любви и согласия. Одни увеселенья в народе и даже буйства. Яровое посеяли. Картошка не посажена. Картошка один мешок стоит от 8 S до 7 S. завтра едем в город. До свидания. Твой батюшка Григорий Шалагин. Дальше пишет сестра Толя. Здравствуй дорогой мой брат, Коля. Шлю я тебе свой привет и с любовью низкий поклон. В троицу переходили из деревни в деревню: в Ивановское, в Пилатово и Дмитриевское; Юрьевские и Каровайцевские переходили в Звягу... Все деревни вместе — в д. Звягу. В первый день Троицы зашел скандал. Пришли ребята кое из каких деревень колотить Дмитрия Егорова Нагорьевского. Нанесли 11 ран больших, потом колотили колом и тростями, полумертвого увезли в больницу. Еще отколотили Дмитрия Стрельцева, тоже очень люто. До свидания брат, Коля. Сестра Толя.

№ 217. *От 23 мая 1917 г. Мое домой.*

Здравствуйте многоуважаемые мною родители. Шлю Вам свое сыновское почтение и с любовью низкий поклон. Шлю поклон также и моим братьям и сестрам. Я получил посланные Вами деньги 12 руб. Остаюсь Вам сердечно благодарен и целую. 19 мая я отдыхал, пришел на позицию, расположились в деревне, я уверяю Вас, что лучше на позиции, чем у Вас в России. Здесь все лучшие мужчины родины, которые сильны, здоровы и веселы. Вчера 22 мая была свадьба, на позиции женился батарец на полячке. Был устроен стол, присутствовали почти одни солдаты и несколько женщин, т.е. сестры милосердия и подружки невесты. Потом в лесу возле ручейка был устроен театр в честь солдатского праздника. Построена сцена, которая

огорожена большим шатром. Там была большая масса солдат. Они сидели напротив сцены не отлогом берегу ручья, так, что всем было видно. Выходили плясуны, куплетисты и песельники. В многолюдной толпе были 4 оркестра духовой музыки, они играли по сменно. По ту и другую сторону шатра кипели кубы с кипятком. Раздавали бесплатно сахар, белый хлеб. Собрались из 4 полков. Это такая масса людей, что каждая деревня набита солдатами, каждый лес и овраг ископан блиндажами. Повсюду и везде люди, люди, которые призваны защищать родину. Одни здесь переходят с места на место, живут уже по 3-му году, другие были ранены, излечились и опять здесь. Живут, зная только, что я на войне должен воевать, убивать врага. Он без думы и труда получает все необходимое. Пищу привозят каждый день, точно с неба валится. Изорвутся ли сапоги он получит. Гимнастерку, шаровары, белье, портянки тоже, месяц пройдет жалование получают. Было 75 коп., а вот будет 1 июня 7 руб. 50 коп. Солдат стал цениться на много дороже. До свидания, сын и брат Коля.

№ 218. От 24 мая 1917 г. Моей маме.

Здравствуйте родившие и воспитавшие меня родители, мои братья и сестры. Из далекой чужой страны Галиции шлю Вам сердечный привет и самые хорошие пожелания. Я тоже по милости Божьей жив и здоров, что считаю всего дороже. Нужды я ни в чем не вижу, на необходимое деньги имею, белья достаточно. Пропитание идет в достаточном количестве. «Отечество в опасности» — говорит в своих речах военный и морской министр. Он призывает к объединению, к порядку. И говорит для достижения прочного мира — всего мира нужна еще война. Россия объявила Германии мир. Враг не соглашается на предложенный мир без аннексий и контрибуции, т.е. без захвата чужой земли и без уплаты за утраты. Для того, чтоб заставить Германию согласиться, нужно наступление, а наступая, нужны человеческие жертвы. А получивши свободу бывавшие на войне и ходившие в бой из-под палки говорят: «Мы уже были», — а сидевшие в тылу, поглядывая через чужие спины говорят дорожа за свои шкуры: «Ежели меня убьет, так на что мне и свобода». До свидания, любящий Вас сын Коля. Здесь между нас находящихся, и царит любовь и братство, нет ни счетов, ни расчетов, одна большая семья, потому что смерть над головами. Придет то время дорогое, когда я буду между Вас. Опять увижу Вас родные, что не отнимется от нас. Настанет мир, я дома буду счастливым, чувствуя себя. Любезный папаша домой я не могу приехать, телом и душою, я большую часть с Вами.

№ 219. *От 24 мая 1917 г. От товарища.*

№ 220. *От 26 мая 1917 г. от Кучерова Н. Н.*

Здравствуй, Коля! Как живется? Что касается общественной жизни, то она идет своим чередом: никаких насилий в роде своевольной запашки барской земли. Все тихо, смирно. Завтра в воскресенье 28 мая, у нас в Народном доме будет митинг. Погода теперь у нас стоит очень благоприятная. Тепло, вчера с утра, так часов до 12-ти, был дождь. Хлеба растут. Овес теперь уж взошел. Лен тоже все посеяли. Теперь сажают картофель. Коля, передай поклон Михаилу Ивановичу и Сануку Шанурову Пилатовскому. Пиши ответ, жду с нетерпением. Писать уж теперь лучше на наш волостной комитет. Пиши. Письма мне твои нравятся, описывай подробно свою жизнь. До свидания. Остаюсь любящий тебя брат Николай Кучеров.

№ 221. *От 26 мая 1917 г. Мое сестре Толе.*

Здравствуй уважаемая сестра Толя. Посланные в письме деньги 35 и 20 коп., я получил, сердечно Вам благодарен. Боев пока у нас нет, но недавно ходили в ночную разведку. Хотели перейти вброд речку, но на противоположном берегу увидели неприятеля и не пошли. Залегли на берегу и наблюдали. Показались они из-за кустов, а мы по ним залпами. Они ушли в кусты, потом они через короткое время по нам... Мы прилегли к земле, а пули только «жик, жик!! Вот думается сейчас заденет. Лежишь и опять стреляешь, потом по кустам пошли, озираясь, обратно, а ночь была светла, точно день. Утром спишь себе до обеда. Пообедаешь, ведро чаю согреешь. Почитайте в газетах, как поступают немцы, когда отступают, гонимые французами и англичанами. Они перед уходом назначают спецотряды, которые снабжаются взрывчаткой и взрывают дотла цветущие когда-то деревни и села. Это они делают в настоящее время, когда Россия объявила мир без аннексии и контрибуций. Погода здесь теплая, часто бывают громы и дожди. Гигантские орудия гремят намного сильнее и вылетающие из них молнии — не искра, а 30 пудовый снаряд, поражающий десятки даже сотни человеческих жизней. «За годом год летит вперед и исчезают силы. Так не заметишь жизнь пройдет и ты уж у могилы». На сколько правильны эти слова, кем то сказанные. Остаюсь жив и здоров. До свидания, сестра Толя. Брат Коля.

№ 222. От 28 мая 1917 г. от В.В. Швецова

№ 223. От 30 мая 1917 г. Мое сестре Толе.

Здравствуй сестра, Толя! Шлю Вам привет, а с приветом стишок собственного сочинения. Толя я вам признаюсь в том, что мне становится жить плохо. Теперь говорят: «Я свободен, делаю то, что мне вздумается», хотя он свободы и не добивался. Теперь отправят эшалон солдат на позицию, и они пока едут все разбегутся. До места назначения идут пустые вагоны, убежавшие творят безобразия. Наступать необходимо, но даже и здесь многие против него, они дорожат за свою шкуру, а которые в России, не знающие войны, действительно страшатся. Теперь воевать бы можно, снарядов у нас много.

К нам по газетам слух идет,
в России безобразье.
На фронт поехать не хотят.
Эх! Это как печально.

Нас от несчастья спасти
лишь может наступленье.
Но всяк теперь — хозяин, сам
скажу вам в возмущенье.

На фронт отправят, повезут,
дорогой разбегутся.
Сюда пустой вагон придет.
Вот с ними и воюйте.

А кто доедет, то он здесь лишь
народ растравляет.
Он сам не хочет воевать
и друга унимает.

Зачем теперь говорит идти нам в наступленье?
Когда свободы дождались.
И тот вошел в сомненье.

Так разногласится у нас.
Теперь среди масс солдатских
одни не хотят наступать
и ждут тех дней несчастных.

Другие хотят наступать
себя сами не жалея,
Сейчас идти готовы в бой
за родину болея.

№ 224. *От 1 июня 1917 г. Ю. К. и М. В. Мизгиревых.*

№ 225. *От 2 июня 1917 г. Мое Коле Кучерову.*

Здравствуй брат Коля! Сегодня мы получили по новому жалование за 2 месяца по 7 р. 50 коп. Сегодня перешли с позиции на отдых. Если не будет наступления, то простои́м дней 14. Когда мы пришли и разместились, поймали 4х австрийцев и германцев. Они пленные и убежали из Киева в свое государство. Их под конвоем отправили в штаб полка. Погода здесь хорошая, рожь цветет, на яблонях уже яблоки большие, трава годна для косьбы. Вчера наши солдаты прибежали из австрийского плена 6 человек и рассказывают, что их несколько тысяч работают под Станиславом, роют окопы. Пишу стишок соответствующий старому режиму. Вечер вечерееет, орудия гремят, а бедные солдаты, в окопах все сидят. Летит снаряд германский, жужжит, как аэроплан. И каждый из нас знает, что это «чемодан». Вот станет чуть смеркается, на сердце веселей. Мы выйдем из окопов, вздохнем свободней. Пойдем тогда в ложину, согреем кипятку, с каким мы аппетитом, попьем тогда чайку. Федьфебель, как бывает орет во весь свой рот. А ротный возле кухни давно по мордам бьет. Стоим мы возле кухни, поджавши животы. Голодные, холодные опять в секрет иди. Отбиты все атаки, спустили все курки. Винтовки по бойницам, а сами отдохни. Мира не дожидаться, проходит третий год. А кто же виноватый? Всё бедный наш народ. До свидания. Ваш брат Коля.

№ 226. *От 4 июня 1917 г. Мое родителям.*

Здравствуйте мои дорожайшие родители! Нахожусь на отдыхе. Из блиндажа перешли в деревню, разместились в халупе. Команда 80 человек, кухня в своем распоряжение. 2 июня получили денег 2000 руб. на всех за 2 месяца — жалованье. В деньги играют кружка 4ре, а остальные в разные безденежные игры. Это происходит день и ночь, и все время не осудите прошу, любезные родители. Здесь деньги почти не имеют никакого значения, как начнут играть,

так сотни переходят от одного к другому. Что купить нужно: ~~молока~~ ка, яиц, белого хлеба, то не считаются. Одни купят, все ~~кушают~~ кушают. Жизнь наша такая здесь, сейчас сидим пьем чай, а слух идет наступать будут, через час или два. Говорят и смерть можешь ~~получить~~ получить, ну что тут жалеть, из за чего ссориться будешь? Настроение на ~~фронте~~ фронте хорошее, мое сердце радуется, пришла телефонограмма, опросить солдат, кто согласен наступать? У нас в команде все ~~согласны~~ согласны и даже рады, хоть сейчас идти, помереть или воевать, чтобы был мир всего мира на долгие годы. Вы наверно слышите, что сформированы роты добровольцев женщин, которые скоро пойдут на передовую линию с винтовкою на плечах, это сознание долга перед родиной. Прошу Вас клеймите презрением тех мужчин, которые боятся и скрываются от войны, не скрывайте дезертиров. Нужно всем за одного, а один за всех, тогда только мы можем добиться мира и зажить до того нам неизвестной блаженной жизнью. Может мне придется видеть то время, когда воины с фронта будут идти к своим родителям, женам и детям, по устанным цветами дорожкам и будут носить их на руках, когда настанет долгожданный Мир. До свидания. Ваш сын милые родители.

№ 227. От 4 июня 1917 г. Сестры Толи и тети А. А. Кучеровой.

Здравствуй дорогой брат Коля! Получили фотокарточку пленного австрийца. Милый племянничек, я молю Бога, чтобы Господь спас тебя. Твоя тетя Александра. Я писала это письмо у тети Александры. Рожь, хотя не очень высокая, уже колосится. Яровое еще только всходит. Мама ушла в город. Тятя и Сережа ушли на Курмашево (пустошь косить). Васютка уехал в д. Дивнево пахать матери Кости Иванова. Володя Сергеев был на побывке и говорит, что они недалеко от вас стояли в 8ми, а теперь верстах в 15ти. Пиши Коля письма чаще, если возможно, мы ждем с нетерпением, особенно мама. До свидания брат Коля. Сестра Толя.

№ 228. От 6 июня 1917 г. Брата Васи.

Здравствуй дорогой и любящий мой братя! В троицу плохо было гулять. Приходило человек 30 разбойников из близлежащих деревень от Пранина. 3 зарезали в Богородской волости, в Ефилеве одного, а у нас Митюху Егорова отколотили, но выжил. Да чуть и мне не попало, да все моей палкой. Ну братя, как хочешь да приезжай на побывку, я ведь тебя каждый день жду, потому что ни еди-

ный солдат ни писал, что вот я еду и вдруг не едет, а катит поменьку. Мне даже станет обидно, что ребята ездят, да все с «прибаблом»: «Я говорят, сейчас здесь, да туда доеду и обратно». Вчера я ездил в д. Дивнево пахать, да навоз вожу, а тятя ушел на Красное Дрова рубить Сергею. Вечером пошел на крыльцо посмотреть дождя, потому что давно не видал. Только сел на крыльце на поперечину, вдруг как осветит у нас в заулке и грянуло. Нас на крыльце было 4ро: я, тятя, мама и няня (Евстолия). Мама ведро ставила под застрех, мама повалилась, няня с коромыслом в крыльце, я тоже свалился, не помню как в крыльце очутился, уши ровно горят, глаза тоже, голова заболела. Вологду и тебе не узнать, на сполье, как в город ты приедешь на право в стороне огорожено место и тут лесопильный завод. Дрова пилят, здесь паровоз ходит и от моста большого проведены рельсы по нашей дороге и на сполье. По ту сторону на Галкинскую улицу тоже идут линии. Так я не знаю уже и за барьером тоже паравозы. Да, братья опиши чем тебя кормят. Я вот ездил в пятницу в город с сеном, а поесть нечего. Нет пряников, ничего кроме хлеба. Вот праздник скоро, а муки белой нету. Придется в праздник пестерку взять, да в Авдотино идти собирать на бедноту. В грозу у дяди Николая Кучерова под окном всю березу изщепало. До свидания. Остаюсь, жив и здоров, того и тебе желаю. В.Шалагин.

№ 229. От 6 июня 1917 г. Коли Кучерова.

Мы живем, слава Богу, хорошо, по сравнению с героями, проводящими всю жизнь, т.е. круглые сутки в землянках. Нового у нас почти ничего. Вчера, Коля, у нас в Непотягово была гроза. Тучи начали выходить из-за Занинской. Тучи приблизились ближе и вдруг осветило, и сильно грохнуло. Молния ударила у нашего старого дома в березу. Береза эта стоит у черемухи по ту ее сторону, т.е. к лавке. Березу всю расщепило на части, корку всю ободрало. Сегодня все ходят на нее смотреть. Толя сидит у стороннего окна и чего-то пишет. Шурка напевает, что-то в сених себе под нос. Тетя Елена сейчас приходила к нам в большую половину, да ушла. Вот скоро у нас и праздник «Кириллов день». О том, как он пройдет, я постараюсь тебе написать. В это воскресенье у нас в Народном доме будет митинг. В это воскресенье ходили к Заненской играть в лапту. Ходили на Бычиху, но пришли туда уже поздно в шестом часу вечера, все уже почти там разошлись по домам. До свидания. Твой брат Николай Кучеров.

№ 230. *От 7 июня 1917 г. Мое сестре Толе.*

Много я имею интересного, но не осмелюсь написать, потому что я не хотел бы выяснять это с кем то кроме Вас. Это будет пока тайна, когда увидимся поговорим...

№ 231. *От 8 июня 1917 г. Мане Швецовой.*

№ 232. *От 9 июня 1917 г. Мое родителям.*

Здравствуй мой дорогой родитель. Я жив и здоров, нахожусь на отдыхе. Вчера мы сошлись Мишуха Иванов и Василий Даниловский. Я им прочел новости из домашнего письма, поговорили долгое время, вспоминали, что завтра предвидится праздник. Вчера мы уже пробовали яблоки, они наподобие Непотяговских, а в свое время будут московские. Сегодня я прошелся по полю, здесь хотя людей немного, но оставшимися крестьянами засеяны поля пшеницей и рожью. Рожь переливается точно волны, колос уже процвел. К концу июня, наверно, уже будут жать. Ждут наступления, которое повлечет за собой много жертв, но это во имя свободы, во имя равенства и братства, чтоб не были так дики люди. Как бьют брат брата в мирной жизни. Чтоб на святой Руси было образование и сознание, но на это потребуется еще десятки лет, когда молодое поколение воспитается, будет цвести цветом новой жизни. Папаша передай поклон мамаше и братьям с сестрами. Остаюсь пока жив и здоров и Вам того желаю. Ваш сын и брат Коля. Живите, не тужите, да меня вы ждите.

№ 233. *От 10 июня 1917 г. Папаше мне.*

Милому и дорогому нашему сыну от родителей твоих. Да хранит тебя Господь на долгие годы. Праздник провожали весело, пиво варили все, даже и у нас. Слышно много песен, народу было много. Не унывают, потому что сыты, не думают, что мужья, братья, отцы на поле боя погибают. Пьют, которые с учета сняты, которые не соответствуют службе. Да Коля, как вы пишите об трех разведках, были лицом к лицу со смертью. Говоришь, что нет страха, да не надо и быть, потому что наша жизнь кратковременна, нечего ей много и интересоваться. У нас в деревнях нет сознания, нет любви, нет согласия, поэтому нет и порядку. Живем как зверье лютное. У нас коса стоит 6 рублей, вилы навозные 3 рубля. Тетя Любава Васи-

льсвна Большакова у нас в гостях, низко кланяется. Коля моя жизнь пришла не радостной и теперь идет не завидная. Мечтаю идти по пути твоему, сына милого. Был и в то время, когда поехал на службу, сознательным. Теперь я вижу полное сознание в тебе. Я сам испытал военную службу немного, 2 месяца, но все-таки помнится, мне понравилось. До свидания! Сейчас дописываю, а два Николая Серов и Кучеров лазают на рябину на руках. Г. Шалагин.

№ 234. *От 11 июня 1917 г. Коле Кучерову.*

Здравствуй уважаемый мною брат Коля. Я жив и здоров по-прежнему. В настоящее время нахожусь в деревне на отдыхе, около 16 июня пойду в 5 раз на позицию. Австрийская деревня раскинулась по лощинам, кругом одни белые мазанки (халупы), построенные без всякого порядка. В каждой халупе не менее 30 человек солдат и жители: газды — мужчины и газдыни — женщины, еще хлопцы от 15 лет и ниже, а также дивчины. Они работают в поле, сады. Имеют коров, за которыми день и ночь за хвостом ходят, а то солдаты на порции переделают. Поля засеяны рожью, которая уже процвела, скоро жатва будет. Пшеница, картофель, лук, фасоль, кукуруза — все это здесь посеяно уже давно. На яблонях яблоки еще не совсем спелые. Вот такая масса солдат везде и всюду на поле, в лесу и деревне. Пищу подвозят для этого обозы 1го и 2го разряда, варят здесь. Вдобавок покупают привозимые в лавочку сало, колбасы, печенье, яйца и тому подобное. У австриек покупаем молоко, солдатский котелочек 80 копеек. Сейчас мы в отделении 13 человек, кипятим ведро чаю и котелок молока, молоко вливаем в чай. После получки играют в деньги день и ночь. Получили каждый не менее 16 рублей. Игры доходят до больших размеров, 40 р. на банк ставят, а банк снимают уже сотни. Теперь уже в безденежные игры играют, любимая в подкидного и в 501. с фронта доносятся выстрелы винтовок, а батарея наша бьет возле нас, слышны и видны разрывы. Неприятельский аэроплан нападает точно ястреб на аэростат. Вчера но зажег халупу снарядом, наверно убил кого-нибудь в недалеко стоящей от нас деревне. Пишу стишок из № 20 «Вестник»:

Завтра!

Будь готов солдат свободный

Будь готов, как часовой!

И на призыв всенародный,

Дай ответный завтра бой...

Блеском молнии горючим
Ослепит глухих ряды
И побед ручьем кипучим
Смоет наши не лады!
Русь единая восстанет
Все свободны на Руси
Если гром над немцем грянет.
Пальму мира разнеси!
А теперь вперед лихие
Будьте вольны, но дружны
Пусть пробудятся глухие
Подвиги теперь нужны!

Я готов идти на подвиг вперед. Наступление, наверно, будет в скором времени. До свидания брат Коля.

№ 235. От 11 июня 1917 г. Сестре Толе.

Здравствуй сестра Толя! Здесь хотя война, но люди живут давно и все живы. Я здесь тоже уже 4 месяца скоро и от врагов был на метр. С позиции уходить не хочется здоровым потому, что все сейчас сознательные и любящие друга своего люди, как сам себя спешат на фронт, а не с фронта. Ведь нужно же отстаивать родину или лучше сказать Вильгельму, что возьми нас, делай что хочешь с нами. Раньше он братался, а теперь, как ненужно стало, то он иначе начал брататься, как начал вчера бить по деревушке снарядом и шрапнелью. Здесь живут также как и у нас в Непотягове, только народу больше. Деревня полна солдат. В огородах посажен лук, чеснок, капуста. Яблоки с яблонь уже кушать можно, их конечно от солдат не спасешь, но их хватает. До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Остаюсь жив, здоров и Вам того желаю. Брат Ваш Коля.

№ 236. От 12 июня 1917 г. А. К. Шалагина.

Здравствуй дорогой племянник Коля. Шлю Вам искренний привет и пожелание всего наилучшего в жизни вашей. Письмо тебе пишу второе. Из роты выбыл в свой праздник 9 июня в Кириллов день. 9 июня нам был смотр и меня назначили враз на комиссию, признали больным и теперь иду на 2 месяца на поправку домой. За 19 месяцев моей службы, встречается первая радость. Новостей Коля никаких нет, а новости Коля теперь все предстоят впереди. До свидания Коля.

№ 237. *От 13 июня 1917 г. Мое родителям.*

Здравствуйте уважаемые мною родители, братья и сестры. Наши войска призывают к наступлению. И наша дивизия переходит в другой корпус и другую армию. Сегодня наш полк был выстроен, приказал командующий армией и ясно сказал: «На днях вы получите приказ идти в наступление, надеюсь, что честно выполните свой долг». Этот генерал и прошлыми боями командовал, попал в плен, убежал, теперь опять будет командовать. Солдаты крикнули «Ура!» под звук музыки. Потом на каждую роту и команду выдадут 3 креста 5 медалей, они конечно пойдут старым солдатам. Стояла саперная команда, потом музыканты с трубами, а за музыкою мы — команда разведчиков, а за нами роты. Вдруг вверху загудело, вероятно падающая от снаряда большая гильза. Вот пугливые из саперной команды побежали в сторону, в рожь. Разведчики даже шагу не сделали, да куда и зачем. На днях наступление! Если я буду жив, то услышу гром! Гром военный, как в одно время загремят сотни и даже 1000 орудий, от звука которых земля задрожит точно от сильного небесного грома. Многим грудь пронзится пулей и осколком. Многим будет оторвана нога, рука и так далее. Лучше помереть здесь, чем в хулиганских драках дома. Следите в газетах юго-западный фронт, Галич и Stanislaw, тут будет ваш сын сражаться за родину и свободу, с твердой верою и решительностью в победу. До свидания. Коля.

№ 238. *От 15 июня 1917 г. Сестре Толе.*

Здравствуй уважаемая сестра Толя! Шлю Вам свое братское почтение. Получил 5 писем: Ваше, Коли Кучерова, Коли Серова, В.В. Швецова и Ю.К. Мизгиревой. Я вам на память шлю отсюда фотоснимок в близи позиции, где при снимке летит над нами неприятельский аэроплан, в стороне близко от позиции и бьет артиллерия. Я снялся здесь со своими товарищами, с которыми живу куда лучше, чем живут братья с братьями. Я с ними страдаю и радуюсь. По правую мою сторону стоит тот человек с которым в то время я лежал рядом в цепи, когда мы в ночное время в разведке соткнулись с неприятелем лицом к лицу. Между нами выше всех это мой взводный командир, а с 2мя крестами лежащий федьфебель, по левый бок — отделенный. Завтра переходим на другое место. До свидания. Сын и брат Коля.

№ 239. От 15 июня 1917 г. Кучерову Н. Н.

Здравствуй брат Коля. Сегодня получил 6 писем от разных лиц. В настоящее время я на отдыхе, каждый день собрания и жизнь на фронте — ключом. В настоящее время готовятся к наступлению, есть все-таки разногласия между солдатами. Большая часть готова идти в наступление. Войска, находящиеся на фронте всем удовлетворяются. Жалованье за 2 месяца по 7 р. 50 коп., хлеба, табака и прочего достаточно. Завтра я в пятую смену иду на позицию. Жизнь мне здесь нравится, потому что бывают моменты когда переживаешь нечто невероятное и вам неизвестное. Придется услышать, как загрохочут орудия, бросающие 24 пуда снарядов на далекое расстояние. Это должно полететь все через голову в сторону противника, а со стороны противника тоже полетит и уже может прилететь в голову. Коля я теперь член мировой войны от которой зависит война или мир. В настоящее время здесь из-за воды плохо, в ключевых колодцах вода не успевает накапливаться. У колодцев очереди. В разведку пойдем за окопы в промежуточное пространство — между 2х огней. До свидания. Брат Коля Шалагин.

№ 240. От 16 июня 1917 г. Мое Кучеровой А. А.

Здравствуй уважаемая тетя Александра (сестра мамы). Я знаю, что вы читаете мои письма, посланные домой и вашему сыну Коле и знаете как мне живется. Я призираю и всем велю призирать тех людей, которые боятся фронта, бегут в глубь России, нарушают общественный порядок, прячутся за спину умирающих на фронте товарищей и мешают нам работать. Вместо того, чтобы часть солдат отпускать в отпуск, должны возить вперед и назад дезертиров. И наконец прекратить вынужденные отпуска, чтобы доставить необходимое в армию. Дезертиров насчитывается около миллиона. Это изменники отечества, они подрывают корни падающей родины. Кто любит родину, то пусть идет сюда, кто не может придти, то помогают чем могут. Сознательные женщины обучаются в Петрограде и скоро будут отправятся на фронт в передовую линию. Они называются 1ый женский батальон смерти. Постыдитесь трусы мужчины, дезертирующие. До свидания! Племянник Коля.

№ 241. От 17 июня 1917 г. Мое брату Вася.

Здравствуй любезный мой брат Вася. Настает время более тревожное. Толки о наступлении более и более приходят к действию.

тельности. По ночам стали здраво стрелять, бьет артиллерия. К нам на участок сегодня прибыл батальон смерти, у которых на руках окопника с рисунком человеческого черепа. Они идут добровольно в этот батальон, они первыми пойдут вперед после артиллерийской подготовки. У меня все человечество, населяющее всю землю, перед глазами. Я вижу хитрую, коварную Германию с ее правителем Вильгельмом и ее самолюбивым народом. Я вижу борющихся изнемогающих сербов и бельгийцев. Вижу Австрию, Болгарию и Турцию, которые теперь не знают, что делать, но увлеченные ранее увещеванием Вильгельма, теперь его держатся. Вижу наших союзников Францию и Англию, которые борются сами и нас призывают. Борются за независимость всех народов, за свободу, против того непокорного германца. Еще напор и непокорный враг будет сломлен, и тогда настанет мир во всем мире. Ваш брат Коля.

№ 242. *От 18 июня 1917 г. Родным.*

Здравствуйте уважаемые родители. Шлю Вам свой низкий поклон. Нахожусь, где окопы наши и вражеские, близко. Представьте себе площадь, изрытую глубокими канавами, в которых живут целыми годами солдаты окопники. Вот прошлой ночью я имел счастье пробывать в них, чтобы заменить товарищей. В них грязновато. Мы всю ночь устраивались, а через окопы пули жужжат, напевают свою песню. Утром привезли обед, за ним нужно идти по ходу сообщения через реку, в гору, потом леском. Пока несешь он весь сболтается, застынет, и его пролить успеешь, а не прольешь, так со стен окопа земли наберешь. Это все пустяки. Главное придется, если жив останусь, вылезти из окопов, идти по открытому полю, по которому точно в жаркую погоду снуют насекомые, пули и сверху шрапнель и снаряды, нужно перейти несколько рядов проволоки, занять окопы первой линии, второй, третьей... Вправо верст за 35 идет наступление уже не первый день. Об этом вам будет слышно из газет. Гром орудий так слышен, что лучше не надо. Этот гром скоро будет около меня. Возле меня находятся мои товарищи Миша и Шура. Прошу обо мне не скучайте и вам помирать придется, а Бог даст еще и увидимся, прощайте. Шлю вам в подарок окопной земли. Коля.

№ 243. *От 19 июня 1917 г. Коле Кучерову.*

Здравствуй сердечно уважаемый мною брат Коля. Писать стремлюсь всей душой, а отправить удастся или нет, не знаю. Такова моя

жизнь в настоящее время. Сейчас через голову снаряды с шумом пролетают и падают не очень далеко. Вчера я ходил в секрет, где мог бы быть убит. Часа в 2 ночи сменились совсем отсюда, т. е. из окопов. Перешли на другое место, где рыли окопчики до утра. Ночью спать здесь не приходится. Днем только ляжешь, но не заснешь, если выстрел или разрыв. Если утомишься, то и разрыв не разбудит. Коля, все это вам не понять, пока сам не увидишь, не испытаешь. Здесь стреляют, снаряды рвутся близко, ранят, убивают. Сердце человека ощущает страх в момент полета снаряда, мимо которого он летит, потом, разорвавшись вблизи его, оглушит своим разрывом и потом еще осколком с тела вырвет кусок мяса или же оторвет палец, руку, ногу. Нет, никогда самое чуткое сердце не поймет 20й части, не видевши этого. Вижу здесь людей, идущих из России на помощь нам, защищать Родину. Это идут лучшие сыны, цвет и гордость земли русской. Это чуткие сердца, готовые умереть за друзей своих. Теперь свобода. Есть целые полки, роты, которые не хотят наступать: «Что говорят в свободе? Как меня убьют?» Но свободу нужно удержать. До свидания. Брат Коля Шалагин.

№ 244. От 19 июня 1917 г. Родным: тятю, маме.

Здравствуйте сердечно уважаемые мною родители. Шлю Вам свое нижайшее почтение и низкий поклон. Под вечер я был назначен в секрет, куда пошел без страха, с чувством сознания. Идти нужно было совсем близко к неприятелю, сидеть и наблюдать, где и пули визжат чаще, могут подползти и бомбу бросить. Идешь, конечно, не один, а с товарищами. На нас обязанность следить, охранять и даже отбиваться от неприятеля... Настал вечер, стало спокойно. Началась стрельба в ту сторону, где его окопы. До 12 часов ночи выпустили патронов 60, в это время было брошено 3 бомбы. Часа в 2 ночи мы сменились, из этих окопов пошли, у речки приказали рыть окопчики другие. Долго ли здесь будем, не знаем. Вы папаша говорите, чтобы я приехал, нет, не могу сейчас. «Блажен тот, — говорит Христос, — кто оставит отца и мать, жену и детей ради меня». Прощайте, сын Коля.

№ 245. От 19 июня 1917 г. От сестры Толи.

Здравствуй дорогой брат Коля. Шлю я тебе свой привет и с любовью низкий поклон. Тятя с Сережей ушли за Нагорьево пробовать косить, так что мы прочитали письмо без них. Пришел с войны дядя

Александр Ксенофонтович Шалагин, забежал к нам, я в избе была только одна, а мама доила коров. Услышала наш разговор, не подошла к коров и прибежала в избу. Поздоровалась, дядя спросил, как живете, пишет ли Коля письма. Он поседел. Пришла к нам бабушка Надежда (его мать) с маленьким Костей, которого дядя еще не видел, прибежал и Алешка. Дядя был очень рад, что приехал. Говорит, что не верится, что дома. Коля спасибо за твои выкройки. Теперь мне приходится шить брюки, за шитье берут дорого, да и отдать не кому. Мама заставляет шить, я сшила Васе брюки. Ходила в подвал, нашла выкройку с брюк и с кальсонов тяти. Мы скроили кое-как тятю штаны, и я сшила их. Вышло хорошо теперь еще надо пиджак. Мама говорит, как выйдет, так и ладно. Передай привет М. И. Куликову и А. П. Шанурову. До свидания, брат Коля. Сестра Толя.

№ 246. От 20 июня 1917 г. Брату Васе.

Здравствуй мой дорогой брат Вася! Шлю Вам свое братское почтение и с любовью низкий поклон. Вася прошу Вас письма беречь, и если их бережете, исполняете мою просьбу. Опишите, сколько их получили домой за все время, и сколько послано мною другим посторонним лицам. Вася вы говорите, что если я приеду в Вологду, то не узнаю. Это быть может. Она изменится и, приехав в нее, придется спросить: «Какой город, как пройти на дорогу Пошехонку?». Это моя родная сторона, в которой я жил беззаботно и расставшись с ней, много видел, слышал и страдал. Теперь, Вася, сижу в кустах, возле бугорка, в котором окопчик вырыт мною и в нем мы вторые сутки живем. За мною стреляет наша артиллерия. Сначала от снаряда повздрагиваешь, а потом и отстанешь, он шумит, вот-вот заденет, упадет возле тебя, убьет, зашибет. Наклонишься, сердце замрет, усиленной забьется, застучит. Потом видишь, снаряд упал, разорвался позади, впереди, вправо, влево. Посмотришь на товарищей, смеяться начнешь, и они над тобой. Я уже привык, не гнусь, и не жмурюсь, и сердце в покое держу. До свидания. Брат Коля.

№ 247. От 21 июня 1917 г. Мое родителям.

Здравствуйте уважаемые мною родители папаша и мамаша. В ночь на 21 мы из тех окопчиков перешли в деревню версты за 3. Шли в дождь, все промокли, пришли в деревню, разместились, кто в халупе, кто в сарае. Яблоков нарвали по садам. Натаскали соломы, легли спать. Утром встали, чаю попили, пообедали, набрали

яблоков ведро, напарили и кушали с сахаром. Так идет наша жизнь. Каждый день здесь ранят и убивают. Пленных ловят, шпионов ловят, германцев бьют. Погода сегодня хорошая. Что ни день, то новая жизнь, новые впечатления. Сейчас на позиции под пулями, а потом в деревне погуляешь и опять на позицию. Вася у меня спрашивал, чем нас кормят. Голодными нас не оставляют пока, пищей удовлетворяют в достаточном количестве, а пища разнообразная. Мясом кормят, маслом сливочным, дают рыбу сушенную, изюму, сахару 12 золотников в сутки, тоже хватает. Шлю привет моим братьям и сестрам. Будем надеяться, что увидимся. Стоим в 3 верстах от города Станислава. На некоторых участках уже наступали. Захватывали много пленных. До свидания. Н. Шалагин.

№ 248. От 22 июня 1917 г. А. К. Шалагину.

Здравствуй уважаемый мною дядя Александр. Получивши сегодня Ваше письмо, писанное вами 12 июня, узнал о перемене вашей жизни. Я рад за Вас всем сердцем, действительно знаю и понимаю, что значит 19 месяцев проведения на службе, а большую часть на позиции. Не даром называют счастливыми тех, кто легко раненый едет в Россию. Вы в настоящее время действительно счастливы. На нашем участке готовятся к наступлению и ждут каждый день. Но почему-то каждый день отодвигают его. Войск очень много и все готовятся. Прошлой ночью мы были в разведке, охраняли работавших из рот. У нас в команде одного ранило, каждый день убивают и ранят. Теперь моя жизнь самая разнообразная. Каждую ночь почти на разном месте, то работа, то переход, а днем спим, где придется. Здоровым я не согласен поехать домой, там пропадешь со скуки, и сердце не позволит смотреть со стороны на борющихся и страдающих на фронте товарищей. Опишите свою жизнь домашнюю, жизнь моей семьи, что увидите нового на родной стороне. Я тоже уже 13 месяцев, как из дому и кроме писем ничего не знаю. Наверно изменилось кое-что. Если здоровье, то увижу. Чем дольше разлука, тем радостней будет встреча. Шлю поклон Вашей супруге Аполинарье Ивановне и Вашим детям, и бабушке Надежде. До свидания. Ваш племянник Коля.

№ 249. От 22 июня 1917 г. Мое родителям.

Здравствуйте милые и дорогие мои родители, братья и сестры. Нам не пришлось и суток прожить в деревне. Снова собрались и

пошли на позицию. Задача наша была такая, чтоб перейти через реку, рассыпаться в цепь и охранять работавшие роты солдат. Пройти должны тихо, скрытно, остаться незамеченными. Подошли, согнувшись, расположились и залегли в траве. Лежишь и знаешь, что противник близко. Они вероятно уже знают, что Россия готовится наступать, они укрепляются и готовятся встретить нас дорогих гостей. Близкой встречи не оказалось, но пули частенько пролетали близко. Ранило в руку одного из нашей команды, каждый день убивают и ранят. Снарядами он бьет по переправам через реку, по которым все время ходит наш народ. Пришли, пообедали в лесу, легли спать. В этот раз я видел себя дома ясно. Как будто пришел на время, зашел в избу. У окна над крыльцом подошел к тятке и сказал: «Здравствуй папаша», — поцеловал 3 раза. У дверей в большую половину стояла Маня, Гриня, Пано, я с ними тоже поцеловался. С мамой, Толей — на кухне, а Васю встретил, обойдя кругом, в большой половине. Сережки не было дома. Что-то спросил у Васютки, но за был. Проснулся, понял, что это сон. Горько стало на время. Но был счастлив, что вас увидел. Ваш сын и брат Коля.

№ 250. От 23 июня 1917 г. Моей маме.

Здравствуйте многоуважаемые мною родители, братья и сестры. Нахожусь на позиции, артиллерией бьет так, что спать нельзя. На расстоянии, как в Непотягове от нашего дома до Народного, от нас разорвались шесть больших восьмидюймовых снарядов. Слышишь, как гудит воздух, потом видишь густой столб дыма, летящие вверх глыбы земли, а потом немного погода гул разрыва. Завтра обещают ураганный огонь открыть, потому что 5 июля наступать. Что будет знает один Бог, а увидят самоотверженные солдаты, которые будут находится между летающих осколков и пуль, идя на верную смерть лишь за то, чтобы удержать завоеванную свободу, уже не для себя, а для оставшихся дома родителей, братьев, сестер, жен, детей и для будущих поколений, которые будут читать историю героев теперешнего времени. Им будет это казаться странным и непонятным потому, что в это время быть может, не будут думать о войне, а лишь будут честно трудиться. Что такое ураганный обстрел, который предполагается завтра? Это по лесам и оврагам пушки или орудия на десятки верст в ширину, а по фронту — на сотни. Вот эти сотни, может тысячи и начнут стрелять, вместе будут бросать сталь и железо пудов по 5, 10, 20 и поболее, которые по лесам, оврагам, деревням, полям будут разлетаться и разрываться. В овра-

гах и лесах на десятки верст люди будут сидеть. Это будет ~~пред-~~ставлять огромное кладбище. К оставшимся добавят свежие силы, пойдут вперед, если встретят сопротивление, то будут драться винтовкой, бомбой, пулеметом и так далее. Прощайте, Коля.

№ 251. От 24 июня 1917 г. Сестры Толи.

Здравствуй дорогой брат Коля. Мы были не сказать как рады твоему письму. В то время вскипел вечерний самовар и пришли коровы. Маме надо было доить коров и слушать письмо, да и чай пить. Она первым долгом немного послушала и ушла, а когда она освободилась, то я дочитала ей. Вчера была Владимирская — праздник в д. Тропино. Кириллов день праздновали мы, да и многие с ячним мушником, но делать нечего. Ты Коля просил проверить, все ли получаем письма? Я проверяла, так, по-моему, все. Пишу адрес Владимира Сергеева. В действующую армию 198й Александроневский полк, в обоз 2го разряда. Кузнецу В. Г. Сергееву. Погода у нас очень сухая, лен и овес плохой и низкий, а уже начинает метаться. Теперь письма ходят на комитет. Мы за письмами ходим всегда сами, мамаша или Панко. Они всегда носят не распечатанными. Вперед меня никто не прочитает. Прошу писать, я буду ждать и хранить. Сережа ушел рубить дрова на Курмашево, а Вася уехал с сеном из села Котельникова в город по 55 коп. за провоз в Вологду. До свидания. Толя.

№ 252. От 24 июня 1917 г. Коли Кучерова.

Здравствуй любезный мой брат Коля. Ездил за дровами в д. Авдотино, сейчас только приехал. Вчера в д. Тропинино был праздник, мы туда ходили гулять: я, Вася ваш, Колнок и Митюшка. Народно было страсть сколько, было очень весело. От нас девицы тоже ходили гулять. Вот опять скоро в д. Яскино праздник, да и Петров день не за горами. Наверно, пойдем в д. Яскино. Там весело бывает. В Петров день отдают двух девиц замуж. Одна побывка будет в д. Абрамцево, а другая в д. Ивановское. Живут у нас в д. Непотягово так как и раньше жили. Навоз запахивать уж кончили, теперь прилаживают косы, скоро будут косить, а некоторые уж начали. У вас уж тоже начали косить, дядя Григорий с Сережей ходили за Нагорьево косить. До вчерашнего Васютка ездил туда уж за сеном. С понедельника думаем мы начать. Погода сейчас стоит теплая, даже жаркая. Перепадают и дожди. Вот мы было с Васюткой пошли ку-

паться, да нас в поле то под д. Мочалово и давай «стирать». Сыры-
ми домой пришли. До свидания Коля. Остаюсь любящий тебя брат
Николай Кучеров.

№ 253. *От 26 июня 1917 г. Моей маме.*

Здравствуйте уважаемые мною родители, братья и сестры. Я
среди пуль, снарядов остаюсь жив пока и здоров, хотя один снаряд
разорвался рядом со мною, человек 7 поранило, и один умер. Мне
на кружке в одном месте пробил отверстие и несколько вмятин
сделало и жестяной противогаз пробил, а меня не задело. Я неко-
торое время побыл в «аду». В ночь с 24 на 25 июня началась стрель-
ба артиллерии ураганным огнем. С 4 часов утра до 10 «земля тряс-
лась, как наши груди и залпы тысячи орудий»... В 10 часов пошли в
атаку, что было! Идешь, а тут раненные, убитые, земля вся переры-
та снарядами, яма на яме, на земле валяются всякие вещи. Зашли в
деревню, там все сравнено с землей. За вчерашний день продвину-
лись вперед, захватили много пленных. Сегодня ночью спали на
кладбище. В общем, скучная картина. Все время стрельба, дым,
пыль. Люди пленные, убитые, но все-таки наша взяла. С нашей сто-
роны убитых сравнительно меньше, раненные есть. Пленных во
вчерашний день захватили тысяч 10, а наших они — нет. Днем про-
шелся по деревне, тут и там лежат мертвые австрийки. Вместо ха-
луп кучи, деревья поломаны, на дорогах большие ямы — воронки
от снарядов. По окопам валяются австрийские патроны, бомбы,
сумки, шинели. Описывать все ужасы войны не стоит, все равно вы
почувствуете только двадцатую часть, и то вам будет жутко. В на-
стоящее время я удивляюсь сам собою, какое имею хладнокровие,
какую выдержку. Вчера, как разорвался снаряд рядом, я быстро упал
вниз лицом, слышу, на меня валятся мелкие комья, глыбы земли.
Думаю убить, не убило, а наверно ранило, но этого не чувствуешь в
первое время. Встаю, а и не ранен. До свидания. Сын Коля.

№ 254. *От 28 июня 1917 г. Кумы Поли А. Швецово.*

№ 255. *От 28 июня 1917 г. Сестре Толе.*

Здравствуй многоуважаемая моя сестра Толя. После грома, посе-
ле бури, после мрачных тяжких дней, прояснился свет лазури, ста-
ло сердцу веселей. Мы немного успокоились после душевной тре-

воги, которую испытал здесь каждый солдат, находящийся во время 3х дневной артиллерийской подготовки и сидения под рвущимися снарядами, а на 4й и 5й день атака и преследования противника. И теперь идет бой, но наступающие части заменены свежими, а мы в резерве отдыхаем. Можем во время получить обед и без большой тревоги покушать. Вот над морем тучи новые бегут. Солнце с тучей, радость с горем неразлучно знают живут. Опишу часть настоящего времени. Мы теперь продвинулись вперед, стоим немного левее Галича, позиция впереди нас, и мы слышим только выстрелы. Расположились в деревушке под деревьями. Долго ли будем тут стоять, не знаю. Вчера я справился о моих товарищах, оказывается, оба выбыли из строя. Михаил Иванович Куликов ранен в руку, а Александр Петрович Шануров контужен. Они приедут домой. Здесь в рядах взрослых солдат молоденькие добровольцы идут с винтовками гордо и весело посматривают по сторонам. Вчера я видел едущего на повозке ростом с нашего Павлика. В казачьих войсках едут на конях тоже молоденькие, так лет по 15. Во всем и везде виден русский порыв к лучшему, к счастью, к свободе не только для себя, а для всех. Идут полки готовые умереть, на руках у которых эмблема красная и черная ленточка. При наступлении видел оружие смерти. Бронированный автомобиль, везущий с собою два пулемета, которые могут косить народ, как коса траву. Второй везет 1 S дюймовое оружие, а третий 3х дюймовое, которое в минуту опускает много снарядов. До свидания. Коля.

№ 256. От 30 июня 1917 г. Мое родителям.

Здравствуйте многоуважаемые мною родители. Днем сегодня на фронте шел бой, и весь день шли раненые. результат боя еще не выяснен. На нашем участке местами продвинулись вперед верст на 30. Сегодня днем мы переезжаем еще дальше в тыл в корпусной резерв, в деревню Изуполь, в которой недавно стояли австрияки. Погода очень грязная, дождь шел все время, шли мы верст семь, перемочились до нельзя. Пришли мы в эту деревню. Она раньше имела несколько сот домов, теперь одни развалины и многие еще дымятся, хотя уже двое суток, как от сюда ушли войска. Жителей в этой деревне нет ни одного, потому что тут всю зиму была позиция. и деревня была под обстрелом. В настоящее время я на должности командующего писаря, он собирается дней на 7 в командировку. Мы находимся точно в сказочном мертвом царстве, что ни шаг, везде видишь развалины, воронки от снарядов, и точно сама смерть

хочет тебя накрыть своим покрывалом. С фронта доносятся раскаты грома войны. Куда мы, вероятно, скоро пойдем опять. Я смотрю на жизнь со стороны. Если я останусь после всего этого жив, то буду себя считать перерожденным вновь. И надеюсь, что сама жизнь в это время переродится, и будет течь по-новому. До свидания. Коля

№ 257. От 3—4 июля 1917 г. Сестре Толе.

Здравствуй по братски любимая мною сестра Толя. За это время мыслями много раз прощался с родными, знакомыми, с жизнью и со всем белым светом. Теперь опять жив, снова вернулись мысли к жизни. Я очень рад, что дядя А. Шалагин приехал. Скоро начнется бой. Об этом думать и видеть со стороны страшно. Что такое бой? Это два потока людей, вооруженных всем. В том и другом потоке орудия, стреляющие за 7 верст. Бомбы и гранаты, пулеметы, минометы, удушливые газы, отравляющие людей. Орудия от 1 S до 48 сантиметров, бросающие снаряды весом в десятки пудов и бросающие за десятки верст, аэропланы. Вот начинается бой. Более смелые, несмотря на угрозы смерти, подходят близко, артиллерия тут уже бить не может. Идут в ход бомбы, штыки, за «воротки» борются, уничтожая друг друга. Наконец, одна сторона слабеет и вынуждена сдаться в плен или бежать, побеждающая партия идет вперед. Это происходит на десятки верст в ширину, оглушительный шум, стон раненных. Битые обломки домов, опустошенные деревни, поломанные дороги, шоссе и железные. Через речку взорваны мосты. Вот вам картина боя. Пишу за ухавшего писаря, много людей награждается, приходится писать о подвигах рапорта. Мне не нравится быть здесь, взялся от нечего делать и для развития ума. Живем в деревне Изуполе. По всей вероятности скоро будет большой переход. До свидания. Н. Г. Шалагин.

№ 258. От 6 июля 1917 г. От Михаила Ивановича Куликова.

Здравствуй дорогой товарищ Николай Григорьевич. Я теперь нахожусь в своем городе и лежу в военном лазарете в бараках на сполье. Ранило меня Коля под лесом к вечеру за бой линией, ранило в левую руку, ниже локтя, пулей в кость. Приехал без билета, пришлось ехать и в телящем, и в пассажирском, и в санитарном поезде. Все-таки приехал, ехал 8 суток. Коля опиши, живы ли наши товарищи, как у вас бой кончился. Кто остался жив. Пришлось Коля мне встретить молодцев с барышнями на всполье. Идут и в гармонь играют — наигрывают и напевают. Это меня расстроило, по-

тому что где война, а у нас в Вологде «кляповина» одна. У нас там только и слышишь один звук снарядов и пуль, а в тылу совсем не знают человечества.

Адрес мой: г. Вологда, Спасская волость, комитет д. Непотаян, во. Михаилу Ивановичу Куликову.

№ 259. От 6 июля 1917 г. Дяди А. К. Шалагина.

Здравствуй дорогой племянник Коля. Я Коля теперь живу хорошо в кругу своих родных. Приехал на 2 месяца, на поправку. У нас в деревне взяли из белобилетников Николая Четверикова и твоего отца крестного Елеферья Сергеева. Коля надо кому-нибудь защищать добытую нами свободу кровью. Мне еще идти придется и в наступление не под палкой, как было при старом режиме. Я сам Коля получил бой. Из роты каждой вышло человек по 70 и даже по 80. а почему? Все из-за цинги, а цингу получили зимой, когда мы стояли 40 суток без смены, заступили 20 декабря, а сменились 28 февраля. Я тоже Коля завидовал, кого бывало ранят, а даже убьют сразу. В деревне сахару нет. Муки белой тоже нет, по карточкам дают белой муки по 4 фунта на человека в месяц. Так чем хочешь и поправляйся. До свидания. Коля жду ответа.

№ 260. От 7 июля 1917 г. Мое Коле Кучерову.

Здравствуй уважаемый мною брат Коля. Бой, который я видел, и в котором участвовал, согласно газетам под Галичем, Калушем, Вам известен. По ночам германцы по несколько раз переходят в атаку, которую наши отбивают и рубят их, как осенью на зиму капусту. Рассказывают так: завидев германцев, идущих колоннами в атаку, наши занимают плотно переднюю линию окопов скрытно. Позади себя высылают роту, как будто отступающими. В это время засевшие в окопе, с большим количеством пулеметов, начинают их косить, подпустив на соответствующее расстояние. Пулеметов у нас достаточно, на каждом шагу. 25, 26, 27 июня я участвовал на долиньском направлении (от слова долина — ровное место). Направление, как пишут — юго-западной города Станислава. В настоящее время в боях пленных почти совсем не берут. Курьерским без пересадки, в Могилевскую губернию отправляют, то есть уничтожают. Наш полк с 30 июня заступил на отдых в Изуполь и стоим всет. С фронта каждую ночь доносится протяжный непрерывный артиллерийский шум. Нахожусь на отдыхе, житье хорошее, тепло, кормят хоро-

рю — досыта. Жалование получили по 7 р. 50 коп. на необходимые расходы. Здесь, несмотря на то, что деревня вся разбита, есть в садах яблоки. Живем в халупах, которые без стекол, без дверей, печи разбиты. На полу настлан слой соломы, натасканной с крыш. По газетам уже в Германии дело идет к революции, может быть, скоро жизнь переменится там. Тогда и у нас. До свидания. Коля Шалагин.

№ 261. *От 7 июля 1917 г. Сестры Толи.*

Здравствуй дорогой брат Коля. Погода у нас хорошая для сенокоса. Косили дома в полях, почти все уже выкосили, но накосили не очень много. Травы не очень хороши, да и покосу у нас мало. Покосу еще нигде не взяли, может возьмем в Котельникове. В Заненской так почти все отдано деревенским мужикам, а остальное косит Василий Семенович сам (хозяин) машиной да 2 работника. И Василий Политович (его приказчик) все время работает. Мы вчера с Аннушкой Ивановной Швецовой ходили на поденщину, так он все время вместе с нами. А в Котельникове работают дружинники ученики и ученицы. Реалисты и гимназистки некоторые работают с охотой, других приневоливают силой. Ты просил, Коля, сосчитать письма, я их считала, их очень много, есть еще и старые, а новых насчитала 120, может быть, и больше. Сегодня, Коля праздник, во Дмитриевском и Кудрине, наверно уже пойдем гулять. Спаси тебя Бог, дай Бог увидеть бы здорового тебя, а не то мы бы рады какому-нибудь, даром бы легко ранило. Даром бы и долго не пришел. Сейчас приехали ребята и мужики, возили сено в Вологду. Вася наш свез 21 пуд по 55 коп за пуд за провоз. Попил чаю и пошли гулять в д. Голубково к Иванову. На улице накрапывает ожидаемый дождик. Мама ходит по полу и говорит: «Слава тебе Господи, Бог дает дождя». До свидания. Толя.

№ 262. *От 9 июля 1917 г. Мое сестре Толе.*

Здравствуй многоуважаемая сестра Толя. Вчера 8 июля сделали переход верст 18, пододвинулись к позиции, переночевали ночь в сарае под самой крышей и сегодня опять говорят пойдем верст 20 с лишним, но еще не знаю правильно ли это? Если пойдем, то к г. Галичу ближе. Переходим весело под музыку целым полком. Пишу вам, что я живу хорошо, жив и здоров пока. Вчера получил новые сапоги и гимнастерку. На память Вам шлю германские 2 марки «добытые» 25 июня от пленных во время наступления. Толя, я уверен, что по излечению Мих. Ив. Куликов приедет домой, и он Вам рас-

скажет про меня, потому что мы часто виделись до наступления. В наступление видеть его не удалось. До свидания, Ваш брат 13

№ 263. От 10 июля 1917 г. От брата Васи.

Здравствуй родненький братяша. Живем хорошо, сейчас чай пьем. Косим за д. Авдотьино, 4 полосы выкосили. Сено сейчас да с полтиной пуд. Твой друг и товарищ М.И.Куликов находится да. Он лежит у нас в бараках, вчера собралось нас 10 человек и пошли Михаила проводывать. Идем к баракам, а он к нам на встречу идет и смеется, а мы как собаки к нему бежим, поздоровались. На вокзале видели поезд с солдатами. Поезд у солдат был убран березками и на вагонах плакаты и написано: «Земля и воля». Тут мы долго стояли и смотрели, как балуются, водой обливаются, ремнями хлещутся. Вспомнил, как и тебя отправляли. Видел это место, где стояли мы. Михаил Куликов про тебя сказал, что когда его ранило, братенек, то ты был впереди его у передней линии. Поговорили и разошлись в 12 ночи. Завтра пойдем в Котельниково косить клевер. До свидания мой братенек. Василий Шалагин.

№ 264. От 11 июля 1917 г. В. И. Шалагина.

№ 265. От 15 июля 1917 г. Папаша.

Милому и дорогому нашему сыну посылаем заочное благословение. Да хранит тебя Господь! Да, Коля, живу и не сколько не интересуюсь жизнью. С делам управляемся, сено накосили много. Обещаемся еще накосить. Село Котельниково взято земством, а дядя Николай Кучеров управляющим. Рожь хорошая. Все живы, здоровы. Санук Пилатовский дома. Только тебя нет, милой мой голубчик, хотелось увидеть, потому что я вижу много явилось у тебя сознания, когда жил дома или на чужой стороне. Я радуюсь потому что вы теперь самоотверженец, мне хочется таким же быть, как ты, идти с тобою вместе. Жалею, что дом опустеет, потому что порядка не будет, он и сейчас плохой. Мамашу я считаю несознательной, заставляет, чтобы я навиновался ей, какие-то у ней расчеты, все говорит: «Мое». Я это считаю неправильным, все божье и все общее. Стараемся быть свободными гражданами, а любим только себя, а если только сами себя любим, то отца, мать, брата возненавидим. Какие мы граждане? Дело плохо, как видится на фронте, так и в

деревне в тылу, потому что нет любви, нет и сознания. Вася Васильевич Швецов дома, папирос привез отцу массу. Милой мой, дай совет, как поступить, мне хочется идти добровольцем. Мне жизнь не нравится, я стал негодный везде, потому что ненавижу неправду. Я работаю и желаю работать. По 8 рублей сейчас дают в день в Котельникове, и все это не интересует. Коля, милой, прости меня, что не один раз огорчил тебя, так же и ты меня. «Оставим долги наши, как и мы оставляем должникам нашим». Потому я желаю сойтись с тобой, обняться и поцеловать. С тобой пойду, куда ты, туда и я, не отстану. Теперь сыновья не стесняются назвать, как хуже, чистые хулиганы. До свидания, любящий сын. Пожалуйста, если Бог даст будешь жив, то пиши ответ скорее. Стремится мой дух и тело на позицию.

№ 266. От 17 июля 1917 г. Сестры Толи.

Здравствуй дорогой брат, Коля. Шлю тебе я свой привет и с любовью низкий поклон. Мы косим в с. Котельниково. На этой неделе благоприятная погода, порядочно покосили, воза 3, потом арендовали на 6 рублей. Всего привезли возов 10 не очень больших. Дома уже все выкосили. Еще осталось в Курмашеве, но не знаю, поедем ли, но в прошлый год было не кошено. На этой неделе в понедельник и вторник был дождь, мы не косили, а в остальные дни была хорошая погода. Все высушили и убрали. Котельниково село взято в казну, косят тремя машинами, а огребают ученики. Сначала работали очень плохо, а теперь научились. Еще ходят свободные из деревень — поденщиной, плотят 3р. 50коп. Из деревень ездят убирать сено с лошадьёю — 16 руб. поденщина хорошая, да и сено очень дорого, теперь продают по 2 руб. 50 коп. Купить все дорого, ситец дороже одного рубля. Кириллов день в субботу. Мишук Иванов был в праздник в Воздвиженском, в Полянах у товарищей, они пришли к нам в деревню. Васюха наш надел Мишукову шинель, а брюки он носит твои, рубашку я сшила ему, фуражку защитную он тоже купил, одел 2 сумочки, походил по деревне. Шлют привет тятя и мама, братья и сестры. Остаемся все живы и здоровы. Шлют привет все вообще девушки, часто спрашивают: «Что пишет?». До приятного свидания брат Коля. Сестра Толя.

№ 267. От 18 июля Шанурова А. П.

№ 268. От 25 июля 1917 г. Поли Васильевой.

№ 269. *От 30 июля 1917 г. В. В. Швецова.*

№ 270. *От 4 августа 1917 г. В. П. Рябой.*

№ 271. *От 8 августа 1917 г. В. И. Шалагина.*

№ 272. *От 9 августа 1917 г. Мое сестре Толе.*

Здравствуй любезная моя сестра Толя. Нахожусь на старом месте в команде. Был 9 дней в околотке, но вчера выписался. Вчера я получил 9 писем. Вам известно уже об отступлении, которое произошло через дела провокаторов. Описать вам пока не в состоянии. Но скажу, что многое пришлось видеть. Верст 200 пришлось пройти и почти без остановки и день, и ночь. Очень обидно было идти, но делать нечего. Много еще в России внутренних врагов и темных людей, которые легко сбиваются с правильного пути. В настоящее время остановились и уже введен порядок. Мое место нахождения по карте между Румынской и Днестром, в том месте, где русская территория вдается в Бессарабскую губернию. Здесь много яблок, груш, слив, орехов. Был я около города Хотина, который на карте должен быть ниже Каменец-Подольска и теперь верст 20 левей стоим в лесу в блиндажах. Позиция близко. Ходим в разведку в деревню, из которой жители ушли, и она между позициями наших и немцев. Убитые, раненные бывают почти каждый день. Не знаю, что бы я отдал, чтобы побывать дома и посмотреть, как проходит жизнь и какие есть изменения. Но не вижу никакой возможности. Я готов еще быть и терпеть только бы не быть тяжело раненым. До свидания, целую всех заочно вас. Ваш брат Никол. Гр. Шалагин.

№ 273. *От 12 августа 1917 г. Поли Васильевой.*

№ 274. *От 12 августа 1917 г. Мое папаше.*

Здравствуй уважаемый мною папаша! Вы говорите, что много неправды и вообще жизнь не нравится. Да, я это все вижу и все понимаю. Вы бы уйти хотели от нее, скрыться, чтоб не видеть. Но нет папаша некуда уйти — нет возможности. Вы там видите зло в малом размере, неправду в самом корне. Я здесь на войне, где все дышит злом и неправдой, что вижу я не в силах высказать, а описать совсем

не в состоянии. Например, мы готовились к наступлению, это считалось правильным, это была жертва собственной жизни за благо родины, народа. Нас жертвующих нашлось тысячи, это те, кто желал идти. И мы сидели под тучей падающих снарядов, трои сутки. Своей настойчивостью победили упорного врага, он убежал из хорошо укрепленной позиции. Мы шли, преследуя его, через трупы врага и трупы своих, павших за родину товарищей. Не чувствуя усталости, преследовали врага, убивали и брали в плен. Это было 25, 26, 27 июня. Потом, не имея более сил идти дальше, и не получая подкрепления, удержали новую позицию на том месте, где был противник. Все ждали новых сил, но их не было, а этими оставшимися силами удерживали по несколько атак в ночь со стороны противника. Это было стремление на благо родины. Сколько оно стоило жизни и крови, не считая материальных издержек! Но около 10 июля провеи нас, а именно под Тернополем был открыт фронт и мы были вынуждены отдать без боя почти все, да еще с прибавкой, чтоб и самим не остаться обойденными. Это я думаю не считаешь шуткой, чтобы пройти многотысячной толпой, в которой то и дело провокаторы наводили панику. Многие слабодушные забыли все, бросились в тыл России. Куда? Зачем? От врага затем чтобы не быть убитым. Не горько ли, не обидно все это видеть? В это же время нужно без сна, холодному и голодному, под зноем уходить, не зная, куда? Зачем и почему? Идешь, и идешь видишь по дорогам загнанных или убитых коней. Часто приходилось полком, в котором совсем мало людей, задерживать противника, чтоб могли уехать обозы. Так мы отходили много дней. Жизнь признаюсь стала не мила. Отошли более 200 верст. Дошли до границы с Бессарабской губернией, была схватка, несколько дней держались, пошли дальше. Потом был приказ, во что бы то не стало, удержать противника. Ночью идешь на позицию, прстоишь, проследишь, еле дождешься смены и, голодный как собака, еле дойдешь до места. Из России слышишь, что не хотят идти на позицию и слышишь, что товарищи только ездят домой. Обидно!!! Почему не всем дорога Родина и свобода, которую наши внутренние и внешние враги стараются победить? Вам папаша, мой совет: живите пока есть возможность дома, потому что вам еще горше будет, когда увидите всю неправду. Ваше сердце нестерпимо будет страдать по родине, по детям у Вас 7 их кроме меня. Они нуждаются в поддержке, как тонкие и молодые деревца, чтобы не быть сломанными бурей. Папаша, я слышал пословицу: «Как веревочку не вей, кончику быть». Я думаю не бесконечная это война, уже 4-ый год пошел. Много крови пролили, много горя пережили, и кто еще не увидел горя, то время хватит увидеть. Теперь

я «гуляю» в Бессарабии, жители здесь молдаване. Много садов, и есть яблоки, груши, сливы и орешники. До свидания, Коля.

№ 275. *От 14 августа 1917 г. Веры П. Рябой.*

№ 276. *От 15 августа 1917 г. Мое сестре Толе.*

Здравствуй многоуважаемая мною сестра Толя! Мы сегодня ночью перешли на позицию, стоять будем дней 7, живем в деревне, из которой жители, бросив все, ушли. Остались огороды на которых посажены овощи — картошка, свекла, капуста — все это брошено на произвол судьбы. Впереди деревни выставляются наблюдательные посты. Смотрят за неприятелем день и ночь, друг друга сменяют. Спим в сапогах и одежде, вещи под голову, винтовка и патроны — неразлучные друзья. В случае тревоги идем в темную ночь, грязь, дождь. Пули жужжат и уж так к этому привыкнешь, то идешь себе беззаботно. Сказали: «Стой!». Винтовку снимаешь с плеча, повалишься на землю, через несколько минут уже спишь. Пройдет 10 минут слышишь: «Вставай, пошли!». Все встают, пробираясь по узким лесным тропинкам, оврагам, вспаханным полям. Все время сегодня здесь, а завтра там. В настоящее время я вижу и слышу то, что через сотни лет наши поколения будут видеть на картинках и слышать из написанного. Я за это время переменялся, во мне теперь не стало страха и меньше стало жалости, мое сердце стало каменным. Например, привезли с позиции 2-ух убитых, раньше бы я смотрел с жалостью, теперь я смотрю и думаю: «Эти люди кончили идти по узкому пути, пришли гуда, где могут отдохнуть». До свидания. В правой стороне на несколько верст идет слышная артиллерийская стрельба, стычки и схватки бывают часто. Брат Коля.

№ 277. *От 19 августа 1917 г. Поле Васильевой.*

№ 278. *От 22 августа 1917 г. Кумы Поли Швецовой.*

№ 279. *От 23 августа 1917 г. К. Кучерова.*

Здравствуйте многоуважаемый брат Коля. Как ждали от тебя весточки то. Вот Миша первый получил от тебя письмо и пришел к

вам с ним к крыльцу. Вся ваша семья расположилась на ступеньках крылечной лестницы, и с наслаждением слушали твое письмо, которое ты послал Мише. Я читал, тетя Елена сидела рядом со мной и плакала, не знаю с горя, не знаю с радости. Уже смеркалось, я кончил читать письмо, поговорили, посидели и разошлись. Луна показалась на горизонте и осветила нашу деревню. Я когда пришел от вас домой, у нас уже была зажжена лампа. Я пил чай и хотел идти спать. Вдруг мама говорит, что пришло какое-то письмо. «Вон, — говорит, — на столе лежит». Я сразу разорвал конверт, моментально узнал твою руку и мигом выбежал на крыльцо, и в две секунды был уже у вас, не смотря уже на позднее время. Когда к Вам я пришел, все сидели за столом, уже ужинали и хотели идти спать. Опять стали читать письмо мое. Тетя Елена говорит: «Вот, Слава Богу, у меня сегодня праздник. Давно я этого праздника дожидалась, думала и не дождусь». Домой я пришел уже поздно вечером, все уже спали. Теперь твоя мамаша дожидается пятницы: «В пятницу и нам что-нибудь придет». За сим, Коля, до свидания. Желаю всего наилучшего. Жду с нетерпением ответа. Твой брат Н.Кучеров. Я уже скоро уеду в Тотьму. Ответ наверно, меня не застанет здесь. Адрес мой: г. Тотьма, реальное училище, ученику 6 класса.

№ 280. *От 24 августа 1917 г. Сестре Толе.*

Здравствуй, сердечно любящая мною сестра Толя. Нахожусь я на отдыхе и буду числа до 28, потом на позицию. На нашем фронте сейчас спокойно пока, но печальные вести слышны с Рижского фронта, но не будем терять надежды на милость Божию. Письма от Вас получаю редко, они по всей вероятности не стали доходить. Пишите, что у вас слышно плохого и хорошего, и что происходит. Я живу пока еще ничего, нужды еще не терплю большой. Дают мяса, хлеба хватает, сахару все время дают достаточно. Могу сказать, что не знаю, что такое жить без сахара. Все время еще фрукты кушаю: яблоки, груши, сливы, хотя теперь они вывелись за большим количеством войска. Теперь поспеют скоро орехи. Скоро настанет осень, она здесь, хотя не такая суровая, как у нас, но все-таки ночи бывают холодные. Теплового приюта редко где встретишь, опять грязные и тесные землянки, в которых не пожелал бы жить не только себе, но и своему врагу. Только бы быть живому, крепкая натура перенесет все. Слабым дана будет помощь. Мне готовы будут сапоги, они мне выданы еще в начале июля, а теперь их перешивают, они очень большие, английской машинной работы. Тысячи лет проходят незамет-

но, точно одно мгновение и нам, если здоровье, то предстоит ~~у~~ деться скорей, чем год пройдет. Я все тот же ваш брат и сын. Есть изменения, которые бы были и там, где бы я ни жил. От вас, дорогая сестра, уехал с еле заметным пушком над губами, теперь у ~~меня~~ здорово заметны усы и борода, необходимо брить. Я все веселый и шутливый, между товарищами имею уважение и любовь к себе. Называют меня «Колька Шалагин», а в более близком отношении «Коля», что мне облегчает трудность житья. До свидания, Ваш брат Коля.

№ 281. От 26 августа 1917 г. От папашу.

Милому и дорогому нашему сыну посылаем заочное родительское благословение. Живем пока хорошо, все живы и здоровы. Рожь измолотили, намолотили четвертей 8. овес на поле. Жить бы можно, но жизнь не веселит. Жизнь наступила ужасная, все клонится к худшему. Рига взята, войска отступают, горько слушать все это и смотреть спокойно. Милый сын наш Коля, хочется увидеть тебя, хотя один час, обнять тебя, простится навечно. Да будет воля Господня, как на небе, так и на земле. Затем до свидания любящий наш сын Коля. Извини меня, что плохо я написал. Писал 25 вечером с Толей. Я карандашом, а Толя пером.

Здравствуй дорогой брат Коля. Шлют тебе, Коля привет все девушки, они часто тебя вспоминают и желают повидаться. Вчера 24 мы ходили за клюквой, одни девахи. Дела у нас идут исправно, рожь давно измолотили, было 70 суслонов, рожь не была умолотная, овес выжали, ячменю намолотили четвериков 11. Овса нынче плохие очень, лен послали, лежит уже 10 дней. Вася ездит в Курмашево, дрова возит. До свидания Коля. Сестра Толя.

№ 282. От 26—27 августа 1917 г. Брата Васи.

Здравствуй дорогой и любящий мой брат. Тятя пришел от обедни. Рогульки пекутся, самовар кипит, сегодня ведро, — погода хорошая. Наступит скоро осень. Мишук Иванов ушел в город на испытание. Дядя в отпуске. Санук Иванов был дома вчера. Если, братя, денег надо напиши, деньги не дороги. Сапоги надо купить, так 100 рублей. Вот сахару скоро выдадут по s фунта, а муки не знаю. Белых пирогов не едим от пасхи. Затем до свидания. Все живы и здоровы. Первое жду письма, а тем более тебя. Шлю 50 коп. денег. Вася.

№ 283. *От 29 августа 1917 г. Мое родителям.*

Здравствуйте любезные мои родители. Нахожусь на отдыхе 7е сутки. Жили спокойно: спать ляжешь, разденешься, а на позиции не посмеешь. Прожили весело, купили на команду гармонь за 100 р. По вечерам пляска, танцы, песни. Но это все как-то сквозь зубы. Жизнь в настоящее время какая-то неопределенная, а временами постылая и безотрадная. Не о себе я думаю и не о себе мечтаю. Себя я считаю, как травина средь поля. Вам уже известно отступление и сдача Риги на Рижском фронте, которое волнует и терзает душу воина, который уже не раз решался отдать свою жизнь за Родину. Теперь во всем видна неприятность. Здесь бывают в вечернее время между собою длинные и скучные беседы. Из всех этих разговоров в голову столько набьешь, что мозги разработаются, и долго не можешь уснуть, вся жизнь предстанет перед тобой и, наконец, видишь себя ничтожным, незаметным существом, равным капле в бушующем океане. Размышляя, доходишь до мысли о Боге. И, наконец, бессильный и точно разбитый усыпаешь, но, не стесняясь, скажу, что грязь и вошь, постоянные друзья позиционного солдата, от них избавиться нет возможности. Сегодня я перешел на позицию и стоять, если не произойдет больших перемен и буду жив, придется 21 сутки. Стоять мы будем в лесу, в блиндажах, в которых мы уже в прошлый раз стояли. Передайте привет родным и знакомым. Всем желаю расцвета новой жизни. По моим расчетам она начнется не раньше весны, то есть, не смотря на все происходящее, мир не может быть до конца зимы и начала весны. Много еще должно испытать все человечество. До свидания. Обожающий Вас Коля.

№ 284. *От 1 сентября 1917 г. Мое сестре Толе.*

Здравствуй, уважаемая мною сестра Толя. Шлю Вам свое братское почтение и низкий поклон. Когда грусть-тоска или же радость овладевает моим сердцем, так я сажусь и пишу кому-нибудь письмо. Искренне признаюсь, что писем всего больше пишу именно Вам лично, и не могу обижаться на Вас. 24 письма послал тебе, 29 тят. От 9 декабря по 23 августа 1917 г. я написал кое-кому 160 писем, а получил 106. 1 сентября 1917 г. Год тому назад я из Петрограда ехал на позицию. Мое юное сердце трепетало, как осенний лист. Передо мною проносились вдаль поля, реки, леса, деревни, города, а я все ехал вперед и вперед на войну. Я не думал и не надеялся, что буду жив и даже не свредим до сего времени, но случайно или по

милости бога все жив и невредим, хотя много пережил горя, много перевидал и теперь еще вижу, отчего даже доволен остаюсь. что пришлось мне участвовать в великой народной борьбе. Теперь я переживаю то, что слышу не хорошие вести о Риге, Петрограде. Идет борьба не в тихом и спокойном тылу, а в столице Петрограде и на фронте. Идет междуусобная и внешняя война с жестоким врагом. Каждый день я много слышу слухов не радостных, от которых тело становится слабым, и дух падает до невозможности. Теперь каждый день слышишь об измене начальников на фронте: «Такому то полку или дивизии приказали отступить на столько то верст». Солдаты не знают верить или нет, не веря своему начальству, остаются и, нечего не зная, бывают обойдены и перебиты или взяты в плен. Хочется от боли душевной кричать, но из этого ничего не выйдет. Это уже испытано. В настоящее время солдаты организуются, берут власть в свои руки, что поведет к лучшему. Нет, Толя, вам трудно понять, что я говорю. Да и я еще мало вижу и понимаю, что творится на Руси: «Ваше дело жить, не тужить, работайте, помогайте родине». Не верьте газетам, не верьте словам, если кто скажет, что пропала Россия. Нет, она еще сильна и могуча. Стою и буду стоять на позиции числа до 18 сентября. Моя жизнь точно сон. Все время перед собою я вижу живую картину, как в кино. Наступает скучная осень, листья уже желтеют, начинаются дожди и грязь. Привет всем родным и знакомым. До свидания, брат Коля.

№ 285. *От 3 сентября 1917 г. В. В. Швецовою.*

№ 286. *От 4 сентября 1917 г. Мое Маме.*

Здравствуйте, любезная моя мамаша. Шлю Вам свое сыновье почтение и низкий поклон. Я на позиции, то есть там откуда убегают звери, и улетают птицы. Тут стоят люди — умные, Богом созданные существа. Они в руках с оружием смерти подстерегают друг друга. В настоящее время так воюют. Друг друга не видят и друг другу не кажутся, например, стоят в окопах друг от друга за версту. По верху ходить нельзя, с той и с другой стороны наблюдают и не простым глазом, а в аппарат. Как заметили что надо, то с наблюдательного пункта передают по телефону. В то место летят снаряды за 3 или 5 верст. На позиции нельзя и огня разводить, кроме как в лесу или в глубокой ложине. Варят пищу в тылу и в позднее время привозят. Вот, прятаясь от пуль и снарядов, также от

холода и дождя, я живу в землянке в лесу. Земляные стены вместо обоев обложены соломой, прибитой палками. Нары — земля, на которой навалено соломы. Нас живет 11 человек. Когда мы свободны и веселы, поем песни. Есть у нас на всю команду гармонь, под которую бывает пляшут и танцуют. Играют в карты в дурака, письма пишут, читают книжку и газеты. Кто ушивает порвавшееся белье, стирают и т. д. Скоро настанет темная, осенняя, сентябрьская ночь, да еще и с дождем. В такую то ночь придет приказание идти в разведку и достать пленного. Встать нужно ночью, одеться и идти за окопы. Мамаша не тужите обо мне, может быть, буду жив до конца и вернусь. До свидания. Ваш сын Коля.

№ 287. От 6 сентября 1917 г. М. И. Куликова.

№ 288. От 6 сентября 1917 г. Мое сестре Толе.

Здравствуй, горячо любимая мною сестра Толя. Прошлый вечер чуть стало смеркаться мы партия, состоящая из 44 человек, пошли в разведку. Приказано идти и залечь в засаду, и поймать пленного, чтобы узнать настроение противника. На днях перебежал перебежчик и говорил, что противник готовится к наступлению, но не известно на каком участке. Мы, зайдя далеко за свое проволочное ограждение, залегли в цепь, то есть друг возле друга на несколько шагов и наблюдали по сторонам, не пойдет ли разведка противника. Мне лежать пришлось возле плетня, за которым насажена кукуруза, она теперь бесхозна и не убрана, потому что она находится между позициями. Она, шелестя листочками, точно жалуется, что ее оставили и, слушая этот шелест, невольно приходится задуматься. В то же время над головой часто пролетают жужжа пули. Жутко бывает временами и, быть может, от этих чувств не заметно волосы на голове седеют. Сам сидишь с заряженной винтовкой, держа ее за шейку ложа, что один миг и при виде противника можешь стрелять уже в лихорадочной суете, не понимая себя. В такой момент делаешься из человека машиной, которая точно током электричества работает. В кармане держишь бомбу, которую тоже при сближении с противником можно пустить в ход. Прележав так несколько часов, насили дождешься, когда скажут: «Пойдем обратно». Приду жив, то всю войну вам на бумаге опишу и на словах расскажу. Слышите ли вы про перевероты нашей родины или нет? До свидания.

№ 289. *От 7 сентября 1917 г. Сестры Толи.*

Здравствуй, дорогой брат Коля. Живем мы Коля хорошо, всего хватает. Купили сапоги и 3 пары котаников по 30 руб. Картошки накопили мешков 17, на картошку урожай хороший. Некоторые хозяйства накопили мешков по 30. Картофель очень дорогой, в деревне своим продают по 15 руб. мешок, а в городе 20 руб. Овес мы свой домолотили сегодня. Погода изменилась, все перепадают дожди. Половину овина измолотишь, да и дождь отдохнуть велит. Льны уже многие с лежки сняли, начинают мять. Коля Кучеров вчера отправился в Тотму. У нас тоже про Рижский фронт читают, что Рига взята немцем. В это время Санук Иванов был в отпуске, ему бы надо ехать в Ригу, он хотел уехать и прислать телеграмму, а только еще прислал письмо с дороги. Не знает, в каком положении его товарищи. До свидания дорогой брат Коля. Сестра Толя. Пиши, в чем нуждаешься, так пошлем. Я Коля часто тебя вижу во сне, ты как будто приехал на побывку.

№ 290. *От 8 сентября 1917 г. Мое папаше.*

Здравствуй, уважаемый мною родитель. Шлю Вам свое сыновье почтение и низкий поклон. Я очень рад за то, что вы все живы и здоровы и с делами справляетесь благополучно. Я некоторое время буду спокоен относительно дома. Теперь я скажу, сколько смогу утешительных слов на счет общегосударственных дел. Вы слышали, что взята Рига, говорите, что плохое дело. Узнав подробно, почему отступают, кто отступает, то мне стало невыносимо. Передо мною представляются кучи мертвецов, павших в борьбе за свободу, в борьбе с коварным врагом. Они шли на верную смерть от пуль и снарядов, падая друг на друга, все чего-то ожидая. Наконец, дождались долгожданной свободы, с которой нажили много врагов внутренних. Свободу начали понимать не одинаково, всяк по своему. Потом, видя, что свобода в опасности, стали опять предлагать на разные лады, как ее спасти. Одни говорят так: «Нужно наступать», другие говорят: «Не надо, лучше побратаемся». Что же, наконец, получилось? Свободу чуть не отняли, даже не однажды, подобно, как у вороны лисица сыр выманивала. Первой лисой явились буржуи, да провокаторы. Троцкий, быть может, вам известен, через которого были не лады с Лениным и через провокаторство которого произошло июльское наступление и Тарнопольское отступление. Он не заключил во время мир по указанию Ленина. От общей партии

выделилась оппозиция из многих тысяч, в состав которой входили и войска, обманутые Керенским. Когда Ленин указал на явное преступление Керенского и Троцкого, ленинская партия: рабочие, солдаты, обманутые, перешли на сторону Ленина. Ленину все же пришлось скрываться некоторое время. Наконец это все установилось, войска установились, население успокоилось. Нашлась другая лиса — Корнилов, который вел наступление 25 июня, и наступление шло удачно, потому что тут люди были все сознательные, шли по доброй воле. Были ударные полки, набранные из лучших людей, которые откликнулись чутким сердцем и готовы идти на верную смерть, которые были названы «корниловцы». После боя этот преподобный Корнилов набрал 120 тысяч войск, да еще казаков и пошел наступлением на Петроград. Войска, конечно, были обмануты и шли по неведению, будто большевики взяли власть в свои руки, и они им будут помогать и выручать. Корнилов Керенскому объявил, чтобы он сдал ему полную власть, а иначе он ему объявит войну. Так и так значит пропадай. И в это же время происходило отступление на рижском фронте, которое произошло через провокацию корниловцев. Вчера товарищ получил от родного брата письмо, который описывает, почему произошло отступление. Там командир корпуса и командир армии оказались провокаторы, когда немец наступать стал, то стал душить газами. Солдаты отстаивали фронт добросовестно. В это время все телефоны провокаторами были перерезаны, чтоб шли на поддержку, передать было нельзя, батареям тоже. В это же время передали им приказ: «Отступить, на сто верст». Но солдаты не слушались, защищались до конца, а когда прибыли резервы, то в ротах, стоящих на позиции осталось по 20 человек от 250. Потом им командир корпуса объявил, чтоб они занимались 6 часов в сутки и ночью чтоб ходили на работу. Они стали протестовать. В один день их стали вызывать на митинг, привели на поляну, где они оказались в кольце казаков и артиллерии. Это благодарность и награда за то, что солдаты защищают Родину. Вы спросите, почему их казаки окружали. Да просто на них командир корпуса наговорил небылицы, что они в наступление не хотят идти и приказания не исполняют временного правительства. Решилось тем, что командира корпуса подняли на штыки, комиссара тоже пощипали, и была стычка с казаками, пока они не поняли друг друга. Вот что творилось. Это точно тучи, то набегут, то снова рассеются. Ригу сдали по силе необходимости. Вам теперь думаю понятно. Корнилова арестовали и многих других. Войска шедшие с Корниловым перешли на сторону Керенского. Теперь у нас республика, то есть

правитель государства не царь, а избранные народом 5 лиц, во главе которых Керенский. К нему присоединяются все войска и ~~вот~~ вы исполнять все приказанья. У нас теперь все идет через комитеты. Горько и невыносимо было, когда слышно было, что Корнилов идет на Петроград и немец прется. Кто может спасти Россию? Да солдат! Кто солдат? Да я! Теперь ничтожное «я» сливается в одно целое. До свидания. Ожидаю, мира и ожидаю смерти. Мира еще не видно, а смерть можно получить, не дожив и до завтра. Сегодня у меня праздник. купил булок на 5 рублей 10 штук. Нужды ни в чем не имею. До свидания, папаша. Сын Коля. Целую Вас всех.

№ 291. От 9 сентября 1917 г. Мое брату Васе.

Здравствуй дорогой мой брат Вася. Вася гулять, гуляйте, но берегите здоровье, потому что Ваша жизнь вся впереди. Вы еще должны много в жизни встретить радости, наслаждения и горя. Радость с горем неразлучны. Я жил дома, у меня много было желаний и планов, но все вышло не, по-моему. Все что я думал и к чему стремился, осталось детской мечтой. Я уже 2ой год в такой жизни, что на нее уходит все внимание. Например, сегодня я на позиции. Привезли обед, мы на лужке кушаем. Летят три самолета. Мы, подняв головы, гадаем, чей это? Наш или нет? Вдруг выстрелы по ним нашей артиллерии, значит это германские. Разрывы над нами, падают осколки и головки от снарядов. Мы на время убегаем в блиндаж. Это происходит почти ежедневно, аэропланы все время жужжат. Днем делать нечего, садимся играть в карты в подкидного. В деньги играют, когда получка. Я Вася не играю. Сегодня ночью поймали пленных австрияков. Пишу я уже на следующий день, т. е. 10 сентября. Сегодня вероятно, пойдем в разведку. Ожидаем того дня, когда сменимся на отдых, стоим уже от 29 августа. Думаем не раним, не убьет до такого то числа, пойдем на отдых, там, сколько то постоим, и так идет время. Каждый день пишу письма и жду от Вас. Прошу передайте поклон всем молодцам и девицам. Будет время, еще увидимся. До свидания. Любящий вас, Вася, брат Коля.

№ 292. От 10 сентября 1917 г. Мое Коле Кучерову.

Здравствуйте сердечно любимый брат Коля. В настоящее время я с 29 августа стою на позиции, не раз уже в темные ночи ходил в разведку, во время которой приходится испытывать и переживать неведомые вам ощущения, к которым я уже привык. Сегодня у нас

на участке солдаты из нашего полка поймали 4х пленных. Сегодня целый день летали неприятельские и наши аэропланы. Погода здесь прекрасная. Мое место нахождения около города Хотин. Если не будет позиционных перемен и буду здоров, то всю зиму простою тут. По случаю сегодняшней поимки пленных на фронте идет артиллерийская и винтовочная стрельба. На днях я жду смены на от-
тых, где простою от 7 до 14 дней. Коля в отступлении, которые произошли от рук провокаторов, и в виду корниловского наступления попытки взять власть в свои руки, мое настроение резко пере-
менилось, я чувствовал резкий упадок настроения. Теперь дела как будто налаживаются. Все идет через комитеты, каждый день полу-
чаем газеты. Коля невыносимо скучно бывает в теперешние тем-
ные осенние ночи. Ночью выйдешь из землянки подышать свежим
воздухом, взглянешь на звездное небо и является какая то жажда к
жизни и наслаждениям. Но тут слышишь непрерывную винтовоч-
ную стрельбу, временами трещит пулемет, и слышишь отдаленные
выстрелы орудий. Горько невыносимо становится на душе, хочется
увидеть родных, друзей, хочется, хотя час пожить жизнью безза-
ботной. До свидания. Ваш брат Коля.

№ 293. От 10 сентября 1917 г. Коли Кучерова брату Васе.

№ 294. От 11 сентября 1917 г. сестре Толе текст в дневнике.

№ 295. От 12 сентября 1917 г. сестре Толе.

№ 296. От 13 сентября 1917 г. сестре Толе.

№ 297. От 14 сентября от папашки.

Милому и дорогому нашему сыну Николаю Григорьевичу посы-
лаем родительское благословение и с любовью низкий поклон. Да
хранит тебя Господь Бог наш. Все живы и здоровы, того и Вам жела-
ем. Молотьбу свою кончили — последний овин. Погода плохая, то
дождь, то тепло, растут грибы и губина. Дядя Сано все дома. У нас на
все дороговизна, репа- 3руб. 50 коп. пуд, пуд муки — 10 руб., овес —
7 руб., сено — 3 руб. 50 коп., картошка — 6 руб. пуд. Картошки нако-
пали мешков 18, картошка хорошая. Манька начала ходить в учили-
ще. По получении этого письма стремись приехать на побывку, хотя

бы на один час. Если не хочешь или невозможно, то пиши, если ~~нуж~~даешься в деньгах, то мы пошлем. Все-таки стремись побывать, очень хочется повидаться, а потом навеки и расстаться. Милый сын Коля как увеличилась неправда и зло. Какие то партии, каждая свою ~~сво~~б. рует, а Господа Бога не вспоминает. Если мы не будем признавать Господа, то мы пропали и пропадем вовсе. Только и наслаждение, ~~когда~~спишь или уйдешь в лес, тогда спокойно. Как сошелся с человеком, ~~то~~тогда расстроишься, сам или расстроишь людей. Если совесть есть, то завяжи глаза и не гляди на белый свет. Много я Коля заболтался, извини меня. Да сохранил тебя Господь Бог наш и Ангел твой Хранитель. Любящий ваш батька Григорий Шалагин.

№ 298. От 13, 14, 15 сентября 1917 г. Брата Васи.

Здравствуй дорогой и любимый мой брат, сват, друг и товарищ Шлю вам братское почтение и с любовью низкий поклон. Сейчас пришли от обедни, будем чай пить. Забастовали железнодорожники, они говорят, скоро будет война у нас в Вологде пассажиров не возят, а солдат не задерживают. Сейчас зовут меня гулять Мишук и Алексей. Живем не кое-как, а 4 гармонии. Погода стоит плохая, дождь, грязь и снег пролетает. Гриня Сергеев домой приехал, торговлю с собой привез, разных товаров, говорит, что отпуска есть с позиции с 16, и ты брата приезжай на Михайлов день. До свидания. В.Ш.

№ 299. От 15 сентября 1917 г. Сестры Толи.

Здравствуй дорогой брат Коля. Шлю я тебе свой привет и с горячей любовью низкий поклон. Спешу сообщить, что мы все живы и здоровы, только очень жаль, что нездорова мама. Она лежит 4ый день, у нее сердце здорово, только не может ходить и наклоняться. У нас в Народном доме 14 сентября в Воздвиженьев день был спектакль, играли городские гимназисты и гимназистки. Пьеса была «Без приданного ни за что» в 2х действиях, потом еще пьеса в 1 действии «Жена на прокат». Рассказывали рассказы, басни и сказки. играли в разные игры. Их было 9 человек, 2 барышни и 7 кавалеров. Места были за 1 руб. 25 коп., за 1 руб. 75 коп., галерка — 30 коп Гимназисты приехали за свой счет. Я очень рада Коля, что ты будешь писать дневник непрерывно. Я буду хранить. Ты спрашиваешь Коля, как твой сундучок? Он стоял в горнице на полу и теперь стоит тоже на полу, может не на том месте, когда мели или мыли пол, переставили. Мандолина тоже лежит в своем футляре — ко-

робке, только у нее отклеилась головка. Мама поругала ребят, все говорят: «Не видели». Быть может, и сама отклеилась. У нас все по-старому. Очень жаль Коля, что я не научилась при тебе шить на твоей ножной машинке. У меня нет машинных иголок и взять негде, спасибо Оля Петровна Шамаева дала иголку, я и шью. У нас все дорого, нитки 80 коп. ситцу купить, тоже дорого. У нас благодаря Богу в нынешнюю зиму можно не покупать, куплено, пока можно больше ушивать старое. У нас выдают сахару очень мало, на месяц 3 фунта и песку 3 фунта, хош пей с сахаром и песком, хош береги. Белой муки не выдывали. До свидания. Толя.

Печатное письмо от мамы. 1917 года сентября

Здравствуй дорогой сын, посылаю заочное родительское благословение. Да хранит тебя Господь. Материнское сердце болит по тебе, хочется увидеть Вас. Может быть, и увидимся, на все воля Божья. Какие счастливые люди Васютка Иванов Шалагин у нас в доме и Алешка Александров Швецов. Один в отпуске, а Алешка вовсе. Веселятся, пляшут, в гармонию играют, а ты у нас страдаешь. Когда кончатся твоё страдание?

№ 300. *От 17 сентября 1917 г. Сестре Толе — продолжение дневника.*

№ 301. *От 18 сентября 1917 г. Кумы Поли.*

№ 302. *От 20 сентября 1917 г. Мане Швецовой.*

№ 303. *От 18.19.20 сентябрь 1917 г. Продолжение дневника сестре Толе.*

№ 304. *От 21 сентября 1917 г. Поли Васильевой.*

№ 305. *Сестре Толе от 21.22.23.24. сентября 1917 г. Продолжение дневника С. Т*

№ 306. *От 26 сентября от папаши.*

Милому нашему сыну посылаем заочно родительское благословение. Желаем доброго здоровья. Да хранит тебя Бог-Господь. Мы

все живы и здоровы. Когда же мы увидимся с тобой? Очень-очень хочется. Вы пишете, что снится родной дом. Мне сыночек ни разу не снился. Как хочется увидеться во сне, милый Коля. Дожили до какого времени? Ведь люди братья, о, как бы счастлив был свет этот старый, да люди друг друга понять не хотят! К соседу сосед не придет и не скажет: «Ведь, люди все братья, дай руку мне, брат». Зачем мы разлад и вражду не покинем? Зачем не составим одну семью? Один бы другому сказать мог с любовью: «Приди! Мы с братьями — дай руку твою. Богат ты и носишь нарядное платье, я беден на мне кафтанишка худой, но честное сердце в груди у обоих, так ты поделился со мной»». Хочется пожить по-братски, с любовью, но нет, должно быть не придется. Вместо любви растет и растет зло. Но на все воля божья. Александр Осипович Тарабухин Спасский прибыл из плена и в Вологде помер. Похоронили у Спаса Стремись приехать на родину. До свидания, твой батяня Г. Шалагин.

№ 307. От 27 сентября 1917 г. Папаше. Вечером в землянке.

Здравствуй сердечно любимый мною папаша. Шлю вам самый искренний горячий сыновний привет и заочно крепко Вас целую много раз. Спешу сообщить Вам, что меня хранит Господь Бог и мой ангел хранитель, быть может, через Ваши молитвы по сие время. До глубины души я тронут Вашим письмом. 25 сентября мы с отдыха перешли на позицию в грязные и холодные землянки. Время уже осень, нужно беречь мою жизнь. Мы переспали ночь, пошли строить зимние землянки. Картошку добывали под носом у противника. Сегодня получили керосин, и вечером зажгли коптилку. Благодаря Бога, не вижу нужды в деньгах, потому что жалование увеличено. Я награжден Георгиевской медалью 4-ой степени, за которую буду получать по 1 р. в месяц с 25 июня. С почтением желал бы побывать дома, но, крепко веря в Господа, не желал противиться его воле, сейчас пока не вижу возможности побыть дома, отпусков нет. Когда будут, тоже скоро не попасть, потому что есть люди, которые дольше меня не были. Папаша, знаете слова спасителя: «Кто оставит мать, отца, жену и детей и последует за мною, тот получит жизнь вечную». И я оставил своих родителей, братьев и сестер, которых люблю сильной любовью. Крепко надеюсь на Господа, если ему будет угодно, вернусь жив и здоров домой. Увижу всех, кто мил моему сердцу, а если не придется вернуться, то, верно, так будет угодно ему. Опишите, кто состоит в комитете, что

делает комитет? Папаша, и здесь много зла и неправды. Вам не увидеть зло и неправду, которую вижу я. Вы дома в мирной жизни, я на войне, где убить, растерзать называется — подвиг. Доколе не искорениться зло и неправда? Жду конца войны, когда исполнится 42 месяца. Редко здесь слышно слово «Бог, правда, народ?» Скоро должна быть новая жизнь, ждите терпеливо, не впадайте в искушения. До свидания. Ваш сын Коля.

№ 308. *От 25.26.27.28.29.30 сентября 1917 г. Продолжение дневника сестре Толе.*

№ 309. *От 1 октября 1917 г. В. В. Швецова.*

...После обычного переворота призывали к наступлению, а ленинская партия наоборот. Почему, кто призывал, не брал на себя при этом ответственность и, в конце концов, заплатились своим боком, и всюду была измена? Они призывали и считались преданными сынами родины, какие патриоты? Ленинская партия была нрава, а те только вводили в заблуждение. Что касается Львова и Кракова — готовили к сдаче, это только пыль пускали в глаза. Дивизионный командир ушел в отставку, он очень стар, бригадный арестован, корпусной Корнилова — убит и брошен в реку с моста и с ним 10 офицеров. Один солдат, которому корпусной хотел подать деньги и подал пустой бумажник, выстрелил из револьвера. До свидания. Ваш товарищ В. В. Швецов.

№ 310. *От 3 октября 1917 г. Мане П. Швецовой.*

№ 311. *От 30 сентября 1917 г.*

№ 312. *От 1, 2, 3 октября 1917 г. Сестре Толе. Содержание в дневнике.*

№ 313. *От 4 октября 1917 г. Содержание в дневнике. Сестре Толе.*

№ 314. *От 3, 4, 5 октября 1917 г. Содержание в дневнике. Сестре Толе.*

№ 315. *От 5, 6, 7, 8 октября 1917 г. Содержание в дневнике Сестре Толе.*

№ 316. *От 12 октября 1917 г. Мое папаше.*

Здравствуй уважаемый мною папаша. Шлю Вам свое сыновнее почтение и с любовью низкий поклон. Я не по желанию и стремлению и не против моей воли, но по влечению и течению самой жизни оказался в другой более тихой жизни. Попал в портные в команду и уже пробыл 3 дня. Портные у нас были 2, но один заболел. Работы много, команда избрала меня, и мне уже не было возможности отказаться, как я отказывался раньше. Теперь уже я знаю, что такое бои, их видел не на картинке, а на самом деле, испытал чувство страха не во сне, а на самом деле, ежеминутно ждал смерти, по целым суткам беспрерывно перерождался духовно. Я не однажды помирал мысленно, но я все жив. Живем в халупе в белой мазанке в деревне Шириpci. Нас семья 6 человек. В настоящее время сыт и тепло пока. Сплю на лавке и под голову подкладываю подушку и укутываюсь одеялом. Долго ли проживу так не известно. Жизнь изменчива и переменчива сегодня здесь, а завтра там. Пока живу так: утром встаю, завертываю постель, выношу. Набираю кружку воды, иду умываться, потом перед небольшим зеркалом зачесу волосы. Вынимаю из под лавки машину ручную с колпаком, открываю ключом и сажусь шить. Потом чай на воле у костра попьем. Покупаем в лавке к чаю. Обед варим. Станет темно, работу кончаем. Вечером читаю или пишу. Жизнью я доволен. Любезный папаша, пишите почаще письма, мне они очень дороги. Пишите, что слышите, и что Вас беспокоит в жизни. Я нужды ни в чем не чаю. Сын ваш Коля.

№ 317. *От 14 октября 1917 г. Ирине Николаевне.*

№ 318. *От 15 октября 1917 г. Папашу.*

Милому и дорогому нашему сыну Николаю Григорьевичу посылаем заочно родительское благословение. Все живы и здоровы, но порядку нет, потому что вместо любви ненависть существует, вместо правды обман, скупость, гордость. Денег зарабатывать можно много, но и держать легко, вместо 5 коп. приходится держать рубль. Работали на баржевой конопотной у Лимина. Двое, 10 дней.

по 10 рублей в день каждому. Милый Коля, трудная жизнь подошла. Был я в казенной келье у церкви. Были солдаты, были мужики и старики. Каждый оправдывает сам себя, если разобраться, то все виноваты, живем и тонем в грехах .

№ 319. От 17 октября 1917 г. Сестры Толи.

Здравствуй дорогой и многоуважаемый, брат Коля. Благодаря Богу, погода у нас еще теплая, иногда мерзнет, но скотина все ходит на поле. Мы купили ярушку овцу у дяди Николая Кучерова, заплатили 50 руб. Василий Александрович Мещанский купил лошадь и будет возить в кооперативную лавку товар. Дядя Сано Шалагин приехал опять на 2 месяца и купил лошадь. Дописываю письмо вечером, у нас домовничанье: мама ушла в город, тятя конопатит, Васюха тоже дописывает письмо Мишуку Иванову. Все живы и здоровы. Желаю быть здоровым, ждем домой приехать хоть на один час. До свидания, Коля. Толя.

№ 320. От 19 октября 1917 г. Мане Швецовой.

№ 321. От 21 октября 1917 г. М.И. Куликова брату Васе.

№ 322. От 22 октября 1917 г. Поли Васильевой.

№ 323. От 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26 октября 1917 г. Сестре Толе. Во 2 книге дневника

№ 324. От 27, 28, 29, 30 октября 1917 г. Сестре Толе.

№ 325. От 1 ноября 1917 г. Сестры Толи Поле Васильевой.

№ 326. От 1 ноября 1917 г. Сестры Толи.

Здравствуй брат Коля. Шлю тебе свой привет и от души желаю здоровья. В Казанскую тятя ходил в гости, там был Мауринский зять. Он продавал лошадь, тятя понравилась, он просил 350 рублей. Тятя пришел домой, послал Васюху и маму, они привели лошадь за 340 рублей. Лошадь телом очень красивая, темно-каряя, только хра-

мает на заднюю и на переднюю ногу. Она жила у нас неделю, сегодня продали в Марьино за 400 рублей. Тяти нет, ушел в Прагу. конопатить, там строят новый дом у дяди Федора. Пили чай. вдруг кто-то стучится, Гринька вошел, вдруг несет письмо, мы были очень рады. Я стала читать, ты теперь в швальне, мама несколько раз перекрестилась. Стали смотреть карточку, мама не могла узнать, где ты, потом пришел к нам Коля Петров Серов, он тоже читал ~~то~~е письмо, немного посидел и пошел на посиделку, позвал нашего Васю, но Вася не здоров, лежит. В воскресенье он ходил в Ивану-ское на веселую, в шляпе, был очень большой ветер, теперь болит голова, так он не пошел. Я в понедельник ходила в город. В городе все дорого. Везде стоят «хвосты» у постного масла, у колбасы, у молока. Ситцем в магазинах не торгуют, только в толкучке на улице. Скотина дорогая, простая деревенская корова стоит 600 р. и больше, 1 катушка ниток 1 р. 75 коп. Погода у нас хорошая, хотя не очень тепло, но еще не замерзло. Овцы еще ходят в поле. Скоро у нас Коля праздник, приезжай в гости, мы ждем с нетерпением, приезжай ко мне на именины, на Михайлов день. Много раз благодарю за письма, прошу писать чаще. До свидания брат Коля. Сестра Толя

№ 327. *От 3 ноября 1917 г. Мане Швецовой.*

№ 328. *От 30, 31 октября; 1, 2, 3, 4 ноября 1917 г. Сестре Толе.*
Содержание в тексте дневника.

№ 329. *От 4 ноября 1917 г. Сестре Толе.*

№ 330. *От 7 ноября 1917 г. Мое папаше.*

Здравствуй дорогой родитель. Шлю Вам свое сыновье почтение и с любовью низкий поклон. Очень Вам благодарен за ваши письма. Я их читаю с большим наслаждением и перечитываю по несколько раз, и сохраняю их до тех пор, пока возможно. Уже 18й месяц я в разлуке с Вами и со всеми родными. Я увижу уже не ту картину жизни, из которой я уехал, а увижу своих братьев и сестер в другом образе и всех людей молодого поколения. Меня не увидите таким, с каким расстались. В моем лице, движениях, разговоре, в характере вы увидите другого. Папаша не тоскуйте, увидимся еще, но живите, берегите здоровье, потому что оно самое дорогое в мире.

Дорогой папаша вы мне написали три куплетика стиха, в них каждое слово пышет любовью. Если вы можете, то допишите до конца. Папаша вы говорите, что охота пожить по-братски, с любовью. Это должно основываться на молодом поколении, и это должно быть в скором времени. Война кончится, и жизнь пойдет в гору. Теперь многие молодые от 19 до 30 не живут дома. Они борются с вечным врагом — царизмом, который уже побежден навсегда. Теперь свободен народ, он не в одиночку, а все за одного и один за всех идут не жалея жизни бороться за благо Родины. Теперь войско живет уже по-братски. Этих молодых людей у нас до 20 миллионов. После учредительного собрания не будут работать на дармоедов, а будут работать только фабричный на крестьянина, крестьянин на фабричного. Купцов, дворян не будут зря кормить, они пусть либо работают или мрут с голода. Роща не будет Занинской, Костинской, Моклоковской усадьбой, которые кормили и одевали Непотяговские, Дмитриевские, Пилатовские и другие деревни, арендуя у них покосы, работая поденщиной, работая исполу. Земля эта будет тех, кто ее будет обрабатывать с охотой сам, и плоды труда не будут, как раньше за бесценнок отдавать купцу, а отдадут прямо в руки рабочему, работающему на государственной фабрике или заводе. Вернувшись домой я буду стремиться не к улучшению личной жизни, но к улучшению общей. До свидания, живу хорошо. Передайте письмо на хранение сестре Толе. Коля.

№ 331. *От 7 ноября 1917 г. Брату Васе.*

Здравствуй милый брат Вася. Вася не увлекайтесь хулиганскими увлечениями в гулянках, остерегайтесь не разумных, зверских столкновений молодежи, потому что можете погибнуть не из-за чего во цвете лет своих, не увидев жизни, не принеся пользы обществу. Я получил на днях письмо от Миши из Царицина, он пишет про Вас, что вы стали взрослый и хороший хлопец. Говорит: «Я гулял с ним вместе, и он принимал меня вместо тебя». Вася сердечно Вам благодарен. Крепко умственно Вас целую. Я раньше, когда жил дома, любил читать книжки про чужие края, про других людей, интересовался вообще жизнью. Окружающая меня жизнь мало интересовала. Я был молчалив, все почти время я никуда не ходил, но я видел более тех, кто много ходил и говорил. Мне не нравилось все то, что происходило вокруг меня, потому что я знал, что не так надо жить. Теперь видишь, слышишь, думаешь столько, что дома и 10 лет проживешь, не испытаешь того. Я слышу, что происходит в нашей матушке Рос-

сии. Как живут в Сибири, Петрограде, на Кавказе и везде вообще. Здесь люди со всей России. Каждый рассказывает, как у них жили, как теперь живут. Я решаю в моих молодых годах не стремиться к славе, богатству, но одного желаю — здоровья и знания, то есть мудрости. Богатство — это не есть добро, из-за него гибнуть не в свое время люди и оно вместо радости приносит горе и скуку. Мудрость привлекает любовь со стороны окружающих тебя людей и это единственное удовольствие, утешение в жизни каждого. Вася я живу хорошо. Уже завтра месяц, как портняжничаю, живу в одной деревне, в халупе. Кушаю и сплю досыта. Много времени свободного на чтение и писание. Наблюдаю за жизнью, окружающей меня и теперь я ничего больше пока не могу желать. Работаю и не считаю себя бесполезным человеком. С удовольствием уважаю просьбу товарищей, просящих что-нибудь сшить, они дают нитки, материал, потом дают денег за труды, я не желаю брать. До свидания Вася. Брат Коля. Вася передай письмо тятю и сестре Толе на сохранение.

№ 332. *От 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 ноября 1917 г. Сестре Толе.*

№ 333. *От 19 ноября 1917 г. Родителям.*

Здравствуйте уважаемые мною родители, братья и сестры. Я увлекся работой и потерял свою свободу, потому что портных больше в команде нет, и мне приходится по просьбе работать и ночью. С команды идут несколько человек в отпуск, но я очень доволен судьбою. На днях был в городе, имел счастье присутствовать на спектакле, где было очень весело. Публика была интеллигентная города Хотина. До 4х часов были танцы, было много барышней, но больше евреечки. Работы много, прямо не дают опомниться. На фронте у нас с сегодняшнего дня начнется перемирие. Как вы живете? Ходят скверные слухи, что много жертв в Москве и Петрограде. Будьте все здоровы. Будем жить радостной встречей. Любящий Вас Коля.

№ 334. *От 21 ноября 1917 г. Мане Швецовой.*

№ 335. *От 23 ноября 1917 г. Мое родителям.*

Здравствуйте многоуважаемые родители, любезные братья и сестры и все мои знакомые. Терпеливо жду, когда мой жизненный

путь изменится. Не хочется мне идти против воли веления судьбы. Теперь я пока на старом месте работаю, т. е. шью в своей команде. С 19 ноября перемирие, не одного выстрела. Днем ходят между позициями наши и австрияки. Наши в его караулы, они к нашим. Долго ли это будет продолжаться не знаю. Писем я почти не получаю. Последнее получил уже давно, более 2х месяцев и не знаю как вы живы и здоровы. Время у меня проходит хорошо. День работаю, вечер подходит, я берусь за то, что меня утешает. Беру книгу, за которой просиживаю до полночи и далее до 2х часов. Я вижу себя в этой бесконечной вселенной, в которой земля, на которой мы живем, пылинка, капля в океане. Человек, живущий на ней, маленький, невидимый микроб. Я хотел бы крикнуть: «Опомнитесь, люди. Ведь мы не для того сюда посланы, чтобы мешать друг другу жить». Свою жизнь желал бы я устроить тихую и спокойную и чтобы принести хотя бы малую пользу в живой мир, в людское море. Сто лет я считаю время, равное с одним мгновением ока. Смерть переходом из одной жизни в другую, неведомую, неизвестную. Коля Шалагин. Прошу отдать на сохранение сестре Толе.

№ 336. От 25 ноября 1917 г. от М. И. Куликова

Письмо из родного края. Привет из деревни Непотягово. Здравствуй, глубокоуважаемый, любезный друг и товарищ Николай Григорьевич. Теперь делают весёлые у нас в деревнях. Была и у нас в деревне, но я не застал, но был в других деревнях. Не знаю перед миром или перед голодом гуляют почем зря. Коля пишите, когда вы будете дома, ведь мы с тобой вместе прошли весь тяжелый путь, чем мы хуже других, некоторые приезжали и приезжают часто. Михаил Иванович Куликов.

№ 337. От 26 ноября 1917 г. от брата Васи

Здравствуй брат Коля. Шлю тебе свое почтение и с любовью низкий поклон. Воскресение, тятя у обедни, а мама ушла гулять куда то, Панко дома, скоро наверно будем чай пить. Была у нас в деревне веселая, а теперь прошла, а после нашей была в Ивановском. Я все дрова возил с Курмашево и завтра ночью поеду в Заненскую (которая за деревней Непотягово) за дровами, 65 рублей за перевоз в город. Деревня Непотягово разживается, все лошадей накупили. Дядя наш А. К. Шалагин купил лошадь, Александр Алексеевич Мещанский купил, Александр Андреевич Шамаев тоже.

Крестный твой Е. Г. Сергеев тоже, Иван Алектритович Шалагин и Василий Алексеевич Мещанский — все с лошадьми. Погода хорошая, теплая. До свидания. Остаюсь твой браг. Жду ответа, как соловей лета. Сказывай поклон вашему ветру. В. Г. Шалагин.

№ 338. От 26 ноября 1917 г. от папаши и брата Грини.

Милому и дорогому нашему сыну Николаю Григорьевичу посылаем родительское заочное благословение. Работал в Пронино, жил дней 15. Сегодня был у обедни, были солдатики в казенной келье, винят Керенского, винят Корнилова, одобряют партию большевиков. Слышал в церкви, что поминают Патриарха. Живем не роскошно, даже постного масла нет, песку сахарного выдали по 1 фунту на человека, жизнь плохая. Мамаша скупая, из-за этого выходит вражда. Лен продали по 35 руб., на 135 руб. Сегодня ходила Шурка в лавку, принесла табаку 1/8 и 1 хомутную иголку за 96 коп. Я теперь радуюсь, что Вы сейчас находитесь в портных, под теплым кровом. Прошу передать поклон твоим хозяевам халупы, дедку с бабушкой. Напиши их имена и твоих товарищей. Мы работаем сейчас у Сергеевых, Иван Григорьевич дома. Мы пилим дрова, Ваня ходит на костылях, дрова укладывает с нами. Васютке купили шапку, заплатили 40 руб., пыжиковую, не очень хорошую. До свидания сын мой Коля. Да хранит тебя Господь и Ангел Хранитель. Наша жизнь суетная, только и отрады, что смерть все кончит.

Здравствуй дорогой брат Коля. Шлю я тебе свой привет и с любовью низкий поклон. Я живу хорошо и тебе того желаю, от Господа Бога доброго здоровья. У нас в школе будет Рождественская елка. Мама пряла, а мы свили на клубок пряжу с Маней, а мама легла спать. До свидания брат Коля. Живем хорошо. Брат Гриня. Старая учительница Мария Михайловна ходит на костылях. Другая Анна Яковлевна.

№ 339. От 26 ноября 1917 г. Сестры Толи.

Здравствуй дорогой брат Коля. Шлю я тебе свой привет и с любовью низкий поклон. Сейчас тяти дома нет, он в Пронине. Вася, не спавши, уехал на Курмашево, ребята в училище. Я кое-что шила. Дни очень короткие, пообряжаешься, потом пошьешь, а вечером хожу на посиделки. Обшивала Васе рукавицы и пиджак. Он собирается возить из Маклакова. Там стоит большой барский дом, он был пустой, то теперь его сломали и возят в город, приходится 20 руб. за

воз. Еще возят из Заненской сено в город — 50 коп. с пуда. В воскресенье я скроила пиджак дяде К. Мизгиреву — на вате. В понедельник мама была в городе, купила бумаги и конвертов 100 штук, да еще Васе шапку ушанку, ездить в лес, заплатила 40 руб. Вот как дешево. До свидания брат Коля. Остаемся все живы и здоровы. Сестра Толя.

№ 340. *От 16-28 ноября 1917 г. Сестре Толе. Содержание во 2-й книге дневника.*

№ 341. *От 1 декабря 1917 г. Мане Прокопьевой.*

№ 342. *От 2,3 декабря 1917 г. Брату Васе.*

Здравствуй дорогой брат Вася. Шлю Вам свое братское почтение и с чистосердечной любовью низкий поклон. Мало мне известно, как живут мои меньшие братья. Мне без терпенья хочется видеть и говорить с ними со всеми, но этого пока нельзя. Как там живет Маня? Мне раз папаша написал, что ходит учиться, а больше ничего. Наверно подросли все за 18 месяцев. Приду домой и не узнаю. Вася и я тоже изменился, уходя от вас, усы у меня только чуть заметны были, а теперь уже закручиваю, временами ими щеголяю. 6 декабря пойду в г. Хотин за фотокарточками, если почта будет ходить в порядке, одну pošлю вам. Как там Шурка живет, хоть бы стрекоза письмо написала, а то забыла. Уж за кавалерами ударяет? Гринчик и Павлик в училище ходят, тоже бы письмо написали. Теперь я работаю в команде. На позиции перемирие, сидят в блиндажах, в лесу. Печки понаделали, топят. Хлеб привезут, суп сварят; газет привезут, читают. Каждый бы согласился работать, только бы отпустили домой. Уже всем все надоело. Вася, там у нас бунтов нет? Споров за леса, за земли кулацкие? В иных местах очень безобразно: разбиваются помещичьи усадьбы, леса рубят, но это зря, нужно обождать, скоро само перейдет. Не будем мы Занину косить исполу или работать и за свой труд получать 10ю долю. Не будут за землю платить своим потом и кровью, за траву которую родит природа, а не барин, который загребал раньше капитал, а сам жил в городе. Трудящиеся массы очистились от них и поняли, что лучше помереть, чем подставить им свое тело опять. Прошу не тужите обо мне, будет время, увидимся. До свидания. Вася пиши чаще. Любящий вас брат Коля.

№ 343. От 6 декабря 1917 г. Родителям.

Здравствуйте уважаемые мною родители, папаша и мамаша. Шлю вам чистосердечное почтение. От всей души желал бы провести предстоящий впереди праздник Рождества христового в кругу дорогих мне людей, но по всей вероятности еще не придется. Так же желал бы встретить Новый год, в который никто не знает, что нас ожидает впереди. С 1 декабря последовал приказ равенства, то есть никаких чинов и отличий, разделений между людьми. Будут все, как один, равны. Не будет дворянина, мещанина и крестьянина (черной кости), а будет вольный гражданин. Не будет генерала, полковника, подполковника, штаб-капитана, капитана, прапорщика, а будет одно слово — солдат. Давно объявлен лозунг: «Свобода, равенство и братство!!!». Свобода уже скоро, как год. Добиваясь равенства, боролись 9 месяцев. Равенства добились уже 6 дней тому назад, но братства еще не добились вообще, но частично есть. Сотни тысяч борцов живут по-братски и борются, как один, не жалея себя. Живут, делят последний кусок на всех. Мир у всех на устах. Бедствия постигли каждого человека. Еще месяц и должен быть мир. До свидания. Коля.

№ 344. От 6 декабря 1917 г. Сестре Толе.

Здравствуй уважаемая сестра Толя. Приветствую по-братски и желаю вам всех благ. Сегодня мы встали с сапожником Дмитриевым Астраханской Губернии, оделись и пошли в г. Хотин за фотокарточками. Идти десять верст. Погода здесь тихая, чуть нанесет снегу и стоят слабые морозы, менее 10 градусов. Сегодня сильный ветер. В городе зашли в столовую, потребовали чаю с сахаром, взяли по булке, потом пообедали всего за десятку. Зашли в парикмахерскую, подмолодились. Я фото выкупил свои и заказы товарищей. Купил ниток катушечных по 2 р. 60 к. Хотели еще сходить в кинематограф, но был закрыт. В халупе был готов чай, в масле жарились блины. Конечно, с дорожки очень приятно. Да нравится мне жизнь солдата, и уверяю вас, вернувшись все солдаты домой, принесут с собой мир и любовь. Всем прошу передать привет. Коля. Карточки не знаю послать или нет, жаль, если пропадут, т.к. только две у меня.

№ 345. От 6 декабря 1917 г. Брату Васе.

№ 346. От 10 декабря 1917 г. Мане Швецовой.

№ 347. *От 28-30 ноября, от 1-13 декабря 1917 г. Сестре Толе. Содержание в дневнике.*

№ 348. *От 14 декабря 1917 г. Мане Швецовой.*

№ 349. *От 18 декабря 1917 г. Мане Швецовой.*

№ 350. *От 18 декабря 1917 г. Мамаше.*

Здравствуй дорогая моя родительница. Шлю Вам свое сыновье почтение и низкий поклон. Поздравляю вас с праздником Рождества Христова, желаю в радости его встретить и проводить. Любезная моя мамаша я живу в настоящее время очень хорошо, только не имею возможности приехать домой. Шлю привет дорогому моему родителю, всем родным моим братьям и сестрам, желаю вам всем доброго здоровья. Что может пожелать человек, живущий последний день? Пожелает ли он быть богатым или славным, я думаю, нет. Я много раз чувствовал, что живу не только последний день, но последний час или минуту. После всего этого дана мне жизнь на несколько лет или даже на несколько десятков лет. Теперь я ничего не могу пожелать, кроме здоровья. Сам, имея здоровье, буду иметь и необходимое для жизни. Я перешел в другое место, но письма пишите по старому адресу, все равно я получу. Я в этом же полку, но только перешел в полковую канцелярию и сегодня вам на досуге отпечатал на пишущей машинке письмо. Вчерашний день, т.е. 17 декабря, в воскресенье мне сильно нездоровилось, болела голова. Сегодня уже себя чувствую хорошо. До свидания. Любящий вас сын Николай.

№ 351. *От 20 декабря 1917 г. Сестре Толе.*

Здравствуй уважаемая сестра Толя. Я не знаю, чтобы пообещал тому, кто доставил бы мне возможность в этот праздник хотя бы на несколько часов, побыть вместе с вами, повидать вас и поговорить. Почему не получаю письма, я не могу объяснить сам себе. Я просто от этого чувства замечаю сам в себе какой-то упадок духа, точно я что-то потерял. Представьте себе, я отсылаю десятки писем, а сам перестал получать в настоящее время. Мое желание писать охладевает, потому что я думаю и мои письма не доходят, но обидно будет, если не дойдет моя фотокарточка. Последнее ваше письмо я получил от 1 декабря и больше не получал. Прошу передайте привет

всем родным и знакомым, почтение всем барышням и молодцам. Адрес тот же. Помещаюсь в чисто-выбеленной халупе теперь. Пою песни, письма печатаем, пишем к ночи, топим печку и спать можно без окутки. До свидания. Брат Коля.

№ 352. От 21 декабря 1917 г. Мане Швецовою.

№ 353. От 23 декабря 1917 г. Брату Васе.

Здравствуй горячо любимый мною брат Вася. Шлю вам свое братское почтение и низкий свой поклон. Поздравляю вас с праздником Рождества Христова и с Новым годом. Сегодня я имел счастье получить Ваше и Михаила Ивановича Куликова письма, за которые вам шлю самую искреннюю благодарность. Я жив и здоров по-прежнему. Интересна жизнь теперь, кто что вздумает, тот то и делает, не хочешь, да рассмеешься. 18 декабря из команды перешел в полковую канцелярию. Скоро мы, кажется, перейдем в другое место всей дивизией, т.е. 4 полка, верст за 100 с лишним. Жить пока можно. Кормят еще мясом каждый день, хлеба хватает, сахару дают. Время свободное есть и на чтение, и на писание. Вася ведь жить везде надо. Везде солнце греет, здесь даже теплей. Рождественские морозы у вас, наверно, носу не кажи, а здесь самое большое 10 градусов и снегу мало. Лето здесь одна прелесть: яблоки, груши, сливы, виноград. В Рождество придется быть в походе, прошу пишите чаще письма и передайте привет и низкий поклон всем молодцам и девицам, родным и знакомым. До свидания. Ваш родной брат Н. Г. Шалагин.

№ 354. От 26 декабря 1917 г. Брату Грише.

Здравствуй горячо любимый мною брат Гриня. Поздравляю тебя с праздником Рождества и Новым годом, желаю в радости встретить и провести. Гриня я сегодня получил твое письмо вместе с тятиным. Я очень был обрадован тем, что меня не забывают мои братья. Вы мне сообщили новость про буквы, которые будут уничтожены. Это для учащихся будет облегчением, как для нас солдат отмена отдавания чести офицерам. Гриня, когда получите письмо, то опишите, как прошло торжество в школе на елке, мне очень интересно знать. Гринюша послушай моего совета, учись прилежно, а когда кончишь сельскую школу, стремись попасть в другую, потому что теперь ученому в 100 раз лучше жить, чем не ученому. В

тебе я вижу сам себя. Гриня будешь жить и много в жизни увидишь того, что теперь и в голову не придет. Как прекрасен и обширен свет Божий. Только тогда проглянет свет на земле, когда ты Гриня будешь большой и ученый. Вместе с тобой также будут учиться тысячи и даже миллионы таких же мальчиков. Пусть пишут Сережа и Пано, сестры Шура и Маня. До свидания, брат Коля.

№ 355. От 26 декабря 1917 г. Папаше.

Здравствуй горячо любимый мною родитель. Шлю вам самое искреннее приветствие и низкий поклон свой. Я очень рад, что вы все живы и здоровы, так же как и я, благодаря Вашим молитвам нахожусь в полном благополучии. Я уже вам сообщал, что перешел из команды в канцелярию. Как там, так и здесь жить прекрасно, там дед и бабка были, а здесь нас собралось пять холостяков, халупа построенная, хозяева мать с дочкой живут в другом конце через сени. Мы живем не унываем, днем, вечером и ночью песенки спиваем. Грустно в праздник, дела не делаешь, читать сядешь, мысли не туда идут. Я хотел бы найти истинного друга жизни, с которым можно жить одной мыслью и одним желанием. Что в этом заключается, вам без объяснений понятно. Не найдя такого друга, я считаю лучше жить одиноко. Но сказал Христос: «Ищите и обрящете». И я думаю рано или поздно можно найти. Теперь я не знаю, могу ли жить дома. Я увидел свет и едва ли могу жить во тьме. Теперь у нас в России будут такие уголки, где будет царствовать любовь и согласие, где будет сиять солнце любви и свободы. Из тех первоначальных уголков этот свет будет расходиться по всей Руси. В скором времени поедем в другое место, по слухам в город. Могилев, Каменец — Подольской губернии. С какой целью будем переходить, не знаю. Опишите, как там у вас на счет земли и построек в селах, они в скором времени должны принадлежать народу. Как там наша потребиловка и Народный дом? Наблюдается ли справедливость и крепкая организация. Какие изменения в общественной жизни? Мне кажется, у нас там слабо двигается вперед. Здесь все время стрельба в честь праздника. С австрийцами все время сходятся. В сочельник только стемнело на фронте, как начали стрелять из орудий и из винтовок, ракеты начали бросать, жители забегали. На память дорогому родителю:

Утихнет гул борьбы кровавой,
Угаснет пыл вражды на век,
Иною доблестью и славой

Гордится, будет человек.
И там, где в мраке смут жестоких,
Сверкала сталь, и щит звенел,
На тучаных нивах в чистом поле
Высокий колос зашумит.
И песня пахаря на воле
Отрадой светлой зазвучит.

До свидания любимый мною родитель. Ваш сын Коля. Широу-
цы, Бессарабская губерния, Хотинский уезд, Клишковская волость
(Адрес прежний).

№ 356. *От 27 декабря 1917 г. Сестре Толе.*

Здравствуй уважаемая сестра Толя. Шлю вам свое братское по-
чтение с искренней братской любовью. В праздник, в ночь перед
Рождеством сходил вблизи находящуюся церковь. В службе ничего
не было торжественного. Пожилой священник и несколько певчих
пели невпопад друг с другом. Масса солдат и мирных жителей бес-
прерывно толкающихся. Вечером просидишь долго, утром проспишь.
Чай и обед готовый получаем, все время варят мясо, даже не исклю-
чая сочельника. В баню ходить можно сколько вздумается, белье сти-
рать отдаем жителям. Погода здесь все время теплая, валит крупный
снег. Перед Новым годом невольно припоминаешь всю прожитую
жизнь и что видишь? Беспрерывное ожидание чего-то и бесконечное
стремление к чему-то, вот все, что я вижу из прожитой жизни. Что я
могу ожидать впереди? Придет быть может и то время, я приеду в
свой родной кров. Толя я в настоящее время живу так, не допускаю
скучной мысли, которая беспокоила бы меня, то есть стараюсь быть
спокоен и доволен во всякое время. Это я привык считать самым хо-
рошим достижением, которое, как я чувствую, всего больше прино-
сит спокойствие в жизни каждого человека. Я понял, чтобы не слу-
чилось, что называем горем и несчастьем, то это то, без чего не может
существовать жизнь. Нахожусь на прежнем месте в той же деревне, в
канцелярии, ждем перехода. Здесь на позиции происходит что-то...
наши и австрийцы сходятся между позиций, меняются кое-чем, по-
видимому, у них страшный голод. Наши у австрийцев за хлеб табак и
тому подобное выменивают одеяла, ремни, бритвы, кошельки и т.д.
Меняться наши запрещают. При свете свечи вечером сидим трое и
читаем роман «Изабелла — изгнанная королева Испании» или «Тай-
ны Мадридского двора». Это прекрасный роман, полный ужасов.

Читая его до того углубляешься, что на время забываешь все окружающее. Мы имеем 2 части, около 600 страниц, но жаль, что нет конца. На воле, в окружности деревень, которые сходятся в одну, непрерывно лают собаки и слышен всю ночь непрерывный грохот повозок, едущих по шоссе. Мечты, мечты, где ваша сладость!!! До свидания. Брат Коля.

№ 357. От 8 января 1918 г. Сестре Толе.

Здравствуй незабвенная мною сестра Толя. Жизнь в настоящее время изменилась. Мы уже, хотя не в Могилев, но верст на 40 отошли. Шли два дня, остановились в местечке Левканы. Это станция, где после прошедших 10 месяцев первый раз увидел паровоз. Уходя из этой деревни и дальше сердце наполняется какой-то радостью и восторгом. Каждая встречающаяся деревня кажется той, в которой я родился и рос. В каждом встречающемся мальчишке или девчонке, судя по возрасту, я точно вижу своих братьев и сестер. Но до них еще далеко. В настоящее время мы версты 1 S от Румынской границы, между станциями Мамалыгой и Ларгой. Прошли верст 20, остановились в деревне Львинцах, разместились по 2 и 3 человека. Я и еще 2 товарища ночевали у одного пришедшего с войны солдата. Он в бедной халупе с краю деревушки, живет с жинкой, и имеют 3 детей. Он 3 раза ранен, испытал солдатскую жизнь и когда мы пришли, он нас встретил, как заведовал Христос. Жинка скипятила чаю в чайнике, заварила своим чаем, у нас, его не было. Высушила наши промокшие портянки, отдала последний хлеб, который они имели, потому что у нас были только сухари. Мы с ними тоже поделились, что имели. У нас был сахар, и мы каждый дали в благодарность по несколько кусков. Ночь прошла, попрощались и пошли дальше. Пройдя опять верст 20, остановились в Липканах у евреев. Нашли квартиру и разместились. Солдат в деревне было много. Евреи смирные, кроткие, придут к ним солдаты, так они и спрашивают: «Ви, за какую партию?». Им скажут: «За такую-то», они говорят: «И ми за такую». С фронта уходят почти все, как волна, вернувшаяся обратно, пехота, батареи, повозки, обозы едут и едут. Но все тихо и смирно пока. У солдата крепкое товарищество. И слово «товарищ» звучит повсюду. В этом местечке для канцелярии, в которой нас 13 человек приобрели очень хорошее помещение. В одной комнате нас 8 человек, все устроились по койкам. Вообще жить можно, только при переходе трудно. Жители здесь в деревне молдаване, а в местечке все евреи. Есть очень хорошо го-

ворящие по-нашему. 5 января я с товарищем пошел в местечко и зашли в еврейскую синагогу. Там зажжены свечи. Евреи старые и молодые, ребяташки в шапках все. Каждый с книгой, кто сидит, кто стоит, качаются. Вечером поднатопили печку, напились чаю и легли спать. 6 января в крещение долго спали. На площади проходили танцы, культурней, чем там... Одеваются, как у нас. Вечером я ходил в театр, показывали «Сватаня на Гончаривке». Малороссийская, очень интересная. В воскресенье также были танцы, а вечером свадьба с небольшой дракой. До свидания. Брат Коля.

№ 358. От 9 января 1917 г. Сестре Толе.

Здравствуй любезная сестра Толя. Шлю вам свое нижайшее почтение и низкий свой поклон. Погода здесь очень теплая, от лучей солнца тает снег, и в маленькой, мимо протекающей, речке течет мутная вода. Поля и дороги скоро уже будут свободные от снега. Толя живу я пока ничего, жить можно, много я не добиваюсь, а необходимое все имею. Деньги, хотя не большие, но ведутся все время. У хозяев очень много книг и мы теперь по вечерам читаем. Сегодня мы ходили в баню. На все местечко есть одна баня, но не хорошая, огромная, грязная и холодная. Работают там пленные австрияки. Вчера мы ходили в команду к товарищам, они стояли в местечке по квартирам, ходят на Румынскую границу, охраняют мост и не пропускают людей без особого вида. По другую сторону стоят румыны, они не говорят по-русски. Моя жизнь однообразная, пока живу, можно сказать спокойно. Есть желание побывать дома, но на все нужно иметь терпение: «Терпение и труд, все перетрут». Вчера 14го я с одним товарищем, встав раньше обыкновенного, собрался и пошел в церковь. Простояли недолго в церкви, огромной и холодной. Публика, посетившая храм была достойна внимания. Уже нет таких кожухов и беспрерывно толкающейся толпы. Осталось позади 40 верст. Опять предстоит переход около 18 января. Он принесет большую неприятность, потому что непроходимая грязь, даже и утром не мерзнет. Здесь мы только что обжились, привыкли. Не испытай горького, не увидишь сладкого. Не разлучившись с вами, я не ждал бы встречи, которую я считаю выше всех наслаждений. До свидания. Брат Коля.

№ 359. От 12 января 1918 г. Родителям.

Здравствуйте уважаемые мною родители, папаша и мамаша, сердечно любимые мною братья и сестры. Любезные родители уж

скоро 2 года, как я с вами, а вы со мной расстались. Много произошло перемен в общественной жизни, заметно изменилась жизнь и в каждом человеке отдельно. Если мне придется, вернуться на родину, то я многих уже не застаю в живых, а молодых людей увижу уже совершенно в другом виде. Вопрос, как бы побывать дома, часто занимает мои мысли. После тяжелых испытаний я остался жив и в настоящее время я считаю себя обязанным больше ничего не желать. Теперь я не могу жить и думать только о себе. Мне ясно представляется разнообразная жизнь народов, который разговаривает более чем на 1000 наречий, верует более чем на 100 разных манеров, жизнь ведет самым разнообразным образом. За 100 лет назад вижу безумные войны, в которых погибли тысячи и миллионы людей. Вижу и настоящую войну, которая своей коллосальностью превышает убыток материальный и живой силы за много десятков лет. Судя по подсчетам за время войны во всех воюющих странах, только убитых и умерших от ран насчитывается более 7 миллионов человек, то есть на каждый день приходится более чем по 6000 человек. Представьте, 3 с половиной года каждый бы день к одному месту привозили бы 6 тысяч трупов. В общем, какая бы получилась куча. Теперь, например, отсюда до нашей деревни более 1000 верст и на этом протяжении трупами хватило бы выстать шпалы в 4 ряда. Это не считая естественных смертей. Ах! Как прекрасен и обширен земной шар, но он наполнен злобой и ненавистью. Скорей к свету, довольно ходить во тьме. Моя душа хочет быть свободной от всех сует, потому что жизнь на земле временна и тленна. До свидания. Коля

№ 360. От 3 февраля 1918 г. Родителям.

Здравствуйте уважаемые родители. Шлю вам сыновье почтение и низкий поклон. Поздравляю вас с долгожданным миром, который надеюсь, у вас уже объявлен. Мое место нахождения в Каменец — Подольской губернии, Могилевском уезде, по железной дороге между г. Могилевым и ст. Жмеренка, вблизи ст. Копой — городок. Ехали по железной дороге, теперь стоим, в деревне жизнь несравненно улучшается. Живем уже точно дома, со стороны жителей обхождение лучше чем, в Галиции — Австрии. Живу с канцелярий, жду, когда буду свободен. Вижу много солдат здесь, приезжающих домой. Радуюсь их приезду, с ними вместе переживаю. Думаю и моя минута должна когда-нибудь наступить. Писем нет, от вас не получаю уже около 3-х месяцев. Вам шлю, надеюсь, что до вас они до-

ходят. Быть может волны жизни опять меня после бури прибьет к берегам моего родного крова, тогда я вам, а вы мне расскажите все подробно, а пока пожелаю вам всего наилучшего. Если скоро получите письмо и пожелаете написать ответ, то пишите по адресу: В действующую армию. Штаб 3-го пограничного Заамурского пехотного полка Н. Г. Шалагину. До свидания любящий своих родителей и уважающий своих братьев и сестер Ник. Григ. Шалагин.

**Сокращенный текст дневника отца после 3 февраля 1918 г.,
т. к. писем он больше не писал домой.**

9 февраля 1918 г. Писем ни с дому ни от кого другого нет уже около 3-х месяцев.

Мир был заключен 27 января, но у нас объявили 2 февраля. 10 февраля 1918 г. День моего рождения, мне исполнилось 21 год от роду, 20 месяцев и 10 дней военной жизни в разлуке с родными и родиной. Какой длинный и долгий путь в такие годы и такие испытания.

11 февраля 1918 г. Был митинг полка и нам объявили, что Румыния, Германия движутся в Россию, что забрали такой-то и такой-то город... Был приказ — мост через реку Днестр у г. Могилева подготовить к взрыву. Склады с военным снаряжением на ст. Лерга и Новоселица, ввиду невозможно вывести, подготовить к взрыву.

15 февраля 1918 г. Имели распоряжение уезжать... Когда было все готово, со ст. Копай Городок нас исподовольно повезли два паровоза...

Вечером подъехали к станции Жмыринка...

16 февраля 1918 г. Скоро отправились не на Киев, где на пути были враждебные группировки, а в Екатеринославль.

17 февраля 1918г. Днем на станции нас догнала Красная гвардия в бронированных поездах с бронированными автомобилями, они сообщили, что ст. Жмыринка занята немцами.

19 февраля 1918 г. Проехали Херсонскую губернию (вместе с 4-м Заамурским полком, с которым все время были на фронте вместе).

21 февраля 1918 г. Ст. «Пятихатки». Собрали полковой митинг, обсудили : приказ о демобилизации на руках...

Проехали Днепровск, Каменское, Запорожье...

22 февраля 1918 г. Приехали в Екатеринославль.

Удостоверение № 230. (Копия)

Предъявитель сего есть действительно солдат вверенного мне полка Николай Григорьевич Шалагин, что подписью и приложением казенной печатью удостоверяю,

22 февраля 1918г. г. Екатеринославль.

Командир 3-го Пограничного Заамурского пехотного полка (подпись)... Полковой Адъютант (подпись)...

Вечером пошли в город..., зашли в театр «Солей», посмотрели драму «Ее влекло бушующее море», 23 февраля 1918 г. Стали готовить документы на 1912-19г.г. призыва.

25 февраля 1918 г. Демобилизационные документы закончили оформлять на всех. Имущество и лошадей сдали в местный комитет... проехали мост через реку Днепр.

26 февраля 1918 г. Ст. Гришине, здесь заготовили себе документов на работников штаба, получили проездные.

28 февраля 1918 г. на ст. Попасная полк уже весь разъехался, мы ехали только канцелярией. К нам пришли красногвардейцы, предложили сдать оружие. Мы отдали все винтовки, патроны, пишущую машинку и ящик с крестами и медалями, которые были получены на полк, но людей уже не было, да они и не нужны были никому. 1 марта 1918г. Приехали в Воронеж ночью.

2 марта 1918 г. Утром присутствовал на похоронах комиссара Шевченко, убитого крестьянами села Бобринского ... Из Воронежа мы поехали все домой по разным направлениям, долго прощались с товарищами,

3 марта 1918 г. В Москву прибыли пол первого ночи.

4 марта 1918 г. В час ночи сел в поезд, идущий на г. Вологду... Видел вологодских тетушек, едущих в Вологду...

5 марта 1918 г. Весь день ехал с мыслью о встрече...

6 марта 1918 г. 8 часов утра... Я не верил своим глазам, что это не сон. Не верил, что только 8 верст отделяет меня от моего родного дома, от моих родных и близких, которые не знают о моем приезде. Это был не сон, ведь я имею от всего прошлого товарища Селюнина.

Зашли в чайную, попили чаю. Я сходил еще в парикмахерскую, хотел немного привести в порядок свой наружный вид. Потом, простившись со своим боевым товарищем, взял свой немудрый багаж пошел к своей дороге Пошехонке, которая начиналась от центра мимо Богородского кладбища, на углу которого стоял верстовой столб и на нем стояла цифра 2, т. е. 2 версты от центра, мимо Сенной и Дровяной вдоль Золотухи и через нее у Николы-Глинки. Выйдя на Пошехонку; я нашел попутчика, который согласился попутно меня довезти до деревни, до дома. Погода была еще холодная. Поля все покрыты толстым слоем снега. Вот знакомые деревни вспоминаю, —Четряково, Медуницино, Говорове, Абрамцево, Яскино. Показались крыши родной деревни Непотягово, сотни раз я писал ее на конвертах с любовью. Вот отворот дороги с Пошехонки в поле

мимо леска — Нового поля. Последний километр пространства сердце начинает усиленной биться, предвкушая встречу с родными. Вот мы в проулке между домов, у родного крыльца, на котором я часто любил сидеть на перилах с мандолиной и балалайкой еще до службы, на крыльце прощался с братьями и сестрами еще и еще раз. Я сошел с дровней, взял вещевой мешок и пошел к крыльцу, чтоб войти в избу. И тут заметил, что из деревни со всех сторон бежали наши деревенские жители. В избе родные, а мама со слезами и оханьем выбежала еще на крыльцо и излила свои чувства. Я обнимал и целовал братьев, сестер, родителя. Не успел еще войти в избу, здороваясь с родными, пришли уже из ближних домов в том числе и девушки. Я также с неменьшим порывом, здороваясь, целовал всех без исключения; также по обычаю в таком случае, стремились к лобызаниям все вообще. Из 40 домов более 200 человек жителей, кроме отсутствующих и детей, почти все побывали у нас, я со всеми целовался, отвечал сколько мог на все вопросы, которые мне задавали. Сначала переволновался, затем успокоившись, подкрепился чаем и поел кой-что, стал осматриваться и привыкать к домашней мирной жизни.

В 1990 году во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы состоялась выставка, посвященная 45-ю Победы, где экспонировались письма, документы и вещи отца с трех войн.

В каталоге выставки написано, что у Шалагина (Лагинменского) сохранились все письма — их сотни, и это поразительные документы, подробно рассказывающие и о братании с австрийцами осенью 1917 г., и о революции в Петрограде..., и о событиях гражданской и финской войн»...

Примечание

- № 1 Верста — мера длины, равная 1,06 км.
- № 2 Сак — полупальто.
- № 8 Харчевня — трактир, закусочная с простыми, дешевыми кушаньями.
- № 18 Ф-ка Сокол — фабрика города Сокола
На кв. — на квартире.
- № 20 Посиделки — вечерние посиделки в деревне.
- № 36 Санук П. Шануров пилатовский — Александр П. из деревни Пилатово, т. к. часто в наименовании лиц включается указание на место их пребывания.
- № 38 Домовничанье — домашнее занятие, перемежающиеся коллективной беседой.
- № 45 Панко — Павел.
- № 46 Плац — площадь для военных парадов или отдыха.
Ситный — хлеб, испеченный из муки, просеянной сквозь сито (решето).
Фунт — старая мера веса, в 453,6 г.
- № 52 Днем ведро — днём хорошая погода.
- № 56 Аршин — старая мера длины, в 0,71 метра.
- № 57 Кирики — место отдыха под Вологдой.
- № 58 Нагорьево — деревня Вологодского района.
Поденьщина — оплата по дням за выполненную работу.
Занин — помещик, мясоторговец.
Дмитриевское — село Вологодского района.
- № 59 Сниматься — фотографироваться.
- № 63 Подсека — место, очищенное от леса под пашню.
- № 66 Катаник — валенок.
Ночь хвала нас — остановила.
- № 69 Пакля — отходы обработки льна.
Обряжаться — работать по дому.
- № 73 Сажень — старая мера длины в три аршина 2,13 м.
«Кобыла» — гимнастический конь.
- № 74 Вольная квартира — гражданская квартира.
- № 77 Гавдарея — галерея.
- № 79 Суслоны — связки льна.
- № 81 Амуниция — солдатская одежда.
- № 88 Оболокаться — одеваться.
Гумно — площадка для молотбы сжатого хлеба.
- № 97 Досаждать — огорчать.
- № 100 Сполье — поле с кочками и водой.

- № 112 Золотник — старая мера веса в 1/96 фунта или 4,26 г.
- № 133 Рота — воинское подразделение входящее в состав батальона.
Взвод — подразделение роты, батареи, эскадрона.
- № 134 Сулить — обещать.
- № 135 Полк — воинская часть, входящая в состав дивизии.
- № 141 Отделение — низшее воинское подразделение, входящее в состав взвода.
Команда — отряд, воинское подразделение.
- № 148 Фельтфебель — звание старшего унгер-офицера — помощника командира роты по внутреннему распорядку и хозяйству.
- № 150 Шограш — река деревни Непотягово.
- № 157 Пуд — старая мера веса в 16,38 кг.
- № 167 Курмашево — деревня Вологодского района.
- № 177 Хорхорино — деревня под Вологдой.
Кум — крестный отец по отношению к родителям крестника.
И. М. Говоровский — из деревни Говорове, теперь район г. Вологды.
- № 179 Кредит — приходно-расходная книга, счет расходов и доходов данного учреждения.
- № 184 Спас — село Спасское Вологодского района.
- № 199 Околоток — участок, дистанция на путях сообщения.
Корпус — крупное воинское соединение из нескольких дивизий.
- № 214 Четверик — старая русская мера веса, содержащая 4 какие-то единицы. Например, пачка в 4 свечи и весом в 1 фунт или куль в 4 пуда.
- № 228 Застрех — нижний, свисающий край крыши.
Пестерка — корзина.
- № 255 Дюйм-единица длины в S фунта, т. е. 2,54 см.
- № 261 Котельников — теперь село Можайское Вологодского района.
- № 263 Полтина — то же, что полтинник.
- № 265 Земство — орган местного сельского самоуправления.
- № 266 Кириллов день — праздник.
- № 271 Околоток — здесь в значении санитарного пункта.
- № 286 Лощина — долина с пологими склонами.
- № 289 Овин — строение для сушки снопов перед молотью.
- № 299 У Лимина — завод в Заречье г. Вологды.
- № 307 Комитет — коллегиальный орган, руководящий какой-либо работой.
- № 326 Швальня — портновская мастерская.
- № 336 Веселая — праздник в деревне, на который приглашали гостей из соседних деревень.